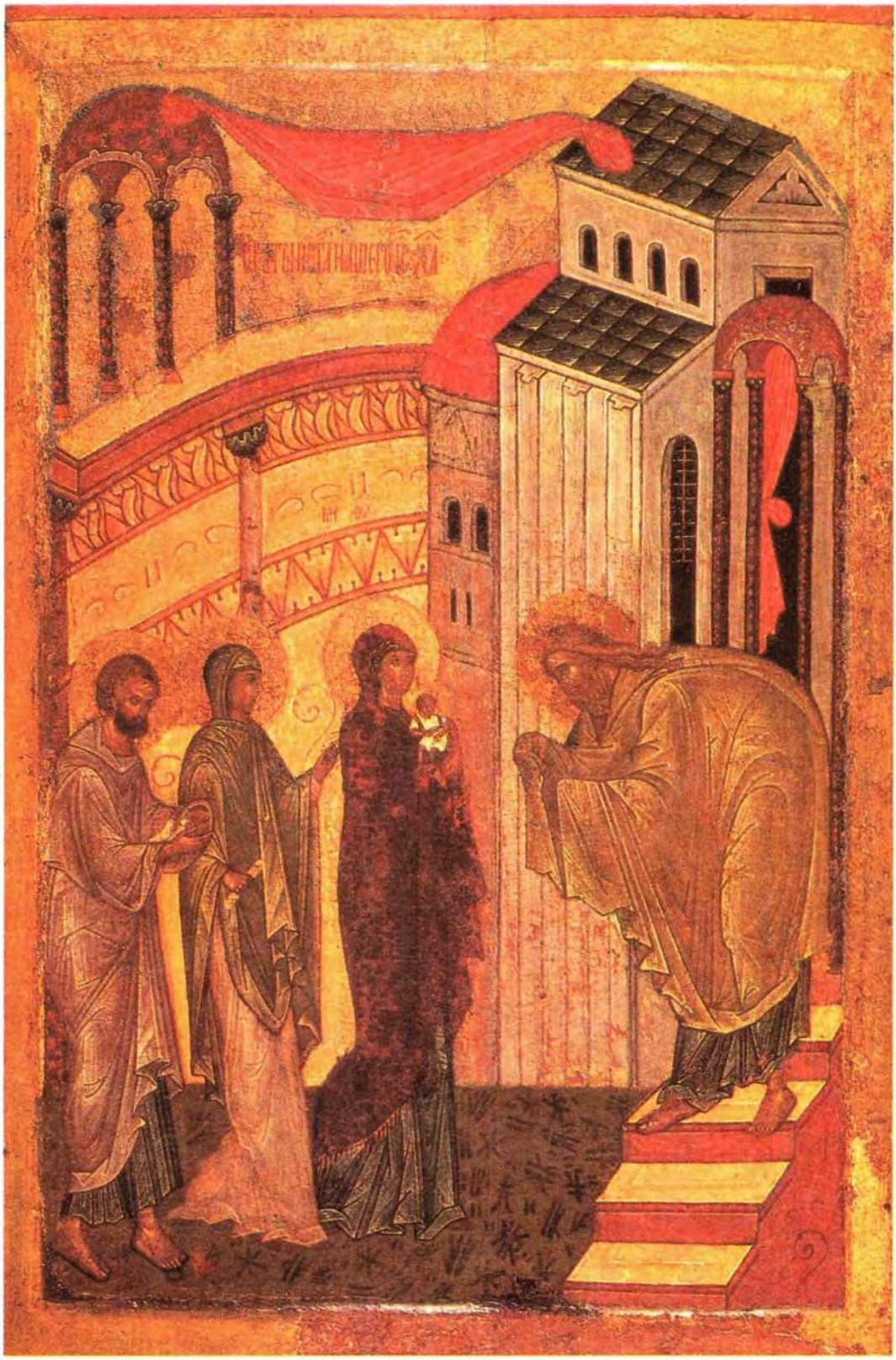
ISSN-0132-862X

2
93

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

СРЕТЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Икона XV века, новгородская школа

1993 • 2

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Диакон Андрей Лоргус. О человеке 2

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Е. С. Полищук. Международная научная конференция «Преподобный Сергий Радонежский и традиции русской духовности» (Заметки и впечатления) 3

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ

Священник Сергий Гордун. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год (Краткий исторический обзор) *(Окончание)* 11

Вадим Кожинов. Путь Руси из Киева во Владимир *(Окончание)* 24

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Б. Ярушевич (митрополит Николай). Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви (Историко-канонический очерк) *(Окончание)* 29

НОВОМУЧЕНИКИ РОССИИ

Михаил Вострышев. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин 37

ПРОПОВЕДЬ

Епископ Новогрудский и Лидский Константин. Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко 44

Архимандрит Георгий. Слово в Неделю сыропустную 45

Священник Алексий Крикунов. Человек — храм Божий 47

1000-ЛЕТИЕ ХРИСТИАНСТВА В БЕЛОРУССИИ

Ф. П. Кривонос. Судьбы Православия в Белоруссии 48

А. Пискунов. Празднование 1000-летия христианства в Белоруссии 58

Епископ Пинский и Лунинецкий Стефан. История Минской Духовной Академии . . . 66

Протоиерей Сергий Гордун. Первое собрание духовенства Новогрудской епархии . . . 69

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Алексей Светозарский. «Помолитеся о грехах моих...» 71

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. *(Продолжение следует)* . . 76

ИСТОКИ

В. Кисель. Житие Преподобного Сергия Радонежского в русской агиографии . . . 100

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Иеромонах Иларион (Алфеев). Памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа . . . 104

ХРОНОГРАФ 109

О человеке

Что такое человек...?

(Иов 7, 17)

Действительно, что есть человек? Вся история человеческой культуры есть ответ на этот вопрос. Совсем иначе на эти вопросы отвечает наша христианская вера и Церковь. Церковь имеет эти ответы. Должно сказать, что Библия, Священное Писание и Священное Предание раскрывают весь опыт человеческого самопознания. И в то же время каждый из нас призван задуматься и ответить на этот вопрос сам. Потому что Господь говорит не только всем вместе, но и каждому в отдельности. Потому что Господь любит не вообще людей, а любит каждого конкретного человека.

Искра Божественная горит в человеке, и прекрасна душа человека. Но знаем мы, что многие люди отчаиваются, перестают видеть смысл своего существования. Многие люди говорят себе, что их жизнь ничего не стоит и никому не нужна: ни Богу, ни людям, ни самому себе. Это отчаяние, это уныние есть хула, ропот на Того, Кто создал человека. В то же время множество людей говорят себе: «Моя жизнь прекрасна, но она стоит ровно столько, сколько удовольствий я могу получить. Моя жизнь стоит ровно столько, сколько у меня богатства и власти».

Глупцы... Эти люди разменивают свою жизнь, не понимая ее ценности, уникальности. Если человек независим от условий, в которых он живет, независим от состояния души, радуется жизни как таковой, как дару Божию, то, значит, он в полной мере человек. Он знает цену жизни, а не ее составляющих условий, обстоятельств и прочего. Чаще всего люди под ценностью жизни разумеют ценности качеств жизни — удобства, достаток, власть. Однако удовлетворенное тщеславие, успех, земные радости не означают полноты жизни. Те мудрецы, кто жизнь свою целостно, без остатка, посвящают, как благоуханную жертву, Богу, тем самым оправдывая и ее подлинную ценность и продлевая ее в вечность.

Трудно ли человеку увидеть в себе красоту Божественного творения? Да, если человек искажен грехом, последствия которого — болезнь, отчаяние ставят свою печать на лицо человека. Трудно увидеть красоту своей души тому, кто не привык прислушиваться к голосам, звучащим в ней, кто не привык очищать свою душу, говорить с ней. А если не увидишь эту красоту, то не полюбишь ее, не устремишься к духовному, Царству Небесному. Трудно человеку увидеть красоту своего духа, если он никогда не возводил внутренний взор к созерцанию духовного мира, начиная с самого себя, восходя к Божественным Светам, не искал сияния Истины, не стремился к правде. Если дух человека не водил им, не даровал радости милосердия, сострадания, любви, то горе ему. Трудно понять человеку, как должен жить в нем царственный ум, если никогда не подчинял уму свои чувства, волю, свои стремления. Трудно человеку, если в основание своей души он не положил любовь к Богу и заповедям Его. Безмерно трудно человеку, если он не прибегает к помощи Божией, если он не познал Христа, Который пришел в мир чтобы спасти человека и вывести из темницы греха и смерти.

Вглядись, человек, в себя, а значит, вглядись в образ Бога. Познай себя и познай Бога. Веруй в Бога и уверуешь в себя. Веруй в благой Промысл о себе самом — и тогда ты узришь смысл жизни, и великая радость будет с тобой во все дни твои. Вглядись, человек, в великие дарования, данные тебе. Увидь руку помощи, которую простирает тебе с Неба Господь. Вглядись, человек: святые Божии и Пресвятая Дева Мария стоят круг тебя, чтобы помогать тебе. Взойди с помощью Божией на высоту духовную, которую знают они. Тогда возрадуется Пастырь об овце потерянной и найденной (см.: Лк. 15,6); тогда познаешь, что ты Человек. *Аминь.*

Диакон Андрей ЛОРГУС

Международная научная конференция «Преподобный Сергий Радонежский и традиции русской духовности»

(Заметки и впечатления)

ОРГАНИЗАЦИЯ И УЧАСТНИКИ

Знаменательная особенность конференции — в соответствии с духом времени ее организаторами, помимо Русской Православной Церкви, стали также Российская Академия Наук и министерство культуры Российской Федерации. Конференция была приурочена к 600-летию со дня преставления величайшего русского святого — Преподобного Сергия и состоялась 2—5 октября в Москве, в Даниловом монастыре. В ее работе приняли участие иерархи и клирики Русской Православной Церкви, профессора и преподаватели духовных школ, богословы, ученые самых различных специальностей — историки, филологи, археологи, искусствоведы, а также представители прессы. Среди участников немало приглашенных из других стран — Франции, Германии, Италии, США. Работа конференции проходила по двум секциям, первая из которых с некоторой долей условности может быть названа исторической и богословской, а вторая — искусствоведческой и источниковедческой; всего состоялось три пленарных и четыре секционных заседания.

ОТКРЫТИЕ

Открывая конференцию, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий предоставил слово Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. В своем выступлении (см. «Хроника», № 1, 1993) Патриарх отметил, что Преподобный Сергий, быть может, в наивысшей степени выразил своей личностью характер Православия, который определяется прежде всего смирением и любовью. Святейший Патриарх сердечно пожелал благословенных успехов участникам конференции.

Доклад выступавшего за Патриархом члена-корреспондента Российской Академии Наук (РАН) Я. Н. Щапова «Роль религии в истории», по сути дела, был приветствием от Научного совета по религии, созданного при отделении истории РАН в 1988 году в связи с 1000-летием Крещения Руси; именно этот совет взял на себя основные труды по подготовке настоящей конференции.

После этого конференция приступила к работе. Вполне понятно, что коль скоро предметом рассмотрения были житие и деяния человека столь удаленного от нас во времени, героями дня чувствовали себя прежде всего представители исторической науки.

ДОКЛАДЫ ИСТОРИЧЕСКИЕ

Среди историков царило оживление, явственно ощущался эмоциональный подъем: дорогой для сердца русского человека праздник наконец-то пришел — в прямом и в переносном смысле — и на их улицу. Сергиевский юбилей стал по-настоящему первым юбилеем такого масштаба, отмечаемым после падения идеологических запретов и ограничений, вынуждавших исследователей клеймить и обличать Церковь по любому поводу. В условиях подобного идеологического террора агиографией как таковой заниматься было практически невозможно, и, по словам доктора исторических наук Н. В. Синицыной («Традиция изучения агиографических памятников в русской науке XIX—XX веков»), определенным спасением для историков русского средневековья стало изучение источников: можно даже сказать, что русская историческая наука ушла в источниковедение. Теперь, с обретением свободы, важно вспомнить о накопленном учеными старой школы багаже, об имевшихся, но забытых традициях.

Доклад Б. М. Клосса «Житие Сергия Радонежского и его эпоха *(несколько научных проблем)*» был посвящен хронологии жизни Преподобного с точки зрения современной исторической науки. Сопоставляя различные источники, повествующие о Преподобном Сергии, докладчик представил критический анализ датировки различных событий, так или иначе связанных с его жизнью. Привлечение различных вспомогательных данных и сведений (вроде того, что освящение храмов в Древней Руси происходило, как правило, в воскресные дни, и тому подобное) позволило историку уточнить некоторые традиционно принятые даты; так,

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий обращается с приветственным словом к участникам конференции

наиболее вероятной датой основания Спасо-Андроникова монастыря, первым игуменом которого был ученик Преподобного Сергия преподобный Андроник, по мнению Б. М. Клосса, является 1366 год (а не 1360-й), а Стромынкинского монастыря — 1381, а не 1379 год. В заключение своего доклада ученый выступил с прошением о канонизации ученика Преподобного Сергия и первого составителя его жития, духовника Троицкой лавры Епифания Премудрого.

В ряде докладов рассматривались сложные вопросы, связанные с политической ситуацией и борьбой за русскую митрополичью кафедру в 70—80-е годы XIV века и с отношением к ней Преподобного Сергия Радонежского. Интересно отметить, что очень близкие доклады на эту тему, с похожими названиями и примерно одинаковыми выводами о том, что поддержка Преподобным Сергием той или иной стороны в различных конфликтах его эпохи во всех случаях отвечает его принципиальной линии на сохранение и укрепление единства русской церковной митрополии, сделаны светским историком доктором исторических наук В. А. Кучкиным (РАН) и церковным историком, кандидатом богословия игуменом Никоном Лысенко (Минская епархия).

В докладе Пьера Гонно (Париж) «Преемники Сергия Радонежского и власть» рассмотрен вопрос об общественной позиции преемников Преподобного по игуменству. Было показано, что они наследуют его интерес к политической жизни (хотя и не имеют такого влияния на нее); сохраняется также и определенная дистанция между великокняжеским двором и монастырем, который все время как бы находился в некоторой оппозиции власти (вплоть до времени Иоанна Грозного).

МЕТОДОЛОГИЯ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Не ограничиваясь конкретными историческими исследованиями, некоторые докладчики поднимали вопросы, связанные с методологией исторического изучения такого объекта, каким является Церковь. Н. Н. Лисовой, например, утверждал, что до сих пор не выяснены сами принципы работы с таким важнейшим историческим и агиографическим источником, каким является Церковное Предание, понимаемое как история живого факта («Нравственный вклад Преподобного Сергия и его школы в государственное и культурное строительство»). Взгляд изнутри Церковного Предания на события церковной истории освещает их новым светом. Так, далеко не случайны тексты из Евангелий, которые читаются в церкви в день рождения и смерти человека: в них можно найти ключ к его жизни; в соответствии с этой православной традицией в евангельских словах о новом вине и новых мехах (Лк. 5, 33—39),

которые читались на литургии в день преставления Преподобного 25 сентября 1392 года, докладчик усматривает общую оценку деятельности Сергия: за 40 лет «тихости велией» Преподобный и его ученики сумели одеть в схиму всю страну, превратить ее из окаянной в Святую Русь.

Парадоксальную мысль, что мы и по сей день не имеем христианской истории Русской Церкви, высказал А. В. Назаренко («Киевская Русь, Преподобный Сергий Радонежский и мы»). Церковные историки, утверждал докладчик, обычно пишут свои курсы «по митрополитам» — аналогично тому, как Карамзин и другие светские историки писали их «по князьям». В результате даже в самых капитальных церковно-исторических работах (например, в двухтомном курсе А. В. Карташева) едва можно отыскать упоминание о Преподобном Сергии Радонежском. Такой подход, «уравнивающий в правах» различные периоды жизни страны, не позволяет ощутить дыхание Божественного Промысла в истории. Между тем непосредственно ощущается, что некоторые исторические моменты имеют для судеб народов гораздо большее значение, чем многие века последующего их существования. В истории нашей страны таких судьбоносных моментов (и одновременно поворотных пунктов) докладчик видит три: время преподобных Антония и Феодосия Печерских, эпоха Преподобного Сергия Радонежского и нынешнее время «опамятования», требующее по этой причине не торопливого поиска быстрого успеха, а вслушивания в себя, осознания значимости своей традиции и своего пути.

ОТ ЛИНГВИСТИКИ ДО АРХЕОЛОГИИ

Доклад преподавателя МДА В. М. Кириллина («Епифаний Премудрый как агиограф Преподобного Сергия Радонежского: проблема авторства») посвящен текстологическому анализу так называемой пространной редакции жития Преподобного с целью выяснения, какая его часть принадлежит перу Епифания Премудрого. Автор выдвинул гипотезу о том, что такой частью являются первые десять глав рассматриваемого жития, и из сравнения их с последующими двадцатью главами установил структурно-текстологические особенности письма Епифания Премудрого. К их числу докладчик отнес: способ титулования Сергия Радонежского (отсутствие эпитетов «святой» и тому подобное); использование в качестве художественного приема так называемых нумерологических структур — цепочек сравнений, метафор, библейских цитат характерных размеров (3, 7, 12 и др.); вообще — пристрастие к «плетению словес»: сюжетное блуждание, наличие рассуждений «от автора», любовь к несущественным деталям и прочее. По сравнению с суховатым, сдержанным Пахомием Логофетом (автором последних двадцати глав жития) Епифаний предстает перед нами, говоря современным языком, ярким публицистом.

Другой доклад лингвистического характера сделал гость из Германии (Регенсбург) монсеньор Альберт Раух («О затрудненности переводов русской средневековой духовной литературы на немецкий язык — на материалах жития Сергия Радонежского»). Докладчик рассказал о предпринятом им издании (с целью приблизить Преподобного Сергия Радонежского к Западной Европе) краткого и пространного житий аввы Сергия параллельно на русском и немецком языках. Главная трудность, постоянно возникавшая при переводе, заключалась в насыщенности текста жития библейскими цитатами. Особенность стиля Епифания Премудрого состоит в том, что он даже не цитирует Священное Писание, а просто пишет его языком. В качестве примера трудных для перевода мест докладчик приводил такие выражения, как «Троицы чистый дом», «подвижник» (не просто герой, но аскет-кеносист), «пустыня» (не песчаная местность, но русский лес с трескучим морозом) и др. В процессе своего труда автор неизменно ощущал постоянную помощь Преподобного Сергия. В результате, несмотря на указанные трудности, работа была своевременно завершена, и докладчик имеет счастливую возможность показать изданную книгу слушателям.

В том генеральном смотре «науки о Преподобном Сергии Радонежском», каковым, без сомнения, явилась данная конференция, конечно, не обошлось и без вспомогательных исторических дисциплин: археолог С. З. Чернов в докладе «Успенский Дубенский Шавыкинский монастырь в свете археологических данных» рассказал об изучении раскопок Дубенского монастыря на Шавыкином острове, основанного в честь победы над Мамаем — быть может, самого сурового из всех основанных Преподобным Сергием пустынножительств, монастыря, которому не суждено было обрести исторического будущего.

БОГОСЛОВИЕ

Богословская тематика представлена на конференции лишь тремя докладами. В первом из них, «Преподобный Сергий Радонежский и русская богословская мысль», игумен Иннокентий (Павлов) подчеркнул, что идущая от Преподобного традиция почитания Святой Троицы во многом определила характеристические черты русского богословия, по каковой причине отнюдь не случаен тот факт, что триадология — одно из наиболее развитых его направлений. Свое утверждение докладчик проиллюстрировал на ряде примеров (А. С. Хомяков, В. С. Соловьев, митрополит Антоний

Храповицкий, архимандрит Серапион Машкин, отец Павел Флоренский, отец Сергий Булгаков).

«Литургическим преобразованиям в Русской Церкви во второй половине XIV столетия» посвящен доклад А. М. Пентковского (МДА): на примере одного из литургических памятников (устава Чудова монастыря и устава Божественной литургии в переводе митрополита Алексия) рассматривалось воздействие исихазма на русское богослужение.

Наконец, доклад с названием «Логика троичности» сделал известный ученый в области механики и процессов управления академик Б. В. Раушенбах, известный своими трудами в области иконографии, на протяжении многих лет активно участвующий в научно-церковных конференциях. Данное его сообщение также можно отнести к жанру апологетики: автор поставил перед собой задачу защитить средствами «естественного разума» центральное для христианства понятие троичности, обычно третируемое как абсурдное атеистической критикой. С этой целью академик построил математическое понятие триединства: вектор и три его ортогональные проекции (в определенном смысле автор находит возможным говорить о их единосущности, нераздельности, неслиянности, соприсносущности и тому подобном). Вывод ученого: поскольку этот математический объект не противоречит формальной логике, следовательно, нельзя говорить и об абсурдности понятия Троицы. Следует отметить, однако, что та троичность, соответствие которой законам формальной логики показал Раушенбах, не может быть приложима к троичности Пресвятой Троицы, которая остается превыше всяких «понятий» о ней.

ДУХОВНОСТЬ И ЛЖЕДУХОВНОСТЬ

Вопрос о традициях русской духовности, отраженный ввиду его чрезвычайной важности для современного состояния умов даже в названии конференции, затрагивался практически в каждом выступлении. Так, профессор МДА А. И. Осипов в своем докладе («Преподобный Сергий Радонежский и православная святость») отметил, что ныне в общественном сознании весьма популярна идея равноценности и идентичности всех мистических и религиозных течений, всех духовных путей, всех конфессий. Однако одной напряженности усилий аскета и вообще всякого подвизающегося в религиозном подвиге недостаточно: важно также, чтобы эти усилия были направлены на истинные цели. Цели подвига могут быть и ложными, например, стремление к славе, к познанию законов иного мира или к получению удовольствия от достигаемых подвигом высоких состояний. Но всякое дерево познается по его плодам, каковыми для любой религии являются не достижения общества, не состояние государства, а люди, исповедующие эту религию. Плоды Православия — ее святые, жизнь которых была столь высока и совершенна, что накладывала отпечаток даже на их видимую природу, предвосхищая в определенной мере ее будущее преображение (хождение по водам, мгновенные перемещения, способность к длительному невкушению пищи и др.). С этой точки зрения докладчик подробно остановился на образе Преподобного Сергия, каким он раскрывается перед нами из его жития.

Тот же вопрос был рассмотрен в докладе профессора Парижского Богословского института Д. М. Шаховского («Вехи русской духовности и самосознания в историко-литературной традиции»). Отметив, что духовность — это не концерты и не гуманитарные науки, но связь со Святым Духом, ощущение духовного подобия Богу, докладчик говорил о том огромном значении, которое имеет для нас наследие Преподобного Сергия; он указал, в частности, на тот факт, что с несравненной четкостью и полнотой это наследие было выяснено в классических работах В. О. Ключевского «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» и отца Павла Флоренского «Троице-Сергиева Лавра и Россия» (заметим, что эти работы неоднократно упоминались и в выступлениях других участников конференции).

Т. В. Черторицкая из Нижнего Новгорода высказала утверждение, что духовность является компонентой святости, но не наоборот. В своем докладе («Представление о духовности в древнерусских патристических сборниках») на материале открытого в нижегородском архиве четьего сборника XVI века (содержащего, в частности, «Наставления Преподобного Сергия Радонежского») она показала, как постепенно складывался тот архетип нравственной и духовной жизни православного христианина, который усваивался затем многими последующими поколениями русских людей.

Докладчик из Кемерово Е. М. Титаренко («Традиции русской духовности в религиозной философии Н. Ф. Федорова») попытался выявить некоторые черты духовного облика Преподобного Сергия Радонежского через его преломление в творчестве самобытного русского философа Н. Ф. Федорова. По случаю 500-летия со дня преставления Преподобного Н. Ф. Федоров, который вообще считал, что юбилеи позволяют высветить образ Христа в человеке, написал статью, вошедшую в третий том «Философии общего дела». Преподобный Сергий Радонежский, утверждал в ней Федоров, является ключевой фигурой русской истории, представителем христианской активности; обосновывая мысль о том, что Православие является неисчерпаемым кладезем для будущего человечества, философ вовлекает Пре-

подобного Сергия в диалог с Кантом, Шопенгауэром, Ницше, пытается вскрыть недостатки гуманизма, обусловливающие его склонность к переходу в титанизм.

Ныне часто можно услышать фразу, отметил в своем докладе («Преподобный Сергий и традиции русской государственности») преподаватель МДА В. Г. Моров, что Сергий Радонежский — нравственный идеал русского народа. Однако святой всегда выше идеала: идеалу можно служить, но нельзя молиться; представление об идеалах (суть идолах) — коммунистическая редукция понятия святости; по мысли докладчика, духовная связь со святым и его заступничество возможны лишь в литургическом контексте.

Выступление это вызвало особенно горячую дискуссию. Например, Н. В. Синицына, соглашаясь с докладчиком в том, что духовность не есть нравственность, ставила вопрос: не воздвигается ли между этими двумя понятиями некая китайская стена? В своем ответе В. Г. Моров пояснил сделанное им противоположение между духовностью и нравственностью следующим образом: нравственность выражает собой потребность общества в стабильности, в сохранении status quo; но человек в своем стремлении к спасению должен преодолевать грешное и ограниченное «текущее состояние», преодолевать свою природу, поэтому подвиг обожения «трансцендирует нравственность».

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ И ЕДИНСТВО РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Вопрос этот затрагивался во многих выступлениях (в частности, в упоминавшихся уже выше докладах В. А. Кучкина и игумена Никона (Лысенко). Особое звучание в нынешнее время отделения Украины от России имел доклад доцента МГУ Н. С. Борисова («Образ Сергия Радонежского и Феодосия Печерского в их житиях: общее и особенное»). В нем была сделана попытка проследить то влияние, которое имел на Преподобного Сергия Радонежского его южнорусский предшественник по иноческому и игуменскому подвигу — преподобный Феодосий Печерский. Докладчик отметил в частности, что в Ростове, городе формирования личности Преподобного, очень ощущалась традиция Киево-Печерской Лавры, выходцами из которой были многие ростовские святители; небезынтересен и тот факт, что для этой Лавры также было характерно почитание Святой Троицы, о чем свидетельствует посвящение Ей лаврской надвратной церкви (как известно, такие церкви имели особое значение для монастырей). Хотя личное подвижничество преподобных Сергия и Феодосия и тем более их общественная деятельность были весьма различны, но в их игуменском служении много общих черт, что обнаруживается при сопоставлении житий двух святых: весьма похожими являются рассказы о начале игуменства, ночных обходах монастыря, о смирении преподобных, выражающемся в любви к ветхим ризам (рассказ о «худости порт») и др. Конечно, автор жития Сергия Радонежского пользовался житием преподобного Феодосия, расцвечивая его в стиле XV века (кстати, обращение московского агиографа к этому житию имело и политическое звучание); однако несомненно и то, что в своей жизни Преподобный Сергий сознательно старался следовать заветам преподобного Феодосия, быть продолжателем его традиции.

Взволнованным и эмоциональным было выступление заместителя председателя ОВЦС протопресвитера Виталия Борового. Его доклад не значился в повестке дня конференции, что отнюдь не помешало ему быть ярким и содержательным. Я здесь «нелегал», начал свое слово отец Виталий, и поэтому начну без специального обращения. К сожалению, я не мог выступить с академически подготовленным докладом и ограничился ролью слушателя. Здесь на конференции был представлен богатый материал. Но я хочу обратить внимание на один завет Преподобного Сергия, очень актуальный именно сейчас,— сказал отец Виталий,— когда не только народ, но и Церковь переживают кризис, о чем свидетельствуют различные расколы, национал-шовинизм, авантюристические сектантские течения. На путь противоканонического отделения от Матери-Церкви стали некоторые украинские иерархи, аналогичная опасность имеется в Белоруссии, правительство которой уже помышляет о церковной автокефалии — говорю об этом с болью, так как сам являюсь белорусом. И вот в этих условиях чрезвычайно важно иметь в виду завет Преподобного Сергия, выраженный его отношением к митрополиту Киприану. Вспомним, что последний добивался своего признания совершенно неканоническим, а в моральном отношении — прямо предосудительным путем (когда он обвинял во всех грехах Святителя Алексия). Притом он был ставленником Литвы, как были ставленниками Москвы предыдущие и последующие митрополиты. Но именно поддержка Преподобного Сергия и помогла Киприану стать Первоиерархом — Митрополитом единой русской митрополии. Вот во имя чего Преподобный Сергий не противился Киприану, сумев возвыситься над узкомосковской политикой. Этот чрезвычайно актуальный для нас завет Преподобного — хранить единство Русской Церкви — мы должны свято соблюдать.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ И РУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Отправляясь от известной антиномии «империя-пустыня», преподаватель МДА В. Г. Моров в упомянутом выше докладе

подробно остановился на том способе, каким разрешалась эта антиномия в Древней Руси. Хотя монашество есть бегство из мира, однако монашескому идеалу не чуждо и ратное устремление: «мних» есть воин Христов, монастырь — место повышенной концентрации злых духов, поэтому уход в монастырь оказывается походом на войну, а монашеское делание — своего рода воинской бранью. Но в личности Преподобного Сергия Радонежского указанная антиномия разрешалась и самым непосредственным образом, поскольку он совмещал в себе строгого аскета и государственного деятеля и потому примирял в себе так разошедшиеся впоследствии духовные установки иосифлян и нестяжателей. Преподобный Сергий не был знаменем какой-либо партии, он был символом возрождения и преображения всей Руси. Монастырь — образ Царства Божия на земле, и возникновение посадов у оград монастырей, зарождавшихся в диких и пустынных местах, знаменовало собой не только государственное достижение в деле освоения и хозяйственной колонизации новых территорий, но и достижение духовное, проявление тяги к небу у русского народа; поэтому процветание монастырей свидетельствовало и о благополучии Руси. Обращение к Преподобному Сергию как заступнику земли Русской свидетельствует об ограниченности этатизма: потеря государственной властью благословения ведет к выпадению государства из истории, что и происходит в различных тоталитарных обществах.

И в других выступлениях традиционный для русского самосознания вопрос о христианской государственности неоднократно ставился и обсуждался в контексте известной полемики между нестяжателями и иосифлянами. Именно этой полемике был посвящен доклад продекана богословского факультета Берлинского университета Г. Д. Депмана («Преподобные Сергий Радонежский, Иосиф Волоцкий и Нил Сорский»). Из-за абсолютизирования некоторых отрицательных высказываний Гарнака, отметил профессор, у немцев сложилось отрицательное мнение о Православии; но у того же Гарнака есть и положительные высказывания о раннем русском монашестве, и в частности — о Преподобном Сергии Радонежском. И далее докладчик высказал и подробно обосновал ту мысль, что Преподобный Сергий соединил в себе пути и подвиги преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, удостоверяя тем самым, что между ними нет принципиального противоречия. В конце своего выступления профессор Депман передал в дар синодальной библиотеке две книги по истории Русской Церкви, автором которых он является.

Вопрос об отношении Церкви к государству вызвал оживленные прения. Говоря об антиномии «империя-пустыня» и о различном понимании и отношении к языческой и христианской империи, Н. В. Синицына подчеркнула мысль, что государство — это наш дом, и если он разрушится, мы очутимся не в пустыне, а как дикие звери — в пещере. Протоиерей отец Димитрий Григорьев (Вашингтон) отметил, что о громадном значении для России ее монастырей писал еще Ф. М. Достоевский: он утверждал даже, что церкви — это наш русский социализм. Вовсе не обязательно строить государство по иностранным схемам, Православие — вот основа для возрождения России, и наше великое прошлое является нашей главной надеждой на будущее. В противоположность этим выступлениям, носящим, так сказать, государственный характер, Н. Н. Лисовой утверждал, что отношение христианства к государству выражено в Символе веры всего тремя словами: «при Понтийстем Пилате». Ему возразил В. Г. Моров, заметив, что речь может и должна идти о христианской государственности, что помазание на царство было существенным для христианского государя и что сводить двухтысячелетний исторический путь христианства лишь к Понтию Пилату — неправомерно.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ И ДУХОВНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

Эта тема также находилась в центре внимания участников конференции: некоторые доклады отличались взволнованностью и даже горячностью, отражающей боль за нынешнее состояние русской государственности; таким, в частности, было выступление П. В. Флоренского («Преподобный Сергий Радонежский и современность»), призвавшего в переживаемое нами сейчас смутное время вновь с надеждой обратиться к Преподобному Сергию.

О многолетнем и убийственном для России противостоянии Церкви и безбожного государства, символом которого можно считать превращение большевиками обители Преподобного Серафима Саровского в цех по производству ядерного оружия, говорил в своем докладе М. Н. Громов («Монастырская культура на Руси»). Ныне происходит как бы второе крещение Руси, и подобно тому, как страдающий от бездуховности Запад создал неотомизм, нам также следовало бы создать неопатристику и неоисихазм. Во всяком случае, глубоко верно утверждение Достоевского, что для России спасение выйдет из монастырей.

Блестящим, отвечающим всем канонам православной гомилетики было выступление преподавателя МДА А. Б. Зубова «Преподобный Сергий и проблема духовного возрождения России». Подчеркнув, что каждый век видит в Преподобном Сергии свое, ощущая в то же время его своим современником, докладчик остановился на причинах этого явления. Он обратил внимание на чрезвычайно характерный для Преподобного по-

стоянный отказ от различных положений и званий века сего: отказ от родства, игуменства, от первосвятительства. При этом с точки зрения ближайших и непосредственных событий такой отказ часто имел отрицательные последствия. Так твердый отказ Преподобного Сергия наследовать кафедру Святителя Алексия (в коем он проявил даже непослушание) повлек за собой смуту в митрополии, наступление которой Преподобный не мог не предвидеть. Однако, помимо злобы дня, помимо близкодействия, есть в человеческих поступках еще и некое дальнодействие, и здесь как отдельные решения Преподобного Сергия Радонежского, так и вся его жизнь имели для нас самые положительные последствия: великий уход обернулся великим возвращением и постоянным пребыванием Преподобного с нами.

Имя Преподобного Сергия создало целую эпоху русской жизни, отметил в своем выступлении митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим («Преподобный Сергий — игумен земли Русской»), от него как бы исходит некий луч, в сиянии которого мы рассматриваем происходящие события, его имя служит критерием как для оценки этих событий, так и для самоизмерения и самооценки; начало такому отношению к Преподобному положил еще Епифаний Премудрый своим «Словом похвальным Преподобному отцу нашему Сергию».

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

В ряде выступлений речь шла об одном из самых больших чудес, связанных с именем Преподобного Сергия: о созданном им величайшем монастыре России — Троице-Сергиевой Лавре. Таким, например, был доклад В. В. Черной («Свято-Троицкая Сергиева Лавра — митрополит Серафим Чичагов»), посвященный жизненному пути одного из известнейших иерархов XX века и новомученика митрополита Серафима Чичагова, начавшего свой иноческий путь «на Маковце». О связанной с Лаврой деятельности митрополита Макария (Булгакова) рассказал архимандрит Макарий (Веретенников) («Всероссийский митрополит Макарий и обитель Преподобного Сергия»); докладчик говорил о вкладах, сделанных Макарием в Лавру, а также провел параллель между активной канонизационной деятельностью во времена митрополита Макария и в наше время.

Вопросу сохранения святых сокровищ ризницы Лавры был посвящен доклад С. А. Беляева «Ризница Лавры в XIX веке (по письмам митрополита Филарета Дроздова к архимандриту Антонию)». На ряде исторических материалов докладчик проиллюстрировал величайшую тщательность и заботу, проявляемые священноначалием в этом деле на протяжении веков (опись ризницы ведется с 1542 года). В частности, переписка Владыки Филарета с наместником Лавры отцом Антонием представляет собой настоящий кладезь знаний по музейному учету и вообще музейному делу. Затронутый докладчиком вопрос является далеко не академическим ввиду происходящих в ряде мест конфликтов между церковными властями и музеями, отказывающимися возвращать Церкви отобранные у нее святыни на том основании, что «Церковь не сумеет сохранить народное достояние». Однако, как было убедительно показано в докладе, Церковь может хранить и хранит очень хорошо; если сопоставить потери за последние 70 и предшествующие 550 лет, то сравнение будет в пользу Церкви. Докладчик передал в президиум конференции список подписей академиков и деятелей культуры в пользу передачи Церкви святынь ризницы Троице-Сергиевой Лавры.

ПРОБЛЕМА «СЕРГИАНЫ»

Отсутствие отвечающей современным требованиям библиографии литературы о Преподобном Сергии отмечали многие выступающие. Так, Н. Н. Лисовой в упомянутом выше докладе мысль о том, что современная историческая наука в большом долгу перед Преподобным Сергием, иллюстрировал тем фактом, что сто лет назад библиография работ, опубликованных к празднованию полутысячелетия со дня преставления Преподобного, составляла несколько листов; к нынешнему же юбилею мы пришли всего с несколькими книжками и буклетами.

Более детально этот вопрос освещался в докладе Р. Б. Бутовой («500-летие Преподобного Сергия в русской исторической литературе»), сделавшей обзор той части «сергианы», которая была непосредственно связана с предыдущим 500-летним юбилеем Преподобного. Была проанализирована следующая литература: 1) издания источниковедческие, из которых наиболее известным является «Собрание житий Преподобного Сергия Радонежского» Н. С. Тихонравова; 2) юбилейные речи светских историков (В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинского, Г. П. Георгиевского); 3) речи церковных деятелей (архимандрита Антония Храповицкого, послание митрополита Московского Леонтия); 4) издания, относящиеся к истории Троице-Сергиевой Лавры (А. В. Горского, Е. Е. Голубинского, Н. И. Кедрова); 5) описания самих торжеств.

Определенный итог этим высказываниям подвел митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Упомянув о содержащей более тысячи названий антологии работ, посвященных 600-летию Куликовской битвы (являющейся лишь одним из событий, связанных с именем Преподобного!), Владыка высказал мысль, что весьма своевременной является задача собрать антологию работ о Преподобном Сергии («сергиану»); подхо-

ды к решению этой задачи могут быть разные, здесь возникает немало интересных проблем для богословов и издателей.

Помимо книг, с именем Преподобного связано немало других памятников материальной культуры. В докладе В. Ф. Козлова («Московские храмы, посвященные Преподобному Сергию Радонежскому, и их судьбы в XIX—XX веках») был рассмотрен вопрос храмостроительства в Москве, резко активизировавшегося в результате всколыхнувшего все общество 500-летия Преподобного Сергия; отмечено, в частности, что число храмов, посвященных Преподобному, выросло после празднования юбилея более чем вдвое (от 7 до 16). Докладчик остановился также на Сергиевых днях в 1892 году и напомнил слушателям о состоявшемся тогда уникальном трехдневном крестном ходе, в котором приняло участие до 300 тысяч человек (в черте Москвы), из которых 100 тысяч дошло до Лавры.

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ ЗА РУБЕЖОМ

Вопрос этот освещался как в докладах иностранных участников конференции, так и в выступлениях наших соотечественников; ему, в частности, был посвящен доклад А. И. Рогова («Слава Преподобного Сергия Радонежского за рубежом»). Известия о Преподобном Сергии Радонежском принесли за границу иностранцы, с той или иной целью приезжавшие в Россию или путешествовавшие по ней, и в своем интересном докладе А. И. Рогов дал пространный обзор упоминаний о Сергии Радонежском в записках таких иностранцев (Сигизмунда Герберштейна, иезуита Антония Поссевина, шведа Петра де Ирлезунда, Олеария, Павла Алеппского, Иеремии Синайского и др.). О выходящей за пределы Руси еще прижизненной известности Преподобного Сергия и уважении к нему свидетельствует и тот факт, что Константинопольский Патриарх лично рукоположил в архимандрита племянника Преподобного. Похвалу Сергию Радонежскому содержат некоторые румынские старопечатные книги, его изображения встречаются и в росписях некоторых румынских храмов. Докладчик выразил уверенность, что и ныне иконы Преподобного существуют на Афоне и в других православных монастырях Востока.

О важности духовного облика Преподобного Сергия для представителей других конфессий свидетельствовал доклад профессора Томаса Шпидлика (Ватикан) (Святой Сергий Радонежский и святой Франциск Ассизский), в котором докладчик провел ряд параллелей между личностями Сергия Радонежского и Франциска Ассизского: 1) источник знаний: в известном противопоставлении двух типов знания — книжного и харизматического — рассматриваемые святые на первый взгляд занимают полярное положение (Преподобный Сергий — книжник, святой Франциск — харизматик); но это различие исчезает, если вспомнить о чудесном способе овладения грамотой Преподобным Сергием; 2) кардиогнозия: Преподобный Сергий был таким же сердцеведом, как и святой Франциск, о чем ярко свидетельствует эпизод с приветствием на расстоянии преподобного Стефана Пермского; 3) космическое преображение: Преподобный Сергий разделял свой хлеб с медведем, которого боятся люди; святой Франциск проповедовал птицам, которые боятся людей; 4) социальный аспект: худые (заплатанные) порты у Сергия, грубый мешок вместо одежды у Франциска, которого в соответствии с русской традицией можно назвать нестяжателем; 5) видения преображенного мира, которые имели оба святых.

От имени общества Преподобного Сергия и преподобного Альбана (первый мученик Британии, † 305 г.), созданного в Лондоне в двадцатых годах нашего века русскими эмигрантами и английскими студентами, конференцию приветствовал председатель этого общества священник Денция.

Наконец, в докладе «Традиции Свято-Сергиевского Богословского института в Париже» профессор этого института протоиерей отец Николай Озолин рассказал об истории создания и развития одной из самых прославленных духовных школ нашего времени. Основанный в день обретения мощей Преподобного Сергия Радонежского, Свято-Сергиевский Богословский институт вступил ныне в 68-й год своего существования. Среди выпускников института — известные богословы и православные иерархи, в том числе Патриарх Антиохийский Игнатий. В настоящее время в нем проходят обучение 50 студентов со всего мира, преподавание ведется на французском языке. Как и прежде, для института характерны готовность откликаться на острые проблемы, стремление соответствовать времени — но при этом и верность православной традиции, и храмовое благочестие.

* * *

Подводя итоги прошедшей конференции, следует отметить, что она внесла определенный вклад в изучение личности Преподобного Сергия и эпохи, в которую он жил; но главное — знаменовала собой определенный этап восстановления правильных взаимоотношений между Церковью и светской наукой. Конференцию отличала прекрасная, дружеская атмосфера, столь благоприятная как для взаимообмена идеями, так и для неформального общения. Имея в виду переживаемые страной, а потому и Церковью, экономические трудности, вряд ли следует ожидать скорого издания трудов конференции, однако уже сам факт ее проведения служит залогом прихода лучших времен.

Е. С. ПОЛИЩУК

Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год

(Краткий исторический обзор)

С осени 1958 года началось активное наступление государства на Церковь. Это выразилось, в частности, в принятии двух правительственных постановлений, ставивших целью подрыв материальной базы Церкви. Оба постановления приняты 16 октября 1958 года. Приведем выдержки из них.

Постановление Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года № 1159 «О монастырях в СССР»

1. Поручить Советам Министров союзных республик установить для монастырей размеры земельных угодий, имея в виду сократить размер земли, находящейся в их пользовании. ⟨...⟩

4. Поручить Советам Министров союзных республик, Совету по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР (т. Карпову) и Совету по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (т. Пузину) в шестимесячный срок изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов и внести в Совет Министров СССР согласованные предложения по этому вопросу.

Заместитель Председателя Совета Министров СССР *Ф. Козлов*
Управляющий делами Совета Министров СССР *П. Демичев*

2 апреля 1959 года Карпов довел до сведения Патриарха Алексия, что правительство поставило вопрос о сокращении количества монастырей и Совет нашел возможным закрыть 28 монастырей и скитов. Медленное сокращение обителей проводилось и в предыдущие годы: если на 1 января 1957 года имелось 20 мужских монастырей и 1 скит с 893 монашествующими и 37 женских монастырей и 6 скитов с 3768 сестрами, то через два года женских обителей стало на одну меньше. Такие темпы правительство не удовлетворяли. С 1959 года начинается массовое закрытие монастырей: уже на 1 января 1960 года числится 14 мужских обителей с 813 насельниками и 28 женских монастырей и 2 скита с 2911 насельницами, а на 1 января 1961 года мы имели 13 мужских и 20 женских монастырей с количеством монашествующих соответственно 721 и 2327. Еще через год общее число монастырей было 22, из них 8 мужских и 14 женских; проживало в них 2185 насельников. Среди прочих обителей в 1961 году была закрыта Киево-Печерская Лавра. Исполком Киевского горсовета направил 28 декабря 1960 года наместнику Лавры письмо, в котором указывалось на необходимость запретить паломникам доступ в Ближние и Дальние пещеры и выселить насельников из монастырского корпуса в связи с аварийным состоянием этих сооружений.

В 1959 году Патриарх Алексий по просьбе Совета по делам Русской Православной Церкви дал указание правящим архиереям впредь не принимать в монастыри лиц, не достигших тридцатилетнего возраста.

16 октября 1958 года было принято и постановление о повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей.

Повышение подоходного налога на доход свечных мастерских было особенно чувствительным ударом по Церкви, потому что оно коснулось каждой епархии и каждого храма. Дело в том, что свечи не только приобретались епархиями в свечных мастерских по цене значительно низшей, чем 200 руб. за килограмм, но и в храмах продавались часто наполовину дешевле. По принятому же постановлению Совета Министров мастерские вынуждены были отпускать епархиям и храмам свечи по 200 руб. за килограмм, и в то же время Совет категорически запрещал повышение цен на свечи в храмах — «чтобы не вызвать недовольства у верующих». Храмы, таким образом, вынуждены были приобретать свечи себе в убыток. Чтобы изыскать средства для покрытия расходов, во многих хра-

---

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1992, № 1.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский) в своей резиденции; Переделкино, 1968 год

мах начали распускать платные хоры, уменьшили доходы священников и псаломщиков. Так нанесен был удар по бюджету храмов. Кроме того, постановление было также и ударом по свечным мастерским, ибо значительно сократились заказы на свечи. Некоторые мастерские в результате этого закрылись. По московской мастерской увеличение подоходного налога на свечи составило 1033 %! Московский храм, что в Брюсовском переулке, платил, к примеру, свечной мастерской 24 тыс. рублей в год, после же постановления должен был платить уже 335 тысяч. Подоходный налог на свечи по новому исчислению начал обходиться для Московской Патриархии в 12 млн руб. в месяц, в то время как на содержание духовных учебных заведений Патриархия тратила 18 млн руб. в год, на выплату пенсий — 15 млн руб. в год[25]. Важно отметить и то, что постановление, принятое 16 октября 1958 года, вступало в силу с 1 октября того же года, что повлекло за собой перерасчеты и взыскание дополнительной платы за уже проданные по старой цене свечи. Епархии и приходы, не имевшие в запасе денежных средств, оказались в крайне затруднительном положении. Например, епископ Ивановский и Кинешемский Роман в своем рапорте Патриарху пишет, что епархия «в катастрофическом состоянии», и просит ссуды у Патриархии на 1 550 000 руб. Святейший Патриарх дал распоряжение в случае обращений в Патриархию с подобными просьбами переводить необходимые суммы денег в епархии со счета Патриархии.

Указанные постановления резко ухудшили и материальное положение монастырей. Земельные угодья либо были отобраны вовсе, либо оставлена лишь малопригодная земля. При этом в крайне тяжелом положении оказались те обители, где проживали насельники преимущественно пожилого возраста. Трудность эта состояла в том, что монастырям было запрещено применять наемную силу и даже пользоваться безвозмездным трудом паломников (в глазах государства это была эксплуатация трудящихся), а между тем пожилые насельники не справлялись с работой в силу своего возраста. Молодых же иноков принимать в обители запрещалось.

Вслед за принятием правительством указанных постановлений местные органы власти усилили административный нажим на верующих. Вновь началось массовое закрытие церквей. На 1 января 1959 года на учете было 13 372 храма, а через год — 13 008; количество духовенства — соответственно 12 099 и 11 407.

13 января 1960 года ЦК КПСС принял постановление «О ликвидации нарушений духовенством законодательства о культах», во исполнение которого местные советские органы произвели массовое изъятие у общин «незаконно» (т. е. без разрешения уполномоченного) приобретенных домов для причта и транспортных средств[26].

Одновременно с административными мерами в конце 50-х годов отмечается резкий рост антицерковной пропаганды, в газетах и журналах появляются клеветнические, надуманные фельетоны о церковной жизни.

Как реагировала Церковь на столь резкое обострение борьбы с нею? Приходские пастыри в большинстве своем вместе с церковным советом старались

защитить храм от поругания. С церковных амвонов звучали призывы твердо стоять в православной вере. В ответ на это наиболее активные священники отстранялись государственной властью от служения. Уполномоченный по Минской области А. Логвиненко в своем отчете Совету за 1960 год указывает: «В 1960 году мною было снято с регистрации в порядке наказания 6 священников, в их числе: благочинный Клецкого благочинического округа Хрищанович Петр Ильич и настоятель церкви деревни Зубки Клецкого района Дешковский Иван Александрович за недозволенную проповедническую деятельность, настоятель церкви деревни Грицевичи Клецкого района Карпович Яков Онуфриевич за подстрекательство верующих к сбору подписей и обжалованию решений о снятии с учета приписных церквей в деревнях Рогмачевка и Зяельня...»

Многие архиереи старались защитить своих клириков, но, как правило, безуспешно, так как к ним самим уполномоченными применялись те же меры. Например, уполномоченный по Ростовской области потребовал в 1959 году от епископа прекратить колокольный звон в храмах Ростова. Уполномоченный по Калининской области в том же году настоятельно рекомендовал епископу сократить количество архиерейских служб и, кроме того, сократить проповедническую деятельность в храмах. Он также запретил священникам, в том числе благочинным, участвовать в богослужениях на других приходах в престольные праздники. В Ульяновской области уполномоченный, посещая храмы, уговаривал верующих не исполнять обрядов, а священников склонял к отказу от сана и переходу на гражданскую работу.

Тысячи верующих, сотни священников и многие архипастыри обращались в Патриархию, в Совет по делам Русской Православной Церкви, в Совет Министров и в ЦК КПСС с просьбой защитить Церковь. Просьбы эти были безуспешны. Когда, например, в Совет прибыл архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген и сообщил о недопустимом вмешательстве республиканского уполномоченного в дела Церкви (уполномоченный настойчиво требовал произвести перестановку приходского духовенства), то заместитель председателя Совета Чередняк П. Г. ответил архиепископу, что «вопросами назначения и перемещения занимается правящий архиерей, но следует новые кандидатуры, а также перемещение предварительно согласовывать с уполномоченным».

Святейший Патриарх Алексий еще в мае 1958 года, когда основное наступление на Церковь еще только готовилось и появились его первые признаки, попросился на прием к Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Патриарх говорил главе правительства о необоснованных отказах властей в открытии храмов, о выпадах по радио и в прессе против Церкви и духовенства. Просил предоставить Церкви типографию[27]. Ответом Хрущева было дальнейшее ужесточение борьбы.

29 октября 1958 года, после принятия Советом Министров упомянутых выше постановлений, Совет посетила группа руководящих работников Хозяйственного управления Московской Патриархии во главе с архиепископом Можайским Макарием и горячо убеждала Совет в необходимости отменить эти правительственные акты, подрывающие хозяйственную жизнь Церкви. Последовал твердый отказ.

16 мая 1959 года Патриарх Алексий и митрополит Крутицкий и Коломенский Николай обратились с письмом к Н. С. Хрущеву, в котором указывали на недостойные приемы антирелигиозной пропаганды, на незаконные административные меры, применяемые по отношению к духовенству и верующим, на массовое закрытие храмов. Письменного ответа от Хрущева не было. Карпов сообщил через несколько месяцев Патриарху и митрополиту Николаю, что Хрущев, получив письмо, дал указание проверить факты, но они «не подтвердились». Единственное, что Хрущеву пришлось признать,— это клеветнический характер газетных публикаций о Церкви, так как авторы письма конкретно назвали множество таких фактов. Карпов информировал Патриарха и митрополита, что в связи с последним обстоятельством «дана общая установка в редакционной статье в газете «Правда» от 21 августа 1959 года «Против религиозных предрассудков», в которой определены пути, как нужно вести научно-атеистическую пропаганду, и указано на имеющие место недостатки в этом вопросе», а также даны конкретные указания редакторам газет.

В ноябре — декабре 1959 года Святейший Патриарх неоднократно выражал желание вновь встретиться с

Н. С. Хрущевым. Состоялась ли встреча — сказать трудно: в рассекреченных архивах Совета свидетельств об этом не обнаружено. В 1961 году Патриарх Алексий вновь обратился к главе правительства с просьбой принять его, однако получил отказ.

Встречаясь с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви и другими его работниками, Патриарх Алексий и митрополит Николай каждый раз обращали внимание Совета на переживаемые Церковью притеснения.

Так, митрополит Николай 27 апреля 1959 года в беседе с работниками Совета Чередняком и Васильевым говорил о том, что священнослужители находятся в сложном положении: в прессе и по радио пишут и говорят явную ложь о церковной жизни, о противоречии в Священном Писании, а церковные деятели не имеют возможности опровергать эту ложь. «Мы будем просить Н. С. Хрущева,— сказал митрополит Николай,— разрешить нам в «Журнале Московской Патриархии» или специальном органе опровергать подобного рода ложные утверждения». В ответ на это работники Совета «заявили митрополиту Николаю о нецелесообразности открытия дискуссии на страницах «Журнала Московской Патриархии» или в каком-то новом органе по вопросам религии». В беседе с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедовым 11 марта 1960 года митрополит Николай в качестве примера атеистической пропаганды указал на статью в газете «Вечерняя Москва», в которой один из московских священников критиковался за пьянство и аморальный образ жизни. Газета обвиняла священника в том, что он свою жену поставил продавать свечи, а сестру привлек к продаже просфор, чтобы в корыстных целях распоряжаться доходами от продажи этих предметов. Прочитав статью, этот священник пришел в редакцию и сказал: «Видите, какой я дряхлый, мне 80 лет, разве я могу пить? Ни жены, ни сестры у меня нет. Зачем же вы это выдумали?» В ответ последовало заявление Куроедова о недопустимости оскорбления священнослужителей в печати и обещание расследовать данный случай.

10 декабря 1959 года Патриарх Алексий, митрополит Николай и управляющий делами Московской Патриархии протопресвитер Н. Колчицкий подробно информировали председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Карпова о переживаемых Церковью трудностях и просили содействия Совета в нормализации церковной жизни. Какова же была реакция председателя Совета? Вот некоторые выдержки из хранящейся в архиве записи беседы: «Товарищ Карпов сказал, что научно-атеистическая пропаганда велась и будет вестись, причем она будет вестись еще в более широком масштабе — таков закон развития нашего общества. Однако научно-атеистическая пропаганда не преследует цели дискредитации Церкви в глазах народа и тем более ее физического уничтожения. Задача научно-атеистической пропаганды состоит в воспитании трудящихся, в том числе и верующих, в духе атеизма». Факт массового закрытия храмов Карпов объяснил следующим образом: «Искусственно поддерживать приходящие в упадок храмы не следует, а такие храмы сейчас есть, будут и впредь, ибо государство проводит огромную работу по атеистическому и коммунистическому воспитанию народа. Вследствие этого верующие граждане отходили и будут отходить от Церкви и, следовательно, будут налицо такие храмы, которые постепенно будут приходить в упадок».

Через месяц с небольшим, 22 января 1960 года, Карпов в беседе с митрополитом Николаем указал ему на то, что «со стороны духовенства имеют место выступления с амвона с проповедями против научно-атеистической пропаганды, что нельзя рассматривать иначе, как попытки противодействия Церкви проведению таких мероприятий». При этом он недвусмысленно заявил: «Будет и впредь вестись широкая научно-атеистическая пропаганда, а всякие попытки сопротивления этому со стороны Церкви и духовенства будут находить соответствующее реагирование со стороны Совета».

Реагирование было простым: активные священнослужители снимались с регистрации. Эта мера распространялась не только на приходских священников, но и на архиереев. 2 апреля 1959 года Святейший Патриарх сообщил председателю Совета по делам Русской Православной Церкви, что в Патриархию поступила жалоба от епископа Ульяновского Иоанна на местного уполномоченного, который, посещая храмы, уговаривал верующих не посещать церковь, а священников отказаться от сана.

Карпов ответил, что Совет занимался этим вопросом и факты не подтвердились. Совет установил другое: епископ Иоанн в беседах с уполномоченным ведет себя нервозно, говорит повышенным тоном, недостаточно прислушивается к предложениям уполномоченного. «Вам известно,— сказал Карпов Его Святейшеству,— что за аналогичное поведение Иоанн был отстранен от управления Уфимской епархией. Совет рекомендует Патриархии объединить Ульяновскую епархию, в которой всего 17 церквей, с Куйбышевской, а Иоанна отправить на покой».

Впоследствии по требованию Совета был уволен на покой архиепископ Ермоген (Голубев), активно противостоявший закрытию приходов во вверенной ему Ташкентской епархии. Совет обвинял архиепископа Ермогена в том, что он «взял на себя функции религиозных обществ по ремонту и охране молитвенных зданий, создав при епархиальном управлении специальный аппарат во главе с инженером-строителем». Архиепископ Ермоген без разрешения Совета организовал строительство и ремонт нескольких храмов, что Совет классифицировал как злостное нарушение советского законодательства о культах. Уполномоченный Совета по Узбекской ССР Воротничев Н. Ф. еще в конце 1959 года поднял вопрос о скорейшем переводе или увольнении на покой архиепископа Ермогена. Карпов пообещал ему свое содействие. «Надо ожидать, что Патриарх будет защищать Ермогена,— сказал Карпов Воротничеву,— но мы будем настаивать».

Совет неоднократно требовал от Патриарха устранения архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого), но Патриарх каждый раз отвечал, что сделать это очень трудно, пока наконец архиепископ Лука не скончался в 1961 году.

В 1960 году по настойчивому требованию нового председателя Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедова был отправлен на покой митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич). В 1963 году с должности секретаря Учебного комитета при Священном Синоде был по требованию Совета по делам Русской Православной Церкви уволен протоиерей Н. Никольский, который, как пишет в записке, адресованной Куроедову, заместитель заведующего инспекторским отделом Совета А. Плеханов, «несмотря на предупреждения, допускал произвольные действия, вносящие дезорганизацию в вопросы, согласованные с Советом». Кроме того, протоиерей Н. Никольский был снят уполномоченным по Московской области с регистрации на 6 месяцев за то, что «допустил политическую диверсию по отношению к общественным организациям: 9 июня 1963 года он крестил комсомольца Комарова Юрия, слесаря-механика предприятия коммунистического труда — 1-го Московского часового завода...»

Тем временем в Патриархию приходили все новые и новые жалобы. Местные уполномоченные и представитель КГБ разогнали в 1959 году монашествующих Овручского и Кременецкого монастырей. В день памяти Преподобного Сергия Радонежского 8 октября 1959 года милиционеры проверяли у прибывших в Троице-Сергиеву Лавру паломников паспорта, водили в милицию, требовали подписку в том, что они никогда больше не приедут в Лавру. В Харькове в 1960 году закрыли Александро-Невский храм и взорвали его. В городе Инсаре (Мордовская ССР) верующие затратили на восстановление церкви более 150 тысяч рублей, здание церкви было капитально отремонтировано, а потом по распоряжению городских властей его отобрали под клуб. В городе Златоусте городские власти, закрывая в марте 1960 года храм, даже не разрешили перевезти церковную утварь в другую церковь: она была на глазах у верующих, стоявших и плакавших, сломана, а обломки ее свалены в кучу.

Церковное руководство делало подобные факты предметом обсуждения с работниками Совета, которые всегда заявляли, что им ничего не известно об этом, и обещали заняться расследованием, однако дальше обещаний дело не двигалось. Ибо в действительности Совет по делам Русской Православной Церкви не только знал, причем гораздо лучше, чем сама Патриархия, о развернувшейся в стране беззаконной кампании против Церкви, но именно он сам был непосредственным организатором этой кампании. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы проведенного 25—29 июня 1963 года Всесоюзного совещания уполномоченных Совета. На нем состоялся обмен опытом работы уполномоченных различных республик и областей страны. Приведем отрывки выступ-

лений некоторых участников совещания.

Капустин М. В., заместитель председателя Ростовского (сельского) облисполкома, сообщил, что во всех городах и районах Ростовской области при исполкомах созданы Советы по усилению контроля за деятельностью религиозных обществ и сектантских организаций. В Советах работает около 500 активистов-общественников (это на 87 действующих в области церквей).

«Учитывая, что многие церковники,— продолжал Капустин М. В. — старались создавать особое благолепие в храмах, проводили излишний, часто ненужный ремонт церквей, мы ввели порядок, что любой ремонт церкви или молитвенного дома производится только с разрешения местных советских органов. Два года тому назад за излишества в ремонте церквей были серьезно наказаны председатели сельсоветов в Зверевском и Азовском районах.

В нашей области полностью прекращены хождение священнослужителей по домам верующих, похоронные процессии по улицам, процессии в связи с водоосвящением, хождения духовенства на кладбища в так называемую радоницу, ⟨...⟩ ограничен колокольный звон в церквах.

Все эти мероприятия ⟨...⟩ позволили не только значительно снизить активность духовенства и церковного актива, но и ослабить их материальную базу. В 1962 году доходы церквей Ростовской области снизились почти на 30 % по сравнению с 1960 годом. Значительные суммы по рекомендации местных Советов исполнительные органы церквей передают в Фонд мира».

Махова А. Д., председатель комиссии содействия в осуществлении контроля за соблюдением законодательства о культах при Пятигорском горисполкоме Ставропольского края, о работе своей комиссии рассказала следующее: «Комиссия ежемесячно собирается на заседания, имеет план работы. Ее члены закреплены за религиозными обществами. ⟨...⟩ Она взяла под свой контроль проведение выборов в исполнительные органы религиозных обществ. ⟨...⟩ Были выявлены нежелательные для нас элементы. Все они под разными благовидными предлогами ⟨...⟩ по предложению наших общественников были отстранены. Теперь исполнительные органы религиозных обществ состоят из людей, которые прислушиваются к рекомендациям горисполкома. Через них нам удалось ликвидировать случаи благотворительности, увеличить отчисления в Фонд мира, добиться того, чтобы родители, особенно бабушки и тетушки, не водили детей в церковь. ⟨...⟩ Материалы квитанционного учета крещений, венчаний и погребений комиссия использует для информации партийных органов с целью проведения конкретной работы с отдельными верующими. Важнейшей задачей комиссия считала и считает недопущение специальной работы церковников с детьми и подростками. ⟨...⟩ Специальная работа, проведенная нами с родителями, а также с духовенством и исполнительными органами религиозных обществ позволила прекратить посещение церкви детьми».

Ковалев Г. В., уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви по БССР, поделился опытом работы по недопущению в Церковь детей и молодежи. «В работе по ограждению детей от влияния религии и Церкви,— сказал Ковалев,— мы в известной степени используем духовенство и исполнительные органы религиозных объединений. Уполномоченный Совета в 1961 году убедил управляющего епархией дать письменное указание духовенству о нежелательности привлечения детей в Церковь. «За несовершеннолетних детей школьного возраста,— говорилось в послании архиерея,— ответственными являются родители. Поэтому не принимать к исповеди и таинству причащения тех детей, которые приходят в церковь со своими бабушками или тетушками. Не препятствовать в этом тем детям, которые приходят со своими родителями». В 1962 году новый управляющий епархией дал духовенству через благочинных следующее разъяснение: «В соответствии с заключенными договорами с церковными советами священнослужители обязаны обслуживать религиозные потребности членов данного общества верующих. Что касается детей школьного возраста и подростков, не достигших 18-летнего возраста, Церковь и духовенство не должны заниматься ими, так как воспитанием их занимается советская власть».

Чтобы ни у кого не осталось сомнения в том, что факты, о которых шла речь,— это результат не местных перегибов, а целенаправленной разрушительной деятельности, вдохновляемой центром, важно отметить, что вышеприве-

денные отрывки взяты из тех выступлений, которые признаны Советом лучшими и в качестве таковых разосланы всем областным уполномоченным «для использования в практической работе». Совет систематически проводил заседания и совещания, на которых обсуждались различные аспекты борьбы с Церковью. Так, 12 ноября 1964 года состоялось заседание Совета на тему «О контроле за проповеднической деятельностью духовенства». Один из выступавших — уполномоченный Совета по Ленинградской области Жаринов Г. С. заявил на заседании, что изучение содержания и характера проповеднической деятельности Церкви «является важной задачей государственных органов, ведающих контролем за выполнением законодательства о культах, уполномоченных Совета, всех наших атеистов». Сам Жаринов Г. С., по его словам, не только слушал проповеди в храмах, но и получал их тексты в епархиальном управлении. Этот контроль, безусловно, пагубно отразился на состоянии церковной проповеди. Священнослужители привыкали говорить общими фразами, бессодержательно и серо, а некоторые даже старались проповедью угодить подслушивающим. Тот же Жаринов из уст одного из ленинградских протоиереев услышал следующее: «Красный свет светофора на улицах нашего города останавливает движение. Подобно этому рубиновые звезды Кремля, которые никогда не изменят своего красного цвета, надежно стоят на пути империалистических государств в их стремлении развязать мировую войну. «Здорово сказано!» — восхищается Жаринов, а мы отметим: здесь проповедь, которая призвана быть средством духовного просвещения народа, становится формой пресмыкательства перед сильными.

Весьма примечательно, что в 1962 году установлен новый вид отчетности уполномоченных Совета. В письме, направленном 30 ноября 1962 года всем областным уполномоченным, председатель Совета по делам Русской Православной Церкви требует осветить в годовом отчете среди прочих следующие моменты: «На конкретных примерах показать, как перевод духовенства на твердые оклады и введение строгого учета религиозных обрядов сказались на снижении активности духовенства и уменьшении религиозных обрядов. Рассказать о состоянии религиозной обрядности в сравнении с предыдущим годом и о мероприятиях, которые проведены по снижению религиозной обрядности, ⟨...⟩ как организовано наблюдение за проповеднической деятельностью духовенства, всесторонне раскрыть характер и направленность проповедей. ⟨...⟩ Сообщить, какая работа проводится на месте с целью предотвращения распространения религиозных воззрений среди населения, особенно среди детей и молодежи. ⟨...⟩ Дать характеристику деятельности епархиального управления и лично архиерея».

Всю церковную жизнь Совет держал под жестким контролем. Каждое действие церковного руководства должно было получить предварительное одобрение в Совете. Вот примеры.

Из беседы Карпова с Патриархом Алексием, митрополитом Николаем и протопресвитером Н. Колчицким от 2 апреля 1959 года: «Патриарх и митрополит попросили товарища Карпова дать им согласие на одновременное приглашение в Патриархию Калининского, Ульяновского, Пермского, Таллинского, Псковского, Сумского, Житомирского, Киевского, Курского, Ростовского архиереев для рассмотрения и урегулирования некоторых вопросов работы этих епархий. Товарищ Карпов ответил, что со стороны Совета возражений нет».

Из беседы тех же лиц 10 декабря 1959 года: «В заключение беседы товарищ Карпов попросил Патриарха еще раз посмотреть свое новогоднее послание в сторону некоторого сокращения и улучшения редакции его...»

Из беседы Карпова с митрополитом Николаем 16 января 1958 года: «Митрополит Николай просил согласия Совета на перевод диакона Анастасия Бека из Болгарии в Берлин. Товарищ Карпов сказал, что мы этот вопрос изучим и свое решение сообщим. ⟨...⟩ Митрополит Николай сообщил о том, что группа членов организации «Друзья примирения» из США просится прибыть в Советский Союз, и просил мнение Совета. Товарищ Карпов сказал, что приглашать не следует. Митрополит Николай просил мнение Совета, что ему следует ответить на предложение генерального секретаря экуменического совета о встрече с представителями Русской Православной Церкви. Товарищ Карпов сказал, что следует ответить, что вы в принципе согласны на встречу в июне — июле этого года».

Из беседы тех же лиц 28 января 1959 года: «Митрополит Николай спросил, будет ли возможно взять ему с собой в Париж для переговоров с экуменистами Ведерникова А. В. Товарищ Карпов сказал, что Ведерникова брать в Париж не следует».

Особенно пагубно на состоянии Церкви отразился контроль Совета за подбором кандидатов на архиерейское служение. Наиболее деятельные священнослужители к епископской хиротонии не допускались. Приведем характерный пример. В 1962 году Патриарх направляет в Совет характеристику и послужной список архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Тавриона (Батозского). При этом он делает собственноручную приписку: «Я со своей стороны могу подтвердить, что архимандрит Таврион является вполне достойным кандидатом во епископа, и даже рекомендовать его в Курск. Как гражданин Советского Союза, он безупречен». Но такого заверения со стороны Патриарха Совету показалось мало. Он делает запрос уполномоченному по Башкирии, где служил архимандрит Таврион до поступления в Лавру. «Согласно сообщению уполномоченного Совета по Башкирской АССР, Батозский, находясь на посту секретаря епархиального управления, оказывал отрицательное влияние на епископа, всячески старался укрепить положение церквей, противодействовал их закрытию, побуждал верующих писать жалобы Патриарху и в советские органы, допускал грубые нарушения законодательства о культах. 〈...〉 За все эти и другие нарушения Батозский был снят с регистрации священника». И вот вывод Совета: «Учитывая крайний фанатизм и реакционность Батозского, его высокую активность на религиозном фронте, инспекторский отдел считает нецелесообразным рекомендовать его к посвящению в епископы».

Резкое усиление антицерковной кампании наблюдается в 1961 году. 16 марта указанного года Совет Министров СССР принял постановление № 263 «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах». Согласно постановлению, отныне регистрация и снятие с регистрации религиозных объединений, открытие и закрытие молитвенных домов всех культов должны производиться не по решению центральных органов, а по решениям исполкома областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, Советов Министров автономных республик, а в союзных республиках без областного деления — по решениям Советов Министров союзных республик. Однако каждое подобное решение должно быть согласовано соответственно с Советом по делам Русской Православной Церкви и с Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Казалось бы, какая разница: закрывается храм по решению Совета или по решению облисполкома, обязательно согласованному с Советом? Думается, данное изменение было принято с целью ослабить росшее недовольство верующих, лишавшихся храмов, действиями центральных органов власти и переложить вину за творимое беззаконие с последних на местные органы, действие которых можно было отнести к «перегибам».

Согласно этому же постановлению, все священнослужители и церковнослужители, а не только приходское духовенство, как было ранее, должны облагаться подоходным налогом по статье 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 года «О подоходном налоге с населения».

Кроме того, постановление Совета Министров от 16 марта 1961 года предусматривало ограничение колокольного звона. В пункте 7 постановления сказано: «Установить, что исполкомы областных (краевых) Советов депутатов трудящихся, Советы Министров автономных республик, а в союзных республиках без областного деления — Советы Министров союзных республик могут, по согласованию соответственно с Советом по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР, принимать решения об ограничении колокольного звона, если это вызывается необходимостью и поддерживается населением». Эти мягко звучащие слова правительственного постановления заставили на несколько десятилетий замолчать колокола почти всех храмов в стране.

В тот самый день, когда Совет Министров СССР принял постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», Совет по делам Русской Православной Церкви и Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР совместно приняли «Инструкцию по применению законодательства о культах», в которой,

в частности, говорится о том, что религиозным центрам, религиозным объединениям и служителям культов воспрещается:

— пользоваться находящимися в их распоряжении средствами и имуществом для благотворительных целей, для помощи церквам и монастырям;

— без разрешения соответственно Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР и Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР созывать религиозные съезды и совещания, открывать духовные учебные заведения, издавать религиозную литературу;

— организовывать паломничество верующих к святым местам.

В соответствии с Постановлением Совета Министров в конце 1961 года в стране был проведен единовременный учет религиозных объединений, молитвенных зданий и имущества, находившегося в пользовании религиозных организаций. Согласно Инструкции, учет проводился «без широкой огласки, чтобы не породить ненужных кривотолков и нездоровых настроений среди верующих и духовенства». Учет проводился с целью получить всестороннюю и точную информацию о Церкви для дальнейших мер по ее ослаблению. В справке об итогах учета, составленной Советом, намечены на ближайшее будущее следующие мероприятия:

«В связи с тем что у религиозных обществ отпала необходимость в транспортных средствах (?!), следует рекомендовать местным органам власти провести необходимую работу по добровольной передаче этих средств в народное хозяйство.

Уполномоченным Совета впредь воздерживаться от выдачи разрешений религиозным обществом на строительство или приобретение каких-либо строений и транспортных средств. 〈...〉

В связи с тем что заочные секторы обучения при Ленинградских духовных академии и семинарии существуют незаконно, так как правительством СССР разрешено лишь стационарное обучение, прекратить прием новых лиц на заочное обучение в духовные учебные заведения. 〈...〉

Обязать уполномоченных Совета по тем областям и республикам, в которых имеются монастыри, и в первую очередь уполномоченного Совета по Эстонской ССР, внести предложения местным советским органам о сокращении размеров земельных угодий монастырей в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1958 года за номером 1159 и запретить применять наемный труд в обработке земельных угодий. Было бы целесообразно вообще воспретить монастырям применять наемную рабочую силу и подвергать эксплуатации определенную часть советских граждан. 〈...〉

Весьма значительным событием церковной жизни в период первосвятительства Святейшего Патриарха Алексия был Архиерейский Собор 1961 года, на котором были внесены существенные изменения в «Положение об управлении Русской Православной Церкви». Чем они были вызваны?

31 марта 1961 года в Совет по делам Русской Православной Церкви были приглашены Патриарх Алексий, митрополит Питирим (Свиридов), архиепископ Пимен (Извеков) и епископ Никодим (Ротов). Председатель Совета Куроедов В. А. заявил иерархам о необходимости церковной реформы. Вот отрывок из записи беседы:

(Куроедов): «Создавшееся положение с управлением религиозных общин справедливо вызывает недовольство среди верующих, тем более что в нашей подлинно демократической стране, в которой управление государством осуществляется народом, сохранившаяся в религиозных общинах диктаторская власть одного лица недопустима.

Далее товарищ Куроедов говорит о том, что за последнее время в нашей стране в целях привлечения общественности к управлению государством расширены права местных органов власти, на принципах общественности осуществляется управление организациями искусства и физической культуры, охраны общественного порядка. Создавшееся положение в религиозных общинах и современные условия жизни нашего общества выдвигают вопрос о том, что надо пересмотреть отдельные пункты Положения об управлении Русской Православной Церковью, чтобы во главе общины был исполнительный орган, а не настоятель церкви. По этому вопросу Совет получил указание правительства и рекомендует вам пересмотреть отдельные пункты Положения». Иерархам пришлось согласиться.

Вскоре в Патриархии был выработан проект изменений. 18 апреля 1961 года

Патриарх Алексий, митрополит Питирим и архиепископ Пимен были приглашены в Совет для обсуждения проекта. В беседе со стороны Совета принимали участие заместитель председателя Фуров В. Г. и член Совета Макарцев П. В. Приводим с незначительными сокращениями письменное изложение этой беседы:

«Патриарх Алексий вначале был несколько взволнован и начал беседу с изложения жалоб, поступающих на его имя в связи с якобы неправильными действиями на местах при закрытии церквей. В частности, он передал полученные им телеграммы из Мурманска, Новгород-Волынска и Харькова.

Товарищ Куроедов разъяснил патриарху, что решения о закрытии церквей принимаются тогда, когда верующие отходят от церкви, община распадается и не в состоянии содержать храм, однако и в этих случаях находятся отдельные лица, которые чаще всего в корыстных целях направляют жалобы в различные учреждения, в том числе и в Патриархию.

Патриарх Алексий был удовлетворен (?!) этим разъяснением и уже спокойно перешел к изложению проекта решения Синода о восстановлении прав исполнительных органов общин в части финансово-хозяйственной деятельности.

Проект, составленный патриархом, в некоторой части был неприемлем, так как в нем не содержалось четкого указания, что настоятели храмов должны полностью передать ведение финансово-хозяйственных дел исполнительным органам общин и что духовенство впредь является наемным персоналом. ⟨...⟩

В результате обсуждения указанного проекта патриарх без возражений принял высказанные замечания и здесь же, во время беседы, внес поправки в проект решения Синода. Одновременно он обратился с просьбой дать ему письмо, в котором указывалось бы на необходимость приведения Положения об управлении Русской Православной Церковью в соответствие с законодательством о культах. Патриарху было сказано, что такое письмо будет направлено».

Так были выработаны изменения в Положении об управлении Русской Православной Церковью, принятые Архиерейским Совещанием в июле 1961 года.

Указанные изменения, как и Постановление Совета Министров 1961 года, облегчили государству дальнейшее сокращение приходов. В 1961 году было снято с регистрации 1390 православных общин, в 1962 году — 1585. И это несмотря на то, что только за 1961 год Совет по делам Русской Православной Церкви получил 304 ходатайства об открытии храмов. Из них 103 заявления было «снято с рассмотрения» и 201 ходатайство отклонено. На 1 января 1961 года в стране действовало 11 616 православных храмов (из них 45 — храмы Грузинской Церкви), на 1 января 1962 года — 10 149 (из них 8660 храмов и 1489 молитвенных домов). Важно отметить, что в то же самое время (на 1 января 1962 года) на регистрации состояло 10 221 православных общин. Как видим, 72 зарегистрированные общины не могли получить молитвенного здания, хотя в стране в то время насчитывалось 10 451 недействующих православных храмов, из которых 5669 использовались под хозяйственные нужды, 1070 были заняты культурно-просветительными учреждениями и 3712 храмов пустовали. Кроме 10 221 зарегистрированных православных общин, на 1 января 1962 года в стране нелегально действовало, по данным Совета по делам Русской Православной Церкви, 783 незарегистрированные общины (672— в РСФСР, 89 — в УССР, 17 — в Казахстане), не прекратившие общественных богослужений после их снятия с регистрации. В составленной работниками Совета справке, содержащей эти сведения, указан план дальнейших действий: члены Совета по делам Русской Православной Церкви «считают целесообразным поручить уполномоченным Совета внести соответствующие предложения в местные советские и общественные организации о проведении работы по прекращению деятельности этих обществ и групп». Вместе с тем продолжалось далее снятие православных общин с регистрации. На 21 августа 1963 года числилось на регистрации уже 8314 общин (в том числе на Украине — 5114, в Российской Федерации — 2093, в Белоруссии — 465, в Молдавии — 231, в Латвии — 116, в Эстонии — 101, в Казахстане — 46, в Литве — 45, в Грузии — 44, в Киргизии — 25, в Узбекистане — 20, в Таджикистане — 5, в Туркмении и Азербайджане — по 4, в Армении — 1 православная община). В последующие годы процесс снятия общин с регистрации и закрытия храмов продолжался, но, как и все в стране, застойными тем-

пами. В 1966 году, по данным журнала «Наука и религия», Русская Православная Церковь имела 7523 зарегистрированные общины, в 1971 году — 7274[28].

В начале шестидесятых годов были закрыты пять из восьми Духовных Семинарий Русской Православной Церкви. Еще с конца 50-х годов государство начало прилагать усилия к тому, чтобы сократить количество учащихся духовных школ. С юношами, подававшими прошения в Семинарии о приеме на учебу, встречались местные уполномоченные Совета, партийные и комсомольские деятели, работники КГБ и военкомата и различными способами удерживали их от поступления; кроме того, оказывалось давление на приходских священников, дававших рекомендации молодым людям для поступления в Семинарию. Поступающих часто брали на срочные военные сборы на период сдачи вступительных экзаменов, иногда уже поступившим отказывали в прописке. Так, в беседе с Карповым 6 ноября 1959 года Святейший Патриарх заявил о поступивших ему из Киева сведениях о том, что семинаристов «вызывают куда-то, и они приходят измученные, обессиленные». В рапорте Учебного комитета при Священном Синоде о положении в Минской Семинарии, составленном в июне 1963 года, говорится: «Искусственно создаваемая задержка в приеме воспитанников в Минскую Духовную Семинарию оставила ее без последних. ⟨...⟩ Учебный комитет почтительнейше ходатайствует пред Вашим Святейшеством о возбуждении ходатайства перед Советом по делам Русской Православной Церкви об оставлении Минской Духовной Семинарии на прежнем положении и содействии в прописке поступающих в Семинарию».

В результате принятых мер количество учащихся духовных школ стало уменьшаться. Если на начало 1950/51 учебного года в Семинариях обучалось 585 человек, то весной 1962 года было 364 учащихся стационара и 128 заочников. На количестве студентов Духовных Академий принимаемые меры пока не сказывались: если в 1950/51 учебном году их было 145, то в 1961/62 учебном году — 197 на стационаре и 65 — на заочном секторе. Но вот распределение количества учащихся Семинарий по классам весьма красноречиво. В конце 1961/62 учебного года в четвертых классах Семинарий было 144 воспитанника, в третьих — 113, во вторых — 60, в первых — 47. При этом в Волынской Семинарии уже вовсе отсутствовал первый класс, а в Минской — первый и второй классы. В сентябре 1963 года в первых классах всех Духовных Семинарий было всего 55 учащихся, в сентябре 1964 года — 58 учащихся. На начало 1964/65 учебного года в Духовных Семинариях было 211 учащихся стационара и 177 заочников, в Академиях — 207 студентов стационара и 157 заочников.

Первыми из Духовных школ были закрыты Киевская, Саратовская и Ставропольская Духовные Семинарии. 4 мая 1960 года председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Куроедов предложил Патриарху Алексию закрыть эти Духовные школы, указав на недопустимые бытовые условия в этих учебных заведениях и небольшое количество учащихся. Святейший Патриарх, рассматривая рекомендации Совета как правительственные указания и не видя возможности в создавшихся для Церкви условиях улучшить положение в этих Духовных школах, дал согласие. Что касается Минской и Волынской Семинарий, то на их закрытие не было согласия церковного руководства, и они прекратили свое функционирование исключительно в результате принятых административных мер. Минская Семинария не смогла после 1959 года произвести набор воспитанников и поэтому после выпуска 1963 года последних пяти воспитанников фактически перестала функционировать, не будучи формально упраздненной. Последней была закрыта Волынская Семинария. Летом 1963 года в ней числилось пять учащихся, переведенных с третьего в четвертый класс. Уже в 1962/63 учебном году предпринимались активные усилия к закрытию Семинарии. Вот выписки из отчета[29] уполномоченного по Волынской области А. Федулова, который характеризует каждого из пяти учащихся Луцкой Семинарии:

«Данилюк Василий Владимирович. ⟨...⟩ Выходец из фанатично-религиозной семьи, принадлежавшей к течению истинно православной Церкви. ⟨...⟩ В 1960 году поступил в семинарию. Проведенная с ним работа по отрыву от семинарии результата не дала. ⟨...⟩

Чайковский Михаил Васильевич. ⟨...⟩ При проведении с ним работы по отказу от учебы в семинарии совершил хулиганский поступок (побил стекла), за что

был осужден на 15 суток. Отбывая наказание, несколько дней отказывался принимать пищу, заявляя, что страдает за Христа, за веру и готов умереть за это. Религиозный фанатик. 〈...〉» И общий вывод автор отчета делает следующий: «Все эти люди характеризуются как религиозные фанатики, стремящиеся легко прожить за счет чувств верующих людей». Вывод этот, конечно, далек от объективности.

Интересные сведения о мерах, принятых для закрытия Волынской Семинарии, содержатся в адресованной Совету по делам Русской Православной Церкви справке, составленной уполномоченным Совета по УССР Г. П. Пинчуком.

«В соответствии с постановлением ЦК КП Украины,— говорится в документе,— духовная семинария в городе Луцке Волынской области должна в 1963 году прекратить свое существование. О прекращении деятельности духовных семинарий в г. Луцке и г. Минске говорил председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР товарищ Куроедов В. А. на Всесоюзном семинаре-совещании уполномоченных Совета в июне 1963 года. При этом товарищ Куроедов сказал, что нужно принять меры в этом году, чтобы желающих поступить в семинарию 〈...〉 не было, как и за последние три года.

Мы просили ЦК КП Украины и Совет Министров УССР: 1) дать указание местным партийным и советским органам продолжать работу по предотвращению вступления желающих в семинарию 〈...〉».

Однако ни ЦК Коммунистической партии Украины, ни Совету Министров республики не удалось справиться с этой задачей государственной важности. Уполномоченный Совета по Волынской области 26 сентября 1963 года писал: «Всего в семинарию о поступлении в первый класс было подано 12 заявлений со всеми требуемыми документами. Кроме того, было 8 запросов об условиях приема и учебы.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство лиц, подававших заявления о поступлении в семинарию, привозили документы лично, причем в самые последние дни, с 29 по 31 июля месяца. Ряд лиц 〈...〉 сразу же после подачи документов в семинарию поспешили сняться с учета по месту жительства и выехать, чтобы их не нашли по указанному адресу. Есть основания полагать, что все это не было случайностью, а делалось по совету руководства семинарии. Из 12 оформленных документов семинария по нашей рекомендации по различным причинам 6 заявлений возвратила обратно. 〈...〉 Из оставшихся 6 человек на приемные экзамены прибыли 〈...〉 трое 〈...〉. Обо всех лицах, подавших заявления и обращавшихся с запросами, немедленно информировались уполномоченные Совета соответствующих областей. Волынский обком КП Украины обращался ко всем обкомам партии с письменными просьбами провести соответствующую работу. 〈...〉 Однако, несмотря на все усилия, полностью сорвать набор не удалось. В дальнейшем, если семинария будет продолжать свою работу, не допустить нового набора будет еще более трудно».

Исполком изъял у Семинарии второй этаж здания, были сняты номерные знаки с принадлежавшей Семинарии автомашины, которая была особенно нужна для перевозки закупаемых на базаре и в магазинах продуктов ввиду того, что Семинария не была прикреплена к торговой базе. Вскоре она вынуждена была прекратить свою деятельность.

Заметим, что чинились препятствия для поступления не только в те Семинарии, которые подлежали закрытию, но и в оставшиеся. Член Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Казызаев писал в марте 1965 года: «Совет, некоторые наши уполномоченные и соответствующие местные органы принимают меры по предотвращению попыток поступления молодых людей в семинарии, когда об этом становится известно. Как только стало известно, что 〈...〉 комсомолец Комаров с 1-го часового завода подал заявление в семинарию, уполномоченный Совета по Москве сообщил об этом Ждановскому РК КПСС, МГК ВЛКСМ и в МГК КПСС и просил принять необходимые меры по предотвращению поступления Комарова в семинарию». В августе 1965 года тот же автор указывал: «Соответствующие уполномоченные Совета своевременно были информированы о всех лицах, приславших свои заявления о приеме в духовные семинарии, а также запросивших выслать им условия поступления в последние».

В архиве Совета по делам Русской Православной Церкви имеется письмо председателя Совета Куроедова В. А.

начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота Епишеву А. А. Письмо содержит информацию о поступлении в Духовные школы молодых людей сразу же после службы в армии, причем прилагаются списки. Вместе с тем даются списки лиц, призванных на военную службу из стен Семинарии. Выражается просьба провести с ними необходимую работу. В том же письме говорится о фактах крещения детей военнослужащих; сообщается, что их персональные списки направлены командующему войсками соответствующего военного округа.

Особые усилия государство направляло на то, чтобы не допустить в Духовные школы лиц с высшим образованием. В одной из справок Совета за 1963 год мы читаем: «В числе семинаристов был также Юрченко, 1937 года рождения ⟨...⟩. Находясь на учебе в институте, Юрченко в 1958 году познакомился с семинаристами Ленинградской духовной семинарии и под их влиянием в 1960 году после окончания института пытался поступить в семинарию, но были приняты меры к недопущению его в семинарию, и наконец в 1962 году он поступил в Московскую семинарию, откуда в результате принятых мер он был отчислен». В другом случае одному из абитуриентов с высшим образованием — научному сотруднику опытного поля из Киевской области Баранову — по настоянию Совета администрация Московской Духовной Семинарии отказала в приеме в связи с тем, что ему, как специалисту, необходимо быть там, где решается вопрос о подъеме сельского хозяйства».

В результате ограничения количества поступающих в Семинарию лиц в Церкви стала ощущаться острая нехватка священнослужителей. Архиереи вынуждены были, причем часто поспешно, без должного испытания кандидата, рукополагать лиц не только без духовного образования, но часто просто малограмотных, не способных к самообразованию. В лучшем случае они становились добрыми требоисправителями, но духовными руководителями и воспитателями народа они стать не могли.

Итак, шестидесятые годы характеризуются крайним стеснением церковной жизни. По всей стране умолкли церковные колокола, с амвонов многих храмов перестали звучать вдохновенные слова церковной проповеди, в храмы не допускалась молодежь. На страницах печати все связанное с Церковью обливалось грязью.

Парадоксально, что параллельно с сужением внутренней деятельности Церкви в шестидесятые годы резко активизируется ее внешняя деятельность. Толчком для ее активизации послужила беседа председателя Совета по делам Русской Православной Церкви В. А. Куроедова с Патриархом Алексием, состоявшаяся 15 июня 1960 года. Куроедов заявил, что им детально изучалась внешняя работа Патриархии и он пришел к выводу, что она поставлена совершенно неудовлетворительно. «Патриархия за последние годы не провела ни одного крупного мероприятия по объединению Православных Церквей вокруг Русской Православной Церкви, возглавляемой Московской Патриархией, мероприятий, связанных с разоблачением реакционных действий папы Римского и усилением борьбы за мир. Патриархия не использует всех тех огромных возможностей, которыми она располагает; не проведено ни одной крупной акции за рубежом. ⟨...⟩ Русская Православная Церковь не выступает объединяющим центром Православных Церквей мира, в большинстве случаев она занимает пассивную оборону и слабо разоблачает клеветническую пропаганду о положении религии и Церкви в нашей стране. ⟨...⟩ Совет рекомендовал митрополиту Николаю разработать и дать предложения об усилении внешней работы. Однако митрополит Николай не выполнил эту просьбу Совета и представил предложения, которые ни в какой степени не отвечают тем требованиям, о которых шла речь с митрополитом по этому вопросу». Затем Куроедов предложил освободить митрополита Николая от обязанностей председателя ОВЦС и возложить их на другое, более подходящее лицо.

Патриарх признал, что у митрополита Николая нет желания заниматься внешней деятельностью. «Он неоднократно заявлял о том,— сказал Святейший Патриарх,— что внешняя работа для него является обузой, что у него нет хороших помощников. ⟨...⟩ Вообще духовенство не проявляет большого интереса к поездкам за границу и к работе в других странах». Патриарх предложил кандидатуру архимандрита Никодима (Ротова) в качестве преемника митрополита Николая.

С личностью архимандрита Никодима (Ротова), впоследствии митрополита Ленинградского и Новгородского, связано изменение позиции Московской Патриархии по отношению к экуменическому движению. Как известно, Совещание Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, состоявшееся в Москве в 1948 году, приняло резолюцию, в которой указывалось, что «целеустремления экуменического движения ⟨...⟩ не соответствуют идеалам христианства и задачам Церкви Христовой, как их понимает Православная Церковь»[30]. В этой связи особо отмечалось неприемлемое для Православия направление экуменическим движением своих усилий в русло социальной и политической жизни. Такой позиции придерживалась Московская Патриархия до 1960 года. В беседе, состоявшейся 2 апреля 1959 года, Святейший Патриарх Алексий, информируя Совет об отношении Русской Церкви к экуменическому движению, заявил, что она намерена постепенно усиливать связи с Всемирным Советом Церквей, посылать своих наблюдателей на его важнейшие совещания и конференции, но не будет вступать в члены этой организации. Однако через полтора года положение изменилось. В записи беседы Патриарха Алексия с В. А. Куроедовым, состоявшейся 15 сентября 1960 года, имеется такая фраза: «Патриарх принял рекомендацию Совета о вхождении Русской Православной Церкви в члены Всемирного Совета Церквей и расценил это как крупную акцию со стороны Русской Православной Церкви в ее деятельности за рубежом». С какой целью Совет по делам Русской Православной Церкви рекомендовал Русской Церкви вступление во Всемирный Совет Церквей? По-видимому, для того, чтобы скрыть антицерковную политику советского государства. Загнав Церковь в темный угол, Совет хотел создать за рубежом образ свободной и активной Русской Церкви.

Время первосвятительского служения Святейших Патриархов Сергия и Алексия было периодом искушений для Русской Церкви. Не все из них Церковь превозмогла. Но, идя на компромиссы, она хранила верность догматам православной веры и воспитывала чад своих в традициях исконного русского благочестия.

В последние годы жизни Святейший Патриарх Алексий не раз в узком кругу выражал свою готовность уйти на покой, чтобы не быть свидетелем и участником разорения Церкви. Но, не видя преемника, который был бы в состоянии сделать для Церкви нечто большее, чем он сам, Патриарх Алексий смиренно нес тяжкий крест патриаршества. Скончался Святейший Патриарх Алексий 17 апреля 1970 года, в возрасте 92 лет, после 25-летнего пребывания на патриаршем престоле Русской Церкви.

ССЫЛКИ

[25] ЦГАОР, ф. 7991, д. № 227, п. 57.
[26] Там же, д. № 420, п. 2.
[27] Там же, № 227, пп. 28—30.
[28] Наука и религия, 1987, № 11, с. 23.
[29] Отчет датирован 3 июня.
[30] Деяния Совещания Глав и Представителей автокефальных Православных Церквей. Т. 2. М., 1949, с. 434—456.

Священник Сергий ГОРДУН,
преподаватель Минской
Духовной Семинарии

Путь Руси из Киева во Владимир

Многие историки выражали сожаление по поводу неизбежно произошедшего после переноса столицы Руси во Владимир умаления роли и даже прямого упадка Киева. Особенно горько и подчас даже гневно высказывались об этом украинские историки, в частности наиболее знаменитый из них — М. С. Грушевский (1866—1934).

В своем труде, посвященном именно той эпохе, когда совершилось перемещение центра Руси во Владимир, М. С. Грушевский подверг исключительно суровой критике деятельность Юрия Долгорукого и его сына — святого Андрея Боголюбского, осуществивших это перемещение, хотя предпочел умолчать об изначальной роли в этом деле отца Юрия, Владимира Мономаха, стремясь представить его преданным «киевлянином». С другой стороны, М. С. Грушевский необычайно высоко оценил последних (перед *перемещением* столицы) киевских князей, не помышлявших об уходе на север, в частности одного из внуков Владимира Мономаха, Изя-

---

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1993, № 1.

слава Мстиславича, правившего в Киеве с 1146 до своей кончины в 1154 году.

«Проживи Изяслав лишний десяток-другой лет,— писал М. С. Грушевский,— пережив он Юрия (Долгорукого, который был двоюродным братом Изяслава.— *В. К.*)... и, может быть, история Киевщины не сложилась бы так печально»[19]. Иначе говоря, если бы Изяслав жил до 70—80 лет (он умер около 60) и самим фактом своего существования и княжения оттеснил бы на второй план таких «неугодных» властителей, как Юрий Долгорукий (между прочим, он пережил Изяслава всего лишь на три года), а также его сына, Андрея Боголюбского, центр Руси не переместился бы из Киева во Владимир...

М. С. Грушевский много говорит о «неприязни» утвердившегося во Владимире Андрея Боголюбского к Киеву, даже о присущем, мол, ему своего рода пренебрежении этим городом: «Конечно, Андрей мог добиться и киевского стола, но сделаться киевским князем ему было несподручно»; он предпочел его «бросить, как ненужную вещь, отдать первому попавшемуся», хотя вместе с тем «наложил на нее (Южную Русь.— *В. К.*) тяжелую руку и давал чувствовать ее при всяком удобном случае и, унижая, гнетя Юг, старался возвысить себя и свою волость в глазах современников; эту политику провел он с обычною, ни перед чем не останавливающеюся энергией и, нужно признаться, с немалым успехом»[20]. (Естественно высказать мысль, что этот «немалый успех» опирался на объективно-историческую потребность или необходимость!)

То же самое М. С. Грушевский говорит о преемнике князя Андрея владимирском князе Всеволоде Большое Гнездо. После смерти в 1194 году киевского князя Святослава (того самого, чье «золотое слово» звучит в «Слове о полку Игореве») «по родовым счетам старейшим приходился Всеволод, но Всеволод, подобно брату (т. е. Андрею Боголюбскому.— *В. К.*), не желал вокняжаться в Киеве: это все та же политика пренебрежения, унижения Киева, которую практиковал раньше Андрей. По словам Суздальской летописи, Всеволод послал бояр своих в Киеве «и посади в Кыеве Рюрика Ростиславича...»[21] — то есть заведомо второстепенного князя, «державшего» до этого «провинциальные» Белгород и Овруч.

Многое в этих суждениях явно неосновательно (скажем, тезис о вероятности совсем иной судьбы Киева в случае более продолжительной жизни Изяслава Мстиславича). И конечно же, дело не в некоем недоброжелательстве Андрея Боголюбского к Киеву, а в том, что столица Руси в силу естественной исторической потребности, или, вернее, необходимости, переместилась в ее, говоря условно, географический центр. Отсюда в XII—XIII веках Андрей Боголюбский и его преемники — Всеволод Большое Гнездо (был Владимирским князем в 1176—1212 годах), его сын, герой знаменитого «Сказания о граде Китеже» Юрий Всеволодович (1212—1238, с перерывом в 1216—1218 гг.), младший брат последнего, адресат знаменитого «Моления Даниила Заточника» Ярослав (1236—1246), его сын, святой Александр Невский (1252—1263) и т. д.— в той или иной мере правили (или хотя бы проявляли волю править) всей Русью от Киева до Новгорода. И из уже приведенных выше обращенных к «великому князю Всеволоду» призывов в «Слове о полку Игореве» ясно, что в Южной Руси жаждали поддержки из Владимира.

М. С. Грушевский, как и ряд других украинских историков, стремился доказать, что Киевская Русь была созданием украинского народа, а государственность и культура Владимирской Руси (и ее преемницы — Руси Московской) являла собою совершенно иную, новую реальность, созданную другим, «собственно русским», или, если воспользоваться словом, введенным в середине XIX века украинско-русским историком Н. И. Костомаровым (1817—1885), «великорусским» народом.

Никак невозможно отрицать, что во Владимир ушли именно киевские князья, нередко обладавшие полным правом именно на киевский престол. Но М. С. Грушевский и его последователи ни в коем случае не хотят признать, что во Владимир переместились с юга отнюдь не только эти «пренебрегшие» Киевом «отщепенцы», но и очень значительная — и в количественном, и в качественном отношении — часть населения, составлявшая самые основы государственности и культуры Руси. Русь, в сущности, как бы отхлынула к северу...

Между прочим, противореча самому себе, М. С. Грушевский все же констатирует, что во второй половине XII века «вместе с упадком политическим Киевская земля падала — хотя далеко не в такой степени — и в отношении экономическом»[22]; вполне уместно было бы добавить — и в культурном отношении. Однако едва ли стоит объяснять это действиями нерасположенных к Киеву князей Андрея и Всеволода. *Русь «падала» в Киеве потому, что она поднималась во Владимире...*

Политический упадок Киева со всей резкостью выразился в следующем не очень широко известном своеобразии его жизни после кончины Юрия Долгорукого (1157) и до захвата его монголами (1240). За эти восемьдесят лет власть в Киеве сменялась около сорока (!) раз[23], между тем как во Владимире в те же годы сменили друг друга только шесть князей. Из киевских князей лишь один Святослав Всеволодович (герой «Слова о полку Игореве») правил долго — восемнадцать лет (1176—1194), хотя все же с небольшим перерывом. Остальные киевские князья удерживались на своем столе в среднем не более полутора лет (правда, некоторые из них не единожды вокняжи-

вались в Киеве; так, Рюрик Ростиславич «брал власть» в городе шесть или даже семь раз!) Это объяснялось, несомненно, перемещением государственной и — шире — национальной энергии во Владимир.

В конце концов и митрополит Киевский перевел свою резиденцию во Владимир. Здесь важно иметь в виду, что Церковь всегда в наибольшей степени — сравнительно с любым другим общественным институтом — стремилась сохранить свои сложившиеся устои, а, кроме того, Киев находился в два раза ближе, чем Владимир, к Константинопольскому Патриархату, которому подчинялась Русская Церковь.

Кстати сказать, святой князь Андрей Боголюбский еще в 1163 году пытался учредить самостоятельную Владимирскую митрополию, но тогдашний Патриарх Константинопольский Лука Хрисоверг отверг это намерение. Впрочем, он вообще явно не понимал или же не хотел понять сложившуюся к тому времени на Руси ситуацию, ибо в одной из своих грамот он обращался к Андрею Боголюбскому: «преблагородивый княже Ростовский и Суздальский», а сидевшего тогда в Киеве (в течение всего лишь двух лет) уже совершенно бессильного Мстислава Изяславича называл в той же грамоте «великим князем всея Руси»[24].

Но позднее произошло то, что должно было произойти в силу самого хода истории: Владимирская Русь «перетянула» к себе митрополию. В 1210 году, менее чем через пятьдесят лет после неудавшейся попытки Андрея Боголюбского, тогдашний митрополит Матфей прибыл во Владимир и провозгласил брата Андрея, Всеволода Большое Гнездо, *старшим* среди русских князей. Следующий митрополит Киевский, Кирил I, уже проводит церковный Собор 1227 года не в Киеве, а во Владимире, а один из самых выдающихся киевских митрополитов — Кирил II (1247—1281) едва ли не главное внимание уделяет Владимиру и вступает в теснейшие отношения с Александром Невским (он и руководит торжествами в связи с восшествием князя Александра на великокняжеский Владимирский стол в 1252 году).

Именно во Владимирской земле (в Переславле Залесском) Кирилл II скончался. А его преемник митрополит Максим уже окончательно перевел митрополию во Владимир, поселившись там в 1299 году «со всем своим двором и соборным причтом»[25].

Но вернемся ко времени святого князя Андрея Боголюбского. В 1169 году правивший в Киеве Мстислав Изяславич вызвал своими действиями крайнее недовольство почти всех русских князей; двенадцать из них решили его свергнуть и при этом сочли необходимым опереться на авторитет князя Владимирского и обратились к нему за помощью. Андрей Боголюбский прислал воинов, предводительствуемых его сыном Мстиславом Андреевичем; Киев был взят, а князь заменен.

Современный историк с большими основаниями предполагает, что в этом участии князя Андрея в походе южнорусских князей на Киев выразилась «борьба Андрея с византийским патриархатом и Киевской митрополией (не желавшими признавать уже утвердившегося «первенства» северной столицы.— *В. К.*). На стороне Владимирского князя выступил Киево-Печерский монастырь, пытавшийся возглавить борьбу за национальную церковь»[26]. Таким образом, прославленная Лавра — средоточие духовной культуры Киева — уже поддерживала князя Владимирского, а не Киевского... И нельзя не сказать, что сам «Киево-Печерский патерик» — одно из замечательнейших творений древнерусской литературы, запечатлевшее образ Лавры,— был создан в своей основе уже не в Киеве, а епископом Владимирским и Суздальским Симоном (в начале XIII века)...

Нельзя не сожалеть, не скорбеть об исторической судьбе великого и прекрасного Киева, в высшем расцвете которого в конце X — начале XII века ярче и полнее всего воплотилось бытие Руси того времени. Но ход истории неумолим. После перемещения столицы Киев в течение столетия с лишним находился в более или менее тесной связи с Владимиром; связь эта продолжала сохраняться некоторое время даже и после монгольского нашествия. Но, как выяснили современные украинские историки, «в последней четверти XIII века (то есть примерно с 1275 года, а Киев был захвачен монголами в 1240 году.— *В. К.*) золотоордынские ханы перестали выдавать ярлыки на киевское княжение владимиро-суздальским и другим видным русским князьям, а управляли городом при помощи собственных наместников»[27].

И это неизбежно вело к решительному отделению Киева от Владимира, южной Руси от северной. А в 1362 году, воспользовавшись расколом и острой междоусобной борьбой в монгольской Золотой Орде, Киев захватило Великое княжество Литовское, которое позднее вошло в состав Речи Посполитой. И лишь в 1654 году Киев и большая часть южной Руси опять воссоединились с северной.

Таким образом, южная, Киевская Русь, которая почти четыре столетия (с начала IX до середины XII века) была средоточием исторического развития огромной страны, затем также на почти четыре столетия (конец XIII — середина XVII века) оказалась отрезанной — сначала монголами, затем Литвой и Польшей — от нового центра Руси. И едва ли возможно всерьез оспорить, что именно поэтому и именно за это долгое время в южной Руси сложился самостоятельный народ со своим языком и культурой — *украинский*.

Однако некоторые украинские историки во главе с М. С. Грушевским предлагают совсем иное решение, согласно которому украинский народ так или иначе сформировался на юге уже в самом начале исто-

рии Киевской Руси, а во Владимирской земле и севернее, в Новгородской, в это же время сложился другой, русский народ. Поэтому история Киевской Руси — это, мол, первый этап истории украинского народа, а русский народ не имеет прямого и непосредственного отношения к Киевской Руси. Между тем ясно, что такое представление об историческом пути южнорусских земель несет в себе поистине жестокое внутреннее противоречие.

Впрочем, прежде чем говорить об этом, сформулирую принятую преобладающим большинством историков (в том числе и украинских) концепцию, согласно которой до XIII века основное население Руси, разместившееся на пространстве от Киева до Ладоги, представляло собой единый в своей основе народ — с единым литературным языком (несмотря на всегда неизбежные областные диалектные особенности) и единой культурой, воплощенной в зодчестве, иконописи, искусстве слова, а также непосредственно в формах труда и быта. Только поэтому, например, былины, созданные в Киеве, оказались *своими* в далеком северном Поморье, а летописи, повествующие о Киеве, сохранялись и многократно переписывались во Владимирской Руси. Это была, как обычно определяют, общерусская культура, которая только с конца XIII—XIV века начинает постепенно разветвляться на украинскую, белорусскую и великорусскую. Так, по определению Н. И. Костомарова, из древнего русского народа выросли «три ветви русского народа: то были — южнорусская, белорусская и великорусская»[28].

Только оказавшись в составе Литовского, а затем Польского государства, население южной Руси начало превращаться в самостоятельный украинский народ, чья своеобразная культура сформировалась к рубежу XVI—XVII веков. Если же встать на точку зрения М. С. Грушевского и его сторонников, согласно которой украинский народ сложился до XIII века, неизбежно придется прийти к выводу, что народ этот позднее, так сказать, утратил свое лицо, ибо на территории Украины в очень малой степени сохранилось наследие Киевской Руси, начиная с тех же былин (их трудно распознаваемые следы находят только в так называемых «героических колядках»); даже множество памятников зодчества, включая собор святой Софии в Киеве, было кардинально перестроено на основе иного стиля (чего не произошло, например, с новгородской — созданной в одно время с киевской — Софией).

Иначе говоря, перед историком Украины встает дилемма: либо исходить из понятия о едином русском народе IX—XII веков, создавшем, в частности, культуру южной, Киевской Руси, либо же — под давлением массы фактов — признать, что культура Киевской Руси вообще не имеет прямого и непосредственного отношения к украинскому народу, ибо эта культура действительно сохранялась и развивалась после XIII века в северной, а не южной Руси.

Мнение же, что именно украинский народ (и не единый тогда — общерусский) создал культуру Киевской Руси, а после XIII века чуть ли не полностью доверил ее сохранение и дальнейшее развитие великорусскому народу, между тем как сам пошел по явно и существенно иному пути,— это мнение в конечном счете просто абсурдно.

Вопрос стоит именно так: историку Украины или надо полностью «отречься» от Киевской Руси, или же согласиться, что до XIII века существовал единый древнерусский народ, а формирование украинского народа и его самобытной и богатой культуры началось с конца XIII века.

Это всецело подтверждает и историческое языковедение. В трактате Ф. П. Филина «Происхождение русского, украинского и белорусского языков» (1972), подводящем итоги полуторавекового изучения проблемы (в том числе и украинским языковедением), а также многолетних исследований самого автора, говорится, в частности, что только «в XIV—XV веках лексико-семантические различия языка северо-восточных, западных и южных памятников становились заметными» и, значит, именно «в XIV—XV веках получают широкое распространение особенности, характерные для русского, украинского и белорусского языков... Явления, специфические для каждого восточнославянского языка, продолжали нарастать и в более позднее время»[29]. Между прочим, Ф. П. Филин в этом своем выводе всецело опирается на труд крупнейшего украинского языковеда Л. А. Булаховского «Питания похождення української мови» (Київ, 1956): «Как полагает Л. А. Булаховский... древнерусский язык во всем существенном был един. Никаких особенных восточнославянских племенных диалектов не существовало», и «древнеукраинские особенности» лишь «с XIV века... становятся совершенно явными».

Но, конечно, «особенности» — это еще не язык в полном смысле этого слова. Великий филолог М. М. Бахтин, не раз обращавшийся к украинской словесности и культуре в целом, писал еще в 1944 году: «Значение XVI в. на Украине. Борьба с польским игом и с Турцией, формирование украинской национальности... В XVI веке выдвигается впервые вопрос *о национальном языке* (курсив М. М. Бахтина.— *В. К.*), возникает потребность создать письменную «руську мову», отличную от славянской (т. е. церковнославянской.— *В. К.*) и польской. На эту «мову» переводятся книги церковно-учительные и богослужебные («Пересопницкое Евангелие» — 1555—1561)»[30].

Невозможно и даже просто нелепо отрицать, что в XI—XV веках на Киевской земле письменный язык был един с тем письменным языком, который существовал во Владимирской и затем Московской Руси, не-

смотря на все неизбежные диалектные особенности. А это значит, что лишь в XVI веке, через два столетия после «отторжения» Киевской земли от Владимирской, действительно, реально свершилось разделение *украинской* (тогда *малороссийской*) и *великорусской* культур.

Но и разговорный язык населения Киевской земли до вхождения ее в состав Великого княжества Литовского (1362 год) отнюдь не был еще украинским. Об этом веско сказал в наши дни известнейший украинский археолог и историк П. П. Толочко: «Подтверждением языкового единства древнерусских земель XII—XIII веков может быть следующее обстоятельство. Известно, что в это время происходили освоение и заселение суздальско-залесского края. Особенно мощным колонизационный поток был из Южной Руси (Киевщины, Черниговщины, Переяславльщины и других земель)... выходцы из Южной Руси, если они в XII—XIII веках являлись уже украинцами, должны были бы принести с собой на северо-восток не только гидронимическую и топонимическую (то есть названия рек и селений.— *В. К.*) номенклатуру (Лыбедь, Почайна, Ирпень, Трубеж, Переяславль, Галич, Звенигород, Перемышль и др.), но и украинский язык. Между тем ничего подобного здесь не наблюдается»[31].

Итак, до конца XIII — первой половины XIV века существовала, по сути дела, единая Древняя Русь, и лишь после отделения ее юго-западной «окраины» сложились Украина и ее обособившийся народ. Всецело неосновательно было бы усмотреть в этом выводе некий выпад... Ибо данное утверждение ни в коей мере не колеблет ту бесспорную истину, что на юго-западной части территории Древней Руси сложилась богатая и самобытная культура украинского народа, которую ценит и, вне всякого сомнения, любит каждый русский (по костомаровскому определению — *великорос*), кроме разве только ничтожного количества совершенно не типичных для русского народа узких националистов.

Вот, для примера, недавнее стихотворение поэта Виктора Кочеткова (которого, кстати сказать, иные критики без всяких оснований обвиняют именно в национализме!) — стихотворение, выразившее проникновенную любовь к украинскому слову, а значит, и ко всему бытию этого народа:

Яремчанских долин золотая теплынь,
Паруса облаков к полонинам причалили.
Украинский язык, ближе к сердцу
прихлынь,
Поделись вековыми своими печалями.

Поделись вековою своею мечтой,
Кобзарёвою белоголовою думою.
Прокурлычь журавлем над чумацкой
верстой,
Что ползла на Азов от Вапнярки и
Умани.

Ты ветрами степей запорожских обдут.
Ты настоен на травах в черниговском
ельнике.
Твои гласные так деловито гудут,
Словно пчелы весною на дедовском
пчельнике.

Вдруг старинное слово, как юркий
зверек,
Прошмыгнет среди нынешних.
Это не чудо ли?
Украинский язык, ты доныне сберег
Молодую замашку Тарасовой удали.

Все отменно в тебе — и повадка и стать,
Все на долгую носку пошито —
заметано.
Твое слово высоко умеет взлетать,
Но у самой земли свое гнездышко вьет
оно.

Ах как сладко горчит молодая полынь,
Ах как дышит земля, принакрытая
дымкою!
Украинский язык, к сердцу ближе
прихлынь,
Обожги ветровой, ключевой холодинкою.

...Цель моего размышления о пути из Киева во Владимир отнюдь не в том, чтобы кого-то задеть, но в попытке уяснения исторической истины, которая равно необходима любому народу — в данном случае как русскому, так и украинскому.

Единство государственности, экономики, быта, культуры и — что имело наиболее существенное значение — религии и Церкви, присущее всей Древней (домонгольской) Руси от Киева до Ладоги,— это несомненный факт, историческая реальность, оспаривать которую — бессмысленное занятие.

Как отмечалось выше, действительное формирование и развитие самостоятельного украинского народа и соответственно самостоятельного русского началось лишь на рубеже XIII—XIV веков, и в особенности после захвата территории будущей Украины Литовским государством (в 1362 году). Но когда почти через три столетия, в 1654 году, украинские земли вошли в состав государства Российского, оказалось, что две культуры несут в себе очевидное единство.

Об этом со всей определенностью писал, в частности, выдающийся мыслитель и филолог князь Н. С. Трубецкой,— писал, пожалуй, даже чрезмерно заостряя проблему: «...та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры» (см. работу Н. С. Трубецкого «К украинской проблеме» в журн.: Наш современник, 1992, № 3, с. 165). Н. С. Трубецкой, конечно, говорит о киевско-украинской культуре, сложившейся после XIII—XIV веков.

Это совершенно наглядно выразилось в том факте, что все наиболее влиятельные

деятели российской культуры конца XVII — начала XVIII века были выходцами из Киева, сформировались именно там,— и Епифаний Славинецкий, и Симеон Полоцкий, и святой Димитрий Ростовский (Туптало), и Стефан Яворский, и Феофан Прокопович...

Позднее же, в XIX веке, напротив, украинская культура испытывала плодотворное воздействие русской; никак ведь не скинешь со счетов, что величайший поэт Украины Тарас Шевченко сложился не где-нибудь, а в Петербурге.

Вообще-то неразрывное (хотя и есть охотники разрывать!) единство украинского и русского видимо для всех запечатлено в грандиозном творчестве Гоголя; гораздо реже видят в сущности такое же единство, явленное в творчестве Лескова и Данилевского, Короленко и Бунина, М. Булгакова и Паустовского. Единство это исключительно важно и жизненно необходимо. Если бы оно было утрачено, не только бы порвалась плодотворная взаимосвязь культур, сами эти две культуры в их собственном развитии потеряли бы слишком много.

Было бы нелепо отрицать, что в истории русского и украинского народов — как, правда, и в истории любых тесно связанных народов — бывало всякое, и можно указать печальные и горькие страницы, о которых и нельзя и не следует забывать. Но и постоянное надрывное напоминание об этих страницах ни к чему хорошему не приведет, что ясно обнаружилось в последние годы, особенно в церковных делах.

Недопустимо подрывать изначальное и так или иначе (несмотря на все трудности и отклонения) сохранявшееся единство Православной Церкви; оно, это единство, существовало даже и тогда, когда Россию и Украину разделяли жесткие государственные границы. И любой отказ от этого единства Церкви будет отказом не от чего-то *чужого*, но от *своего собственного*, восходящего к единым для русских и украинцев равноапостольным святым Ольге и Владимиру...

ПРИМЕЧАНИЯ

[19] Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891, с. 192.
[20] Там же, с. 221.
[21] Там же, с. 254.
[22] Там же, с. 226.
[23] См. тщательно составленный обзор сведений о киевских княжениях в книге: Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
[24] См.: Щапов Я. Н. Государство и Церковь Древней Руси X—XIII веков. М., 1989, с. 174.
[25] См. тщательное исследование всех этих событий 1160—1290-х годов в указанной новейшей книге Я. Н. Щапова.
[26] Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987, с. 58.
[27] История Киева. Том первый. Древний и средневековый Киев. Киев, 1982, с. 219.
[28] Костомаров Н. И. Собр. соч. Кн. 4, т. 9. СПб., 1904, с. 14.
[29] Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 635.
[30] Архив В. В. Кожинова.— *Ред.*
[31] Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987, с. 187.

Вадим КОЖИНОВ

ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО

Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви

(Историко-канонический очерк)

Подтверждение основного принципа 38-го правила о безотчетной личной власти епископа над церковным имуществом мы находим в 41-м апостольском правиле: «повелеваем епископу иметь власть (ἐξουσίαν ἔχειν) над церковным имением» (τῶν τῆς Ἐκκλησίας πραγμάτων)...[29] Здесь, в приводимом каноне, дается и основание этому принципу: иерархические полномочия епископа по управлению паствой; этим предлагается для христиан своего времени некоторое особенное побуждение к полному доверию епископу в этом деле[30]. «Аще бо,— говорит 41-е правило,— драгоценные человеческие души епископу вверены быть должны, то кольми паче о деньгах заповедать должно, чтобы он всем распоряжал (διοικεῖσθαι) по своей власти», конечно,— повторим — с нравственной ответственностью перед Богом, как говорится в 38-м правиле[31], или по 24-му Антиохийскому правилу,

---

Окончание. Начало см.: ЖМП, 1992, № 11/12.

«со всяким тщанием, и благою совестию, и с верою во Всевидца и Судию Бога». 41-е апостольское правило внушает епископу «иметь милосердие к бедным»[32] и повелевает производить раздачу бедным через своих клириков — пресвитеров и диаконов[33] — (*единственных* пока помощников епископов в деле управления церковным имуществом), «отличающихся добродетелию и доброй репутацией»[34]; оно же позволяет епископу пользоваться церковным имуществом для своего личного содержания, но лишь на необходимые нужды[35].

Полная безотчетность епископа в управлении церковным имуществом, каковая следовала из 38-го и 41-го апостольских правил, несколько ограничивалась 25-м правилом Антиохийского Собора, которое предписывает епископу распоряжаться имуществом «по согласию пресвитеров или диаконов (μετάγνώμης τῶν πρεσβυτέρωνἢ τῶν διακόνων), то есть с «ведома»[36] или с «согласия»[37] клира. «Заметь,— говорит Вальсамон по поводу этого правила[38],— и из настоящего правила, что всем церковным имуществом должны распоряжаться *церковные* лица и что поступающие вопреки этим правилам подвергаются наказанию по усмотрению Собора». Подчеркивает эту же мысль и Славянская Кормчая: «Епископ,— передает она 25-е правило Антиохийского Собора,— церковная имения да раздавает в милостыню руками священников и диаконов, а не мирских людей»[39].

Настоящее правило в своем содержании синтезирует мысли рассмотренных выше апостольских правил; оно проводит идею власти епископа над церковными имуществами, но власти «не с тем, чтобы пользоваться им, как хочет»[40], а для помощи нуждающимся и для необходимых своих потребностей. В этом же каноне высказана мысль о подчинении Собору власти епископов в деле управления церковным имуществом и об ответственности перед Собором, хотя лишь в некоторых исключительных случаях. «Если епископ,— читаем мы в каноне,— расточает церковное имущество на свои нужды, ведет приход и расход имущества без ведома пресвитеров и диаконов, а поручает управление над ними своим родственникам, и те небрежным отношением к этому делу вызывают замешательства в счетах церковного имущества, то он надлежит отчету перед областным Собором, должен представить ему отчет «как счетчику неподкупному»[41]. Собор разбирает доносы на все неправильные действия епископа при управлении церковной собственностью[42]. Таким образом, каноны первых веков ограничивают власть епископа в управлении церковными имуществами лишь судом совести — страхом Божиим, свидетельством клира Церкви и ответственностью перед областным Собором.

К участию в этом деле, хотя и не активному, привлечены пресвитеры и диаконы, высший надзор передан Собору; об участии мирян — никакого упоминания нет.

Нелишним будет следующее небольшое замечание по поводу разобранного 25-го канона Антиохийского Собора. Указания этого правила и подобных ему[43] на участие клира в управлении церковным имуществом некоторые канонисты славят в связь с происходившим в то время образованием в епископиях пресвитерских парахий — сельских и городских[44]. Естественно было, как говорит В. Ковалевский, при этом группировании верующих возле новых отдельных храмов, с новыми отдельными запасами имуществ, предоставить пресвитерам, настоятелям этих приходских церквей, больше полномочий по хранению и распределению церковных имуществ (оставив приходские общины, по свидетельству канонов, в строгом подчинении епископу)[45]. Это предложение, хотя и не претендующее на степень научно доказанного тезиса, может несколько поколебать категорический характер одного из центральных (но фактически вовсе не обоснованных) положений крайних защитников прав мирян в деле управления церковным имуществом: будто каноны безусловно не имеют никакого отношения к положению имуществ в пресвитерских приходах (каноны регулируют, по мнению этих защитников, лишь управление имуществом «архиерейскаго дома», даже не всей епископии![46]).

В таких чертах каноны нормируют образ единоличного, в лице епископа, управления церковными имуществами, с некоторым соучастием лишь клира; таков характер церковно-имущественных отношений в ближайшее к апостолам время.

Проследим по канонам дальнейшее развитие форм этого управления.

III

С увеличением числа верующих и вместе с тем с ростом их духовных нужд, для удовлетворения которых епископ должен был располагать уже большим временем, с одной стороны, с другой — с умножением церковных имуществ, управление которыми, конечно, уже требовало более порядка, строгости и отчетности, чем в первые века, епископы уже лишались возможности непосредственно ведать всеми имуществами и этим осуществлять в практической жизни предписания 38-го и 41-го апостольских правил и 25-го правила Антиохийского Собора о личном заведовании церковным достоянием. Поэтому, а частью и вследствие злоупотреблений и нерадения некоторых из епископов учреждались при епископах «sub iis» — особые должностные лица под именем церковных экономов[47] в качестве сотрудников епископа по управлению церковным имуществом; они избирались из клира епархии и несли, под надзором епископа, обязанности исключительно по заведованию имуществом всей епархии. Первое упоминание об экономах — с употреблением этого имени — мы встречаем в 10-м правиле Феофила Александрийского († 412; с 390 — Архиепископ Александрийский): «с согласия всего священства да назначится другий иконом (οἰκονόμος), на определение коего соглашается и епископ Апполон, дабы церковное достояние употребляемого было на что должно».

Напомним, что вообще о привлечении клириков к участию, хотя и очень ограниченному, в деле управления церковными имуществами находили упоминание в 40-м, 41-м апостольских правилах, 24-м и 25-м Антиохийского Собора; и древнейшим из канонических свидетельств о *специальных помощниках* епископов в этом управлении, хотя и без титулизации этих помощников, можно считать еще и 8-е правило Гангрского Собора[48]. Последний, подтверждая право, предоставленное Церковью с самого начала ее бытия епископу, повелевает передавать Церкви плодоприношения и раздавать их только через епископа или поставленного «управляти благотвореними», «уполномоченного» епископом заведовать «экономией благотворений», которого Thomassin, известный канонист, называет уже экономом[49]. Другие каноны, в которых встречается указание на пресвитеров и диаконов как на помощников епископа в управлении церковным имуществом[50], дают право с несомненностью заключить, что и Гангрский Собор в «уполномоченном» видел клирика, а не мирянина.

Время учреждения специальной должности эконома не установлено с определенностью[51]. Во всяком случае, обычай избирать в каждой Церкви своего эконома, должность которого была и разностороннее и полновластнее «уполномоченнаго» Гангрского Собора, существовал уже в IV веке и был почти повсеместным в V веке[52]; в пользу этого мы имеем весьма ясные свидетельства как в цитированном правиле Феофила, так и во 2-м правиле Халкидонского Собора, упоминающего об экономе как распространенном во всей Церкви звании[53]. Об этом свидетельствует и Thomassin: «Це ковныя имущества,— говорит он,— издавна (с IV—V вв.) управлялись экономами под наблюдением эпископа»[54]. 26-м правилом Халкидонского Собора Церковь возводит, так сказать, на степень закона то, что уже давно твердо существовало в обычае, закрепляет название этой должности, соответствующее ее содержанию и кругу деятельности. Говоря о тех немногих Церквах, при которых не было экономов, как об исключении[55], 26-е правило постановляет всякой Церкви, имеющей епископа, иметь и эконома[56]. «Разсуждено всякой Церкви, имеющей епископа, имети из собственнаго клира икономa, который бы распоряжался церковным имуществом по воле своего епископа». «Кто же сего не учинит, таковый повинен Божественным правилам».

В цитированных канонах (10-е и 26-е правило IV Вселенского Собора) преимущественное наше внимание должно обратить на себя то, что на должность эконома назначалось и «производилось»[57] епископом лицо из среды местного клира («иметь из собственнаго клира — ἐκτοῦ ἰδίου κλήρου — эконома»), а «*отнюдь* не из мирян и не из близких к епископу»[58], как толкует Матфей Властарь[59]. (Ср. Славянская кормчая: «от причетников своея церкве избирати, а не мирских людей».) Право назначать эконома принадлежало епископу той Церкви, к которой избирался эконом[60], но с согласия — по 10-му правилу Феофила («по выбору» — у Вальсамона и М. Властаря) всего священства, или клира, который

свидетельствовал о честности и достоинствах будущего эконома. Миряне не имели права принимать участие даже в выборе эконома[61]. Вальсамон комментирует предписание о назначении эконома из клира в том смысле, что до 26-го правила большинство епископов «экономами делали мирян, почему настоящий канон и содержит постановление о необходимости поручать экономию клирикам».

Эконом, далее, «распоряжает церковным имуществом» в полной зависимости или «по воле» того, кому, согласно 37-му и 41-му апостольским правилам, исключительно принадлежало управление церковной собственностью, у кого право управлять имуществами, так сказать, составляло неотъемлемую привилегию сана. Несамостоятельность эконома в деле управления имуществом и дала основание Халкидонскому Собору определить в настоящем каноне деятельность экономов как μαρτυρία — свидетельство (οἰκονόμον ἔχειν... ωσε μὴ ἁμάρτυρον εἶναι τὴν οἰκονόμιαν τῆς ἐκκλησίας). Следовательно, и после учреждения должности эконома за епископом осталась неприкосновенной высшая власть над имуществом[62]. Об этом правиле скажем еще, что необходимость института экономов постулируется в нем тремя соображениями: «Дабы домостроительство церковное не без свидетелей было»; чтобы от этого не «расточалось» «напрасно» церковное имущество и доходы, но употреблялись бы согласно их назначению и чтобы отвлечь от священства какие бы то ни было подозрения в «неправильном и неблагочестивом употреблении церковнаго имущества»[63]. Никаких иных «свидетелей», кроме экономов-клириков, каноны не знают.

Церковное законодательство Юстиниана, которое вообще было строго проведено в духе канонов или, как выражаются историки[64], шло — в период Вселенских Соборов — рука об руку с церковными канонами и давало последним силу и значение закона государственного, упрочивает и формально санкционирует положение эконома в целой организации епархиального управления, порядок назначения его епископом из клира и его поднадзорность по отношению к последнему[65]. Во главе церковной экономии законодательство Юстиниана ставит епископа; признавая институт экономов как ближайших распорядителей церковным хозяйством, византийская законодательная власть резко отличает хозяйственные обязанности этих распорядителей от прерогатив епископской власти. Законы об управлении церковным имуществом, которые всегда издавались императором на имя епископа, а не эконома, называют деятельность экономов «управлением» (administratio)[66], между тем отношение епископа к этому имуществу определяется словом «власть» (potestas), так как епископ санкционирует все дела по управлению церковным имуществом, распоряжается им в полной мере[67].

Вернемся к канонам. 11-е правило VII Вселенского Собора дает подтверждение 26-му правилу IV Вселенского Собора этому основному общецерковному закону об управлении церковными имуществами, который содержит предписание о повсеместном, при каждом епископе, учреждении должности эконома; при этом дает подтверждение «с строгостью», по выражению одного канониста[68]. Отцы VII Вселенского Собора предписали митрополитам назначать их собственною властью — jure devolutionis — экономов в те из подчиненных им епископий, где не выполняют этого правила; Патриарху же предоставлена такая же власть, при подобных условиях, в округах митрополитов. «...Мы должны,— гласит 11-е правило,— такожде охраняти всеконечно неизменным и то (правило), которое повелевает быть иконому в каждой Церкви»; настоящее правило подтверждает, следовательно, как комментирует Вальсамон[69], и предписание Халкидонского Собора (26-е правило) о выборе эконома из членов *клира* местной Церкви, хотя и не содержит в себе прямого указания на это последнее распоряжение и даже послужило, говорит Вальсамон, для некоторых основанием утверждать, будто и миряне могут поэтому участвовать в управлении церковными имуществами. Вальсамон обосновывает свое мнение, сопоставляя слова канона: «Мы должны охранять всеконечно неизменным и то правило (26-е Халкидонского Собора)» — с дальнейшими словами того же канона: «То же самое наблюдати и по монастырям»: но в монастыре экономом может быть только лицо из клира или монастырской братии, «ибо никто, даже нездравомыслящий, не скажет, чтобы миряне

могли управлять монастырским имуществом»[70].

Обязанности церковного эконома кратко выражены в 26-м правиле IV Вселенского Собора: «имети... икономa, который бы распоряжал (οἰκονομοῦντα) церковным имуществом»; но так как институт древних церковных экономов неоднократно служил предметом ученых исследований[71], то мы можем, на основании этих свидетельств, расширить это краткое указание канона — мы укажем все функции этого правителя церковных имуществ, правителя — *не мирянина*, а *члена клира*. Мы увидим, что в его руках были сосредоточены все главные отрасли церковно-имущественного управления.

Чижман, Аугусти, епископ Никодим, Томассин понимают обязанности эконома как «главное руководительство всем движимым и недвижимым имуществом епархии»[72], церковными доходами и расходами: из доходов эконом покрывает текущие расходы, в числе их — расходы по содержанию духовенства, «рассматривает все счета» и «заботится» о приращении всего имущества[73], заведует всеми церковными постройками и перестройками и при этом всем обязан самостоятельно вести приходо-расходные записи[74]. Помимо указанных обязанностей, на экономе лежал долг выполнять дела христианского милосердия и оказывать, из церковных сумм, помощь бедным, вдовам, сиротам и богоугодным заведениям. 25-е правило VI Вселенского Собора, предполагая, что экономы были при каждой кафедре, возлагает на них обязанности временного управления имуществом вдовствующей епархии — до избрания нового епископа[75], а по Чижману, они (экономы) заботятся и о покрытии долгов, которые умерший епископ еще не успел выплатить в государственную казну. Позже, при дальнейшем развитии форм церковного управления, экономы, помимо специального назначения заведовать имуществами, исправляли и другие должности: как первое должностное лицо при епископе, эконом вдовствующей Церкви временно управлял епархией до выбора нового; при избрании же нового епископа он первым подавал свой голос. Экономам был предоставлен голос в епископском и епархиальном духовном суде[76].

Свои обязанности по управлению церковным имуществом эконом выполнял, как говорили каноны и подтверждает история, «по воле» своего епископа[77], который, повторим, имел в этой сфере высшую власть[78]. Ежегодно или чаще эконом должен был представлять своему епископу счета с так называемыми ныне оправдательными документами; в позднейшее время он представлял их и государственной власти[79]. В отдельных областях своего округа эконом мог иметь одного или более помощников; они избирались им самим, а утверждение получали от епископа.

Церковно-исторические исследования подтверждают факт точного применения на практике правила Халкидонского Собора (26-го) об избрании эконома из *клира*. У всех приведенных выше ученых мы находим сведения о том, что эконом в Древней Церкви был лицом духовного звания. Чижман, Никодим, Иоанн говорят о его обязанности присутствовать на литургии при епископе; при этом во время совершения литургии эконом стоял первым на правой стороне святого престола, в облачении, с рипидой в руке; при рукоположениях во диакона он подводил ставленника к епископу. По Томассину, хотя пресвитеры и диаконы участвовали одинаково в управлении церковным имуществом (в должности эконома), но по преимуществу экономами бывали пресвитеры[80], по Никодиму — эта должность чаще предоставлялась диаконам, нежели пресвитерам; по Павлу — без различия и пресвитерам и диаконам, даже низшим клирикам. Главное внимание при избрании эконома, говорит Павел[81], обращалось на способности и честность избираемых лиц, а не на иерархическую их степень: на должность эконома ставились лица испытанные в честности и благонамеренности.

IV

Мы рассмотрели все те древнеканонические данные (в их *теоретическом* содержании и первоначальном *церковно-практическом* применении), которыми можно располагать для ответа на поставленный нами вопрос: что говорят каноны Древней Вселенской Церкви о роли мирян в управлении церковным имуществом?

Синтезируем данные канонов.

Прежде всего, как это мы делали и выше, скажем о Священном Писании.

По первоисточнику, нормой для устройства церковной жизни и для регулирования церковных отношений, распорядителем церковного имущества является исключительно церковная иерархия: вначале — апостолы, затем, под их надзором, лица, «поставленные» апостолами для этого служения, следовательно — представители иерархии, но не просто представители общества христиан[82].

И по канонам, разобранным нами, на *таких же* началах должно было основываться заведование церковным имуществом. Высшая распорядительная власть над имуществами на протяжении всей эпохи образования канонического кодекса принадлежала, по канонам, епископам: как во времена их единоличного управления имуществом, так и при участии в этом деле клира (вероятно, когда приходские церкви получили некоторую долю свободы в распоряжении своими делами) и эконома. В качестве сотрудников и исполнительных органов при епископе в этом деле были *лишь члены клира* (пресвитеры и диаконы, экономы), по прямому предписанию канонов и по единогласному свидетельству исследователей древней церковной жизни. В сферу прав и обязанностей этих помощников епископов в деле управления имуществами (именно экономов) входили *все* функции рассматриваемой области церковного управления.

Вывод получается тот, что каноны Древней Церкви совершенно не знали какого-либо, хотя бы малейшего, формального участия мирян в деле управления церковными имуществами[83], предоставляя лишь одной иерархии всю полноту власти распоряжения церковной собственностью.

Если в канонах нет специальных постановлений относительно управления церковным имуществом в пресвитерских приходах, то о последних, говорят канонисты[84], нужно заключать по аналогии с управлением в епископии. Епископ имеет, по канонам, власть управления церковными имуществами в силу своих иерархических полномочий по управлению епископией в духовных делах: мы вспомним слова 41-го апостольского правила: если епископу вверены «драгоценные» человеческие души, то тем более он должен «по своей власти» распоряжаться имуществом Церкви; мы вспомним о том, что церковные имущества, как сказано выше, согласно с пониманием канонов, принадлежат Церкви[85] или вечной цели видимой Церкви: епископ же «пасет Церковь Господа и Бога». С возникновением приходов, управляемых пресвитерами, эти последние, как лица иерархической степени, естественно получали — de jure — некоторые права на управление имуществом своих приходов (говорим — некоторые — потому, что пресвитеры, конечно, оставались под высшим наблюдением епископа и с отчетностью перед ним[86]; право заведования церковно-имущественным достоянием составляло одно из полномочий административно-церковной власти приходского пресвитера[87].

Этим дается ответ и на то, почему в древних канонических источниках нет упоминания о мирянах как участниках в управлении церковным имуществом: как не имеющим в Церкви права управления вообще, как не призванных к власти церковной, им, по необходимому логическому заключению из сказанного, согласно с идеей канонов, не может принадлежать и право на это участие[88].

* * *

Какое же приложение к современной церковной жизни могли бы иметь наши выводы?

Отвечаем. Древнее вселенское законодательство *не может* служить историко-каноническим базисом для того широкого привлечения мирян к управлению церковным имуществом, какое проектируют некоторые современные ученые канонисты и публицисты, стараясь найти именно в этом законодательстве зачатки такого участия. Соучастие мирян с клиром в управлении церковными имуществами узаконивалось византийской государственной властью, и если нельзя отрицать его законной устойчивости, то корней этой последней, во всяком случае, нельзя искать в древнеканоническом кодексе Вселенской Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

[29] Буквальное повторение этого правила содержится в 12-м правиле VII Вселенского Собора. Ср. 2-е правило Кирилла Александрийского, 12-е правило Сардикийского Собора.

[30] См. *А. Иоанн.* Цит. соч. Ч. I, с. 188.

[31] «...яко Богу назидающу». Ср. 2-е правило Кирилла Александрийского, 42-е правило Карфагенского Собора.

[32] Ср. 54-е апостольское правило.

[33] См. толкование *Вальсамона* на 39-е правило.

[34] *Синтагма* М. Властаря, с. 211. Привлечением клира к управлению церковным имуществами епископа отклоняли от себя всякое подозрение в неправильных действиях (так поясняет *Зонара*). «Правила с толкованиями». М., 1876.

[35] *Зонара*. Ср. 25-е правило Антиохийского Собора.

[36] Комментарий Зонары.

[37] *Аристин*. По *Ковалевскому* (цит. соч., с. 849) эти слова означают: «посредством согласного исполнения клириками воли епископа». Ср. *А. Папков*. О необходимости обновления церковного строя. СПб., 1902, с. 10.

[38] Правила Православной Церкви с толкованиями, в издании Московского общества любителей духовного просвещения. М., 1870, с. 1106.

[39] «Кормчая», перепечатанная в 1785 году с издания 1653 года. Лист 71-й.

[40] *Зонара*. На 25-е правило Антиохийского Собора. Правила, с. 110.

[41] Ср. 35-е правило Карфагенского Собора.

[42] По Юстинианову законодательству, в числе дел, подлежащих ведению Собора, видим и дела по управлению имуществом Церкви. (Nov. 137, 67). См. *П. Соколов*, «Церковное имущественное право», с. 251.

[43] Ср. 42-е правило Карфагенского Собора: «Определено, чтобы пресвитеры, без соизволения своих епископов, не продавали вещей Церкви, к которой посвящены. Равно и епископам не позволительно давати церковные земли без ведома Собора или своих пресвитеров».

[44] Например, *В. Ковалевский*. Цит. соч., с. 849; Иеромонах Михаил. Цит. соч., с. 40 и др.

[45] См. каноны: 9-й Антиохийского, 6-й, 7-й и 8-й Гангрского, 67-е Карфагенского Соборов, 17-е — IV Вселенского Собора, 25-е — VI Вселенского Собора. 17-е правило IV Вселенского Собора говорит: «По каждой епархии в селах или предградиях сущие приходы должны неизменно пребывать над властию заведывающими оными епископов». Ср. подтверждение приведенному нами предположению у протоиерея *Н. Благоразумова*. «К вопросу о возрождении православного русского прихода». М., 1904, с. 11. Проф. *И. Бердников*. Сепаратный проект, с. 2.

[46] См., например, *Н. Заозерский:* Что есть православный приход и чем он должен быть? Богословский Вестник, 1911, № 2, с. 674; Протоиерей *И. Бердников:* Сепаратный проект, с. 2 слл.

[47] О них можно читать у иеромонаха *Павла:* «О должностях и учреждениях по церковному управлению в Древней Церкви». СПб., 1857, с. 44; у Helle, op., cit, s. 47; у *П. Соколова*. Цит. соч., с. 218 и др.

[48] Половины IV века; по *Н. Заозерскому* — около 340—360 гг. («Историческое обозрение источников права Православной Церкви». М., 1891, с. 140).

[49] Thomassinus L. Vetus et nova ecclesiae disciplina circa beneficia et beneficiarios. Magontiaci. 1787. P. III. L. II, c. 1, n. 2, p. 2. Чижман также видит в этом уполномоченном экономa (в позднейшем смысле). См. Zhishman. Disynoden und die Episcopal — Aemter in der mordenländischen Kirshe. Wien, 1867, s. 93.

[50] См. 40-е, 41-е, 49-е апостольские правила. 25-е правило Антиохийского Собора и др.

[51] См. цит Annotationes Beveregii, p. 123. *Н. Заозерский*. «О церковной власти», с. 104.

[52] См. Thomassinus. P. III. L II, c. 1: экономы были уже при Григории Богоносце, Иоанне Златоусте, Иерониме. Ср. Иеромонах *Павел*. Цит. соч., с. 45 и др. авторы.

[53] 2-е правило: «Аще который епископ... произведет за деньги во икономa»... и т. д.

[54] T. X, p. 141. Параллельные места дают право заключить, что под «издавна» Thomassin понимал «с IV—V века».

[55] «Поелику в *некоторых* Церквах, яко же нам соделалось гласным, епископы управляют церковными имуществами без икономов, того ради рассуждено...»

[56] Иметь экономa — с целью предотвратить всякое нарекание в пристрастии относительно тех епископов, которые, вопреки общему обычаю, не имели у себя экономов.

[57] Термин «производить» (προβάλλειν) употреблен во 2-м правиле IV Вселенского Собора: «если епископ произведет за деньги экономa...»

[58] Ср. 25-е правило Антиохийского Собора, разобранное выше.

[59] Синтагма, с. 212.

[60] 26-е правило IV Вселенского Собора, II—VII Вселенские Соборы. 10-е — Феофила. См. *Деяния* Вселенских Соборов IV, Деян. 9.

[61] Ср. Иеромонах *Павел*. Цит. соч., с. 47. Braun. op cit, 5.349 другие авторы.

[62] *Вальсамон*, в своем комментарии на это правило, не видит никакого противоречия между 38-м и 41-м апостольскими правилами предписывающими епископу «безотчетную» (Вальсамон) и верховную власть над церковным именем — и данным, 26-м правилом Халкидонского Собора.

[63] *Зонара*. «Правила», с. 402.

[64] См. J. Mortreuil. Histoire du droit Byzantin. T. I. Paris, 1843. Hefelle. Conciliengeschichte III et Band, s. 446—7.

[65] Эконом, предпринявший что-либо относительно управления «достоянием Божиим» без согласия епископа, носителя этой власти над церковными имуществами, обвинялся в святотатстве (Nov. 7).

См. 56 Cod. 1,3 Nov. 131. 10; 3; 120; 42 Cod. 1,3, etc. Подробно: у *Соколова*. Цит. соч., с. 226; у *Михаила*. Цит. соч., с. 131—32.

[66] См. Nov. 7, 10; 15 Cod. 1, 3; 49 Cod. 1 3; 52 Cod. 1,3.

[67] Епископ принимает завещанное в Церковь (49 Cod. I, 3 и др.), распределяет его согласно завещанию (52 Cod.), дает дозволение на церковные постройки (Nov. 131, 7), разрешает отчуждение церковной собственности (Nov. 120, 6) и пр. Ср. *Михаил*, с. 132. Грациан, «известный канонист-кодификатор», приведя целый ряд свидетельств из отцов церкви, из определений Соборов и декретов папских в пользу того, что церковными имуществами в Древней Церкви управляли епископы, так заключает свою книгу: «Нужно признать, что церкви со всеми своими принадлежностями находились в распоряжении епископов... пожертвования и вся стяжания церквей были изъяты из распоряжения мирян» (ibid).

[68] Иеромонах *Павел*. Цит. соч., с. 46.

[69] *Вальсамон*, в «Правилах», с. 831. Ср. Епископ *Никодим*, «Правила». Ч. I, с. 620.

[70] Вальсамон. Ibid.

[71] L. Thomassinus. Vetus et nova eccelesiae disciplina. Magont, 1787. P. III. L. II, c. 1, 2, 3. Augusti. Denkwürdigkeiten, aus der, christl Archeologie B. X1, s. 248. Zhishman. Op. cit., s. 99—103. Епископ *Никодим*. Достоинства у православной церкви. Панчево, 1879, с. 130—31 и другие авторы.

[72] Епископ *Никодим*. Цит. соч., с. 30. «Помимо экономa, в Древней Церкви существовали и

другие, второстепенные, должности по управлению церковным хозяйством и делами благотворительности (канонами эти должности не санкционированы): апокрисиария, в ведении которого находились «судно-гражданские дела» Церкви; скевофилакса, заведовавшего церковной утварью и др. (эти должности занимались лицами иерархическими). Для церковной благотворительности уже были особые учреждения — богадельни, больницы — со своей администрацией.

[73] Zhishman. Op. cit., s. 101.

[74] Епископ *Никодим*. Цит. соч., с. 131.

[75] Эти *временные* управители церковным имуществом — первоначально пресвитеры вообще (15-е правило Анкирского Собора, 22-е — Халкидонского, 35-е — VI Вселенского Собора) позже, экономы — во время Sedisvacus не имели права самостоятельного распоряжения: «из принадлежащего Церкви аще что продали пресвитеры в небытность у них епископа, да востребует оное Церковь» — гласит 15-е правило Анкирского Собора.

[76] *Иоанн*. Ч. 1, с. 309, 535.

[77] 25-е правило Халкидонского Собора.

[78] См. у нас выше.

[79] Последнее положение введено законодательством Юстиниана и имело силу в VI—VII веках. См. Zhishman. Op. cit., 102.

[80] T. X., p. 141.

[81] О должностях, с. 46.

[82] Ср. у проф. *Алмазова*. Акты Предсоборного Присутствия. «Церковный вестник», 1907, № 2, с. 328.

[83] Еще в эпоху Вселенских Соборов, как свидетельствует история Церкви, существовало так называемое ктиторское право, которого *не знают* каноны, но которое было узаконено государственной властью. В чем оно состояло? Если лицо, построившее храм или монастырь или пожертвовавшее известную часть своего имущества на содержание церковных институтов, не может считать себя после акта дарения собственником пожертвованного (см. 1-е правило Двукратного Собора), то, из уважения к нему, ему предоставлялось право попечительства над институтом, устроенным или возобновленным на его счет: право заведовать и управлять этим институтом лично или через доверенных лиц, право избирать кандидатов в клир его Церкви (толкование Зонара и Вальсамона на 1-е и 7-е правила Двукратного Собора). Это — ктиторское право. Его нельзя вовсе считать полновластным распорядительством ктитора над пожертвованным им имуществом: ктитор был добровольным приставником церковному делу, подчиненным воле и надзору епископа, подобно клиру, заведовавшему обычно церковным имуществом. 1-е правило Двукратного Собора, которое говорит с осуждением о злоупотреблениях жертвователей, о тех, кто жертвует храму и продолжает считать себя собственником этого (см. у нас выше) — (о ктиторском праве или указанных привилегиях жертвователей, повторяем, *ничего* нет в канонах) — дало Вальсамону мысль предположить, что это правило не исключает предоставления некоторых названных привилегий служителям-жертвователям, в отношении заведования своей жертвой. Предположение Вальсамона — исключительно субъективного характера без объективной почвы и не отвечает подчеркиваемой нами идее канонов.

Ктиторское право и стоит в связи с последующими институтами уполномоченных от прихожан для участия в управлении церковным имуществом, каковым институтам дается оправдание.

О ктиторском праве можно читать у *Михаила*. Цит. соч., с. 137. См. у *П. Соколова*. Цит. соч.

[84] См., например, *И. Бердников*. Что нужно для обновления русского прихода. С. 34.

[85] Церкви — в широком смысле.

[86] Ср. *И. Бердников*. Цит. соч., с. 34. Высшая власть (summa potestas — по Томассину) управления церковными имуществами была, повторим, *неотъемлемой* у епископов.

[87] Ср. Const. apost. II, 35.

[88] Отметим, что эта же мысль проводится и в Постановлениях Апостольских: «Ты так и поступишь (мирянин), как Господь постановил, и дашь священнику должное ему,— начаток гумна и точила и приношения о грехах, как посреднику между Богом и нуждающимся в отпущении и заступлении, ибо тебе прилично давать, а ему — раздавать, потому, что он — домостроитель и правитель церковных дел. Только не требуй у епископа своего — отчета и не наблюдай за домостроительством его,— как, или когда, или кому, или где, или хорошо, или худо, или так ли, как должно, совершает он его. У него есть свой требователь отчета — Господь Бог, вручивший ему такое домостроительство и сподобивший его такого места в священстве». Кн. II, гл. 35 (ср. главы 25 и 31).

Б. ЯРУШЕВИЧ
(митрополит Николай; † 1961)

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин

В день начала Успенского поста, 1/14 августа 1922 года, когда прихожане, как обычно, принесли в тюрьму передачу для митрополита Вениамина, им сообщили, что «гражданин Казанский» — так в миру три десятилетия звался Владыка — и приговоренные вместе с ним к расстрелу архимандрит Сергий, профессора Н. И. Ковшаров и Ю. П. Новицкий «потребованы и уже отправлены в Москву».

Следователи Петроградского ревтрибунала вскрыли в Александро-Невской Лавре опечатанные митрополичьи покои и изъяли «в уплату судебных издержек» бóльшую часть принадлежавших Владыке вещей — тридцать одну икону, двадцать две фотографии, зеркальный шкаф с книгами, три ковра, семь столовых стульев, зеркало, настольные часы, кровать металлическую с двумя матрасами, лампу, деревянную тарелку с яйцами.

А полутора сутками раньше, ночью, обритых и одетых в лохмотья, чтобы их не опознали и не отбили у конвоя питерцы, митрополита и приговоренных вместе с ним к высшей мере наказания отвезли на станцию Пороховые по Ириновской железной дороге и расстреляли. Но и спустя многие годы верующие повторяли легенду, что мученики живы, поселены в каком-то глухом монастыре и вот-вот явятся народу.

11 октября 1990 года Верховный суд РСФСР отменил приговор, и уголовное дело семидесятилетней давности было «производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления».

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходивший с 31 марта по 5 апреля 1992 года в Московском Свято-Даниловом монастыре, причислил всех четверых новомучеников к лику русских святых. «А честные останки их, в безвестных могилах покоящиеся, на произволение Божие оставляются».

Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Евр. 13, 7).

Владыка Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский) родился в 1874 году в Олонецкой губернии в семье священника и, получив высшее духовное образование, в течение тринадцати лет вел преподавательскую работу в духовных учебных учреждениях. «Его не останови, он двадцать четыре часа в сутки служить будет»,— добродушно ворчали семинаристы на архимандрита Вениамина за его страстную любовь к богослужению.

24 января 1910 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялась хиротония епископа Гдовского Вениамина, викария Санкт-Петербургской епархии. «Прими сей жезл архиерейский,— напутствовал его митрополит Антоний (Вадковский),— и гряди совершать возложенное на тебя послушание во славу Божию».

Епископское послушание Владыка Вениамин исполнял с неутомимой энергией, он изъездил вдоль и поперек всю Петербургскую епархию, знал настроения, нужды и потребности окормляемых чад. Десятки верст по грязи и под дождем, не брезгуя гостеприимством ни в помещичьих хоромах, ни в избе мужика, идет он во главе крестного хода от Луги до Череменца, от Петербурга до Колпино, до Сергиевой пустыни. Его трудами в епархии возникло множество новых школ, оживилась приходская жизнь. Владыка глубоко знал свой народ и мог

Напоминаем читателям, что в «Журнале Московской Патриархии» № 12, 1990 г. опубликована статья иеромонаха Дамаскина «Свидетель истины», посвященная митрополиту Вениамину (Казанскому).

Епископ Гдовский Вениамин

сказать о себе словами из евангельской притчи: *Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня* (Ин. 10, 14).

Так в трудах и заботах прошли семь предреволюционных лет, пока в феврале 1917 года не грянула революция, изменившая весь уклад жизни россиян и поделившая их на две враждующие между собой армии. 24 мая 1917 года после совершения литургии в Казанском соборе архиепископ Платон, член Святейшего Правительствующего Синода, обратился с предостережениями к кандидатам в архипастыри на Петроградскую кафедру:

«Тяжелое время разъединения и разрухи переживаем теперь мы. Нужно избрать человека больших нравственных достоинств. Нынешнее время требует больших организаторских и административных талантов. Особенно нужен человек сильной воли, который в минуты испытаний мог бы постоять за свои мысли даже до смерти. Кто не чувствует в себе таких сил, тот должен сам устранить себя от избрания...»

После минутного молитвенного молчания участники Первого Петроградского Епархиального Собора подходят к урнам и опускают карточки с именем желаемого архипастыря. Спустя час, стоя на солее, архиепископ Платон объявляет: «За епископа Уфимского Андрея подано 364 голоса, архиепископа Финляндского Сергия — 625 голосов, за архиепископа Петроградского Вениамина — 976 голосов...»

«Аксиос!» — пропели трижды.

Избранный свободным голосованием архипастырь выходит из алтаря, благословляет своих чад иконой Знамения Божией Матери и обращается к ним со словом: «Избрание в Казанском соборе для меня особенно знаменательно, потому что здесь я получил посвящение в чины диакона и священника. Я даю себе отчет, что высокий пост в наши тяжелые дни таит в себе гораздо больше тягостей, нежели радостей и почестей. Но я принимаю это избрание, так как вижу в нем особое указание. Пятнадцать лет назад на Афоне я спросил у старцев: «Следует ли принимать на себя обязанности, которые не по силам?»— «Нельзя отказываться ни от чего, в чем можно видеть особое испытание»,— ответили они. Я принимаю на себя этот подвиг служения, надеясь, что народная любовь и вера восполнят мои силы. Еще со школьной скамьи я обращался к народу, чтобы почерпнуть бодрость и веру. И в зрелые годы, посещая села и деревни, видел, как горит всем лучшим простая русская душа, и убедился, что именно в народе таится подлинное училище веры и благочестия. С этими мыслями я приступаю к совместной работе с вами».

Архипастырь, а за ним и весь Собор запели «Заступница усердная». Владыка Вениамин принял особое испытание, испытание — по слову архиепископа Платона — «за свои мысли даже до смерти».

Городу на Неве нравился новый правящий архиерей, который постоянно посещал бедные кварталы, порою до поздней ночи выслушивая и утешая несших ему свое горе простолюдинов. По мнению большинства питерцев, Владыка Вениамин всегда был искренне аполитичен, все свое время посвящал церковным службам, беседам с прихожанами и заступничеству за них перед властью.

«Ни блеском церковного красноречия,— вспоминает митрополит Мануил,— ни остротой богословского дара не отличался приснопамятный Вениамин. Но это не помешало ему оставить по себе память одного из любимых и популярнейших архипастырей. Одна его чисто русская внешность располагала к себе. Простое открытое лицо, круглое, с румянцем на щеках, с длинной русой

бородкой. Был он прост, доступен и приветлив. Говорят, что в ранние годы мечтал об исповедничестве. Временами в обществе он был молчалив и с ним трудно было поддерживать беседу».

Но кротость и простота Владыки не означали, что в его лице власти получили молчаливого пособника в развернувшейся кампании по уничтожению Церкви Христовой. Когда Петроград посетил Патриарх Тихон, на Николаевском вокзале с крестным ходом его встретил митрополит Вениамин, выразивший радость всех жителей города по случаю прибытия Главы Русской Церкви и закончивший свое приветствие уверением, что и сам он, и все искренно верующие готовы за Веру и Церковь понести любые жертвы и даже умереть. «Умереть нынче немудрено,— улыбнулся в ответ Патриарх.— Нынче труднее научиться, как жить».

Как жить, когда 31 декабря 1917 года газета «Дело народа» публикует рассмотренный Советом Народных Комиссаров проект декрета об отделении Церкви от государства, преследовавший цель посеять рознь среди духовенства и ограбить храмы? Владыка Вениамин 6 января 1918 года отвечает петроградским комиссарам: «Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого проекта декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых. Думаю, что этот мой голос будет услышан и православные останутся со всеми их правами чадами Церкви Христовой».

Как жить, когда 19 января 1918 года по распоряжению комиссара госпожи Коллонтай революционные матросы ворвались в Александро-Невскую Лавру и приказали монахам очистить помещение и сдать имущество? Как жить, когда выстрелом в рот в святой Лавре красноармеец смертельно ранит протоиерея Петра Скипетрова? Как жить, когда после убийства главы петроградской ЧК Урицкого без всяких на то оснований священников хватают на дому и увозят в тюрьмы?

Владыка Вениамин 27 августа/9 сентября 1918 года поднимает свой голос против произвола властей: «Слыша проповедь пастырскую в соответствии с указанными началами, паства ныне смущена и встревожена и требует ответа: виновны ли пастыри, и если виновны, то в чем? Если же невиновны, то не является ли преследование пастырей уже прямым гонением на Церковь Христову и веру христианскую? И тогда Церковь оказывается в худшем правовом положении, чем она была во времена открытых гонений от римских цезарей.

Общины верующих, оставшиеся без пастырей, без удовлетворения своих религиозных нужд, требуют не оставлять их сирыми и духовно голодными, и тем не менее власть церковная не может удовлетворять этому народному требованию, ибо не знает, преступны ли в чем-либо насильственно удаленные пастыри и подлежат ли они замене другими лицами или же они взяты от своего делания просто как пастыри и служители Христа, и тогда никакая замена новыми лицами невозможна и недопустима. Ответ на это гражданская власть теперь же должна дать церковному народу во имя обеспеченного законом права народного веровать и молиться по велению своей совести.

Моля Бога о даровании мира и тишины земле нашей, по долгу архипастырскому моему непоколебимо указываю на долг власти гражданской во имя блага народного дать вверенной мне Богом пастве возможность с душевным спокойствием и беспрепятственно молиться со своими пастырями в своих храмах».

Как жить, когда в начале 1922 года, используя голод, возникший в России не без помощи большевиков, власти приступили к кощунственному изъятию из петроградских храмов церковных ценностей, накопленных многими поколениями православных россиян? Как жить, когда безбожники требуют себе и вместилища святых мощей, которые запрещено церковными канонами использовать для чего-либо, кроме прямого назначения, или священные сосуды, до коих не имеет права коснуться верующий мирянин, не говоря уже об атеисте? Как жить, когда Церкви запретили напрямую помогать голодающим, предписывая лишь пополнять казну государства?

Владыка Вениамин обращается в марте 1922 года в губернскую комиссию помощи голодающим: «Я как архипастырь почитаю священным долгом заявить, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и при-

меру великих святителей, в годину бедствий для спасения от смерти погибающих всегда являла образ высокой христианской любви, жертвуя все свое церковное достояние, вплоть до священных сосудов. Но, отдавая на спасение голодающих самые священные и дорогие для себя по их духовному, а не материальному значению сокровища, Церковь должна иметь уверенность: 1) что все другие средства и способы помощи голодающим исчерпаны; 2) что пожертвованные святыни будут употреблены на помощь голодающим; 3) что на пожертвование их будет дано благословение и разрешение высшей церковной власти.

Только при этих главнейших условиях, выполненных в форме, не оставляющей никакого сомнения для верующего народа в достаточности необходимых гарантий, и может быть мною призван православный народ к жертвам церковными святынями. А самые сокровища, согласно святоотеческим указаниям и примерам древних архипастырей, будут обращены при моем непосредственном участии в слитки...

Призывая в настоящее время к благословению Святейшего Патриарха к пожертвованию церквами для голодающих только ценных предметов, не имеющих богослужебного характера, мы в то же время решительно отвергаем принудительное отобрание церковных ценностей как кощунственное, святотатственное, за участие в котором мирянин подлежит отлучению от Церкви, а священнослужитель — низвержению из сана».

Власти знали о благоговейном отношении верующих к святыням, хранящимся в храмах, их агенты каждодневно поставляли сводки, в которых сообщали об охране церковных ценностей прихожанами, но им и нужно было, чтобы пролилась кровь, дабы иметь повод расправиться с Православием.

«Поэтому я прихожу к безусловному выводу,— инструктировал своих подмастерьев организатор грабежа церквей Ленин,— что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

И все же благодаря пастырям, пытавшимся в последний момент охладить пыл своей паствы и без кровопролития отдать ненасытной власти церковное достояние, изъятия в большинстве случаев в Петрограде прошли спокойно. Не обошлось, конечно, и без стычек, которые заканчивались злыми словами да ссадинами.

Путиловцы, увидев, что грабят их заводскую церковь, намяли бока члену комиссии по изъятию Левицкому.

Бабы да дети возле церкви Спаса на Сенной загнали камнями в чайную начальника 20-го отделения милиции Федорова, так что ему пришлось убираться восвояси через черный ход.

Толпу, не пускавшую комиссию по изъятию в Рождественскую церковь, удалось рассеять лишь с помощью воинских частей.

Около Исаакиевского собора верующие устроили митинг. По докладам агентов, здесь вовсю ругали большевистскую власть. Бухгалтер В. В. Пешель негодовал: «Приехали с каторги из Сибири какие-то разбойники, взяли власть и теперь добрались до церковных драгоценностей, чтобы их продать и гулять по кафе». А бывший дворянин Л. М. Комбявский доверительно сообщил толпе, что большевики уже обобрали все дворцы, отчего и принялись за церкви: «В Аничковом дворце я видел золотой сервиз. И вдруг узнаю — где, вы думаете, он? — Луначарский присвоил».

И все же этих и еще нескольких подобных случаев оказалось достаточно, чтобы упечь за решетку несколько сотен наиболее чтимых в православном Питере священников, охранявших свои храмы прихожан и случайно попавшихся под руку подозрительных зевак. Газеты с нескрываемой злобой набросились на Владыку Вениамина. «Меч пролетариата тяжело обрушится на голову митрополита»,— радовался усердный писака, верно подслуживавший всем режимам. «Красная газета» поместила карикатуру, изображавшую Петроградского Владыку сидящим на сундуке, с надписью: «Петроградский митрополит Вениамин угрожает». «Правда» и «Известия ВЦИК» не уступали другим в злобной травле архипастыря Петроградской епархии, выполняя поручение верховных властителей унизить его, высмеять, чтобы последующий арест не вызвал волнений в народе.

29 мая 1922 года в помещении епархиальной канцелярии митрополит был арестован. Вопрос «как жить?» перестал существовать, надо было готовиться умирать.

10 июня 1922 года начался судебный

процесс над петроградским духовенством. По делу было привлечено восемьдесят шесть человек. Им предъявили обвинения в «участии в организации, действующей в контрреволюционных целях, путем возбуждения населения к массовым волнениям в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции» (ст. 62 нового Уголовного кодекса) и в «использовании религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти» (ст. 119).

Вход на судилище в зал бывшего Дворянского собрания был строго по билетам, которые выдавались верным красноармейцам. Тысячи же горожан запрудили Михайловскую и Итальянскую улицы, в молчании ожидая «правосудия».

Третий день судилища был целиком посвящен допросу митрополита Вениамина. На вопросы обвинителей и защиты «подсудимый Казанский показал:

— Мое отношение к Советской власти было отношением законным, все декреты и распоряжения, по силе возможностей и понимания, я выполнял.

— Письмо в комиссию помощи голодающим я написал по личному убеждению. Перед его написанием ни с кем не говорил, но обменивался мнениями по этому вопросу со всеми, кто встречался со мной.

— Мои доклады и решения правление приходских советов не обсуждало, для них они были обязательными. Заседания мои с правлением протоколами не фиксировались, был просто обмен мнениями по какому-либо вопросу.

— О поездке профессора Новицкого к Патриарху Тихону мне было известно, я ему поручил привезти из Москвы воззвание Патриарха о пожертвовании церковных ценностей для голодающих. Новицкий привез воззвание, передал мне благословение Патриарха и сообщил, что Патриарх разрешит пожертвовать не только подвески, но и другие ценности, если мы к нему за этим обратимся.

— Речь в Лавре я произнес в воскресенье, числа 25—26 февраля сего года. Я указал, что для верующих совершается печальное явление, как закрытие некоторых домовых церквей, и что изъятие церковных ценностей может быть произведено и некомпетентными лицами, вследствие чего в церкви может не оказаться необходимых предметов для богослужения. Надо молиться, чтобы такого не случилось.

— После совещания с Боярским и Введенским по поводу письма двенадцати священников я не называл Введенского «иуда, предатель». Я считаю его показания не совсем точными и прошу, чтобы он был в качестве свидетеля на суде.

— Я управлял единолично. Правление приходских советов существовало не как административный орган, а само по себе, так как церковная жизнь приняла новые формы.

— В письмах я высказывался не как администратор, а как духовный пастырь. Частные мои письма через канцелярию не проходили.

— Мой взгляд на изъятие церковных ценностей. В настоящее время церковные ценности отданы во временное пользование верующим, и духовенство не является их распорядителем. Верующие не должны препятствовать изъятию, а должны относиться, как и каждый гражданин, к постановлениям власти. 16 марта мной даны правила духовенству, как вести себя при изъятии ценностей в церкви.

— Меня просили призвать верующих к принятию активного участия в изъятии церковных ценностей. Но с этим я обратиться к ним не мог, так как такой поступок явился бы оскорблением святыни. Если бы нам пришлось просто исполнять декрет, мы провели бы его полностью и не рассуждая. Но нас призвали для переговоров с властью. При разговорах в Смольном товарищем Комаровым было сказано, что мы ослабим, изменим декрет, может быть, будет дано разрешение на добровольное пожертвование. Если бы оно было разрешено, цель была бы достигнута одна и та же.

— В своих действиях я руководствовался пониманием церковным, евангельским...»

Специально подобранная атеистическая публика, слушая Владыку, все больше проникалась к нему уважением: ни показного бахвальства, ни желания переложить вину на других, ни уверток от ответов на конкретные вопросы. И при этом твердая уверенность в своей правоте, в правоте, которая идет не от тщеславия, а от любви к Церкви и православному человеку.

Судьи переполошились. Чтобы сломить дух публики, сбить сочувствие митрополиту, в бой был брошен передовой авангард — закаленный в ненависти к

Православию «почетный красноармеец» Красиков. Его обвинение было построено не на фактах, а на полуграмотных революционных фразах, с помощью которых он уверенно продвигался в высший эшелон власти:

«Дело идет о церковной организации, о церковной периферии и примыкающим к ним кругам, которые используют эту имеющуюся еще в наличности религиозность русского крестьянина, русского рабочего, русского обывателя с целью классовой, с целью ниспровержения рабоче-крестьянского правительства и вообще строя, который сейчас стремится создать трудящийся класс населения... Когда мы разрушили старое государство, когда разрушили старую классовую самодержавно-монархическую и капиталистическую систему и разрушили весь аппарат этой системы, то есть чиновнический, бюрократический, военный аппарат, то мы, конечно, должны были разрушить и часть этого аппарата — церковного... Кто мешал Вениамину, имея доступ в Смольный, имея перо и чернила, сказать советской власти или просто написать в Совнарком: граждане коммунисты, а вы знаете, что я, собственно говоря, имею право выгнать там всю эту белогвардейщину?.. А когда, наслушавшись этих детских сказок, лупят здесь Введенского камнем по голове, то говорят: «Ведь это частица толпы, она, конечно, невежественна, но на это не стоит обращать внимания». Восемнадцать зубов выбили!..»

Красиков уже готов судить Петроградского митрополита за камень, брошенный на улице старой женщиной в протоиерея Введенского — новоявленного иуду, донесшего в следственную комиссию на арестованное духовенство, будто бы все священнослужители — контрреволюционеры и все их помыслы не в делах церковных, а в восстановлении самодержавия. Все чаще срываются с революционного языка обвинителя грозные слова: «черносотенство», «масса понимает», «советская власть сметет митрополита», «пособники мрака». Приговор предрешен, предрешен не здесь, в зале суда, где вряд ли кто-нибудь искренне верил в виновность Владыки, а там, в святыне Православия — Московском Кремле, где ныне упражняются в ненависти к многовековой русской культуре псевдонародные комиссары.

И уже не может никак изменить заранее спланированный спектакль эмоциональная речь защитника, бывшего присяжного поверенного Я. С. Гуровича:

— Одна из местных газет выразилась о митрополите (по-видимому, желая его уязвить), что он производит впечатление «обыкновенного сельского попика». В этих словах есть правда. Митрополит совсем не великолепный «князь Церкви», каким его усиленно желает изобразить обвинение. Он смиренный, простой, кроткий пастырь верующих душ, но именно в этой простоте и смиренности — его огромная моральная сила, его неотразимое обаяние. Перед нравственной красотой этой ясной души не могут не преклоняться даже его враги. Допрос его трибуналом у всех в памяти. Ни для кого не секрет, что, в сущности, в тяжелые часы этого допроса дальнейшая участь митрополита зависела от него самого. Стоило ему чуть-чуть поддаться соблазну, признать хоть немного из того, что так жаждало установить обвинение, и митрополит был бы спасен. Он не пошел на это. Спокойно, без вызова, без рисовки он отказался от такого спасения. Многие ли из здесь присутствующих способны на такой подвиг? Вы можете уничтожить митрополита, но не в ваших силах отказать ему в мужестве и высоком благородстве мысли и поступков...

Гурович ощущал тщетность своих попыток спасти безвинных страдальцев:

— Все такие «данные», представленные обвинителями, свидетельствуют, в сущности, лишь об одном: что обвинение как таковое не имеет под собой никакой почвы. Это ясно для всех. Но весь ужас положения заключается в том, что этому сознанию далеко не соответствует уверенность в оправдании, как должно было бы быть. Наоборот, все более и более нарастает неодолимое предчувствие, что, несмотря на фактический крах обвинения, некоторые подсудимые, и в том числе митрополит, погибнут. Во мраке, окутывающем закулисную сторону дела, явственно виднеется разверстая пропасть, к которой кем-то неумолимо подталкиваются подсудимые...

Гурович, конечно же, не знал о тайном распоряжении Ленина, что, чем больше «удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше», и в заключение своей речи предостерег ревтрибунал от необдуманного решения, наивно полагая, что от этих исполнителей правительственных директив зависит приговор:

— Чем кончится это дело? Что скажет когда-нибудь о нем беспристрастная

история? История скажет, что весной 1922 года в Петрограде было произведено изъятие церковных ценностей, что, согласно донесениям ответственных представителей советской администрации, оно прошло, в общем, «блестяще» и без сколько-нибудь серьезных столкновений с верующими массами. Что скажет далее история, установив этот неоспоримый факт? Скажет ли она, что, несмотря на это и к негодованию всего цивилизованного мира, советская власть сочла необходимым расстрелять Вениамина, митрополита Петроградского, и некоторых других лиц? Это зависит от вашего приговора.

Вы скажете мне, что для вас безразличны и мнения современников, и вердикт истории? Сказать это не трудно, но создать в себе действительное равнодушие в этом отношении невозможно. И я хочу уповать на эту невозможность... Я не прошу и не умоляю вас ни о чем. Я знаю, что всякие просьбы, мольбы, слезы не имеют для вас значения, знаю, что для вас в этом процессе на первом плане вопрос политический и что принцип беспристрастия объявлен неприемлемым к вашим приговорам. Выгода или невыгода для советской власти — вот какая альтернатива должна определять ваши приговоры. Если ради вящего торжества советской власти нужно устранить подсудимого — он погиб, даже независимо от объективной оценки предъявленного к нему обвинения. Да, я знаю, таков лозунг. Но решитесь ли вы провести его в жизнь в этом огромном по значению деле? Решитесь ли вы признать этим самым перед лицом всего мира, что этот судебный процесс является лишь каким-то кошмарным лицедейством? Мы увидим...

Вы должны стремиться соблюсти в этом процессе выгоду для советской власти? Во всяком случае, смотрите, не ошибитесь... Если митрополит погибнет за свою веру, за свою безграничную преданность верующим массам, он станет опаснее для советской власти, чем теперь... Непреложный закон исторический предостерегает вас, что на крови мучеников растет, крепнет и возвеличивается вера... Остановитесь, подумайте над этим и... не творите мучеников».

На следующий день объявили приговор: десятерых к расстрелу, еще около шестидесяти человек к разным срокам тюремного заключения. ВЦИК помиловал шестерых приговоренных к высшей мере наказания. Из тюрьмы митрополит Вениамин сумел передать письмо одному из благочинных Петроградской епархии. Читая его, еще раз убеждаешься, что Владыка знал, как жить, и готов был умереть.

«В детстве и отрочестве я зачитывался житиями святых и восхищался их героизмом, их святым воодушевлением, жалел, что времена не те и не придется переживать то, что они переживали. Времена переменились, открывается возможность терпеть ради Христа от своих и чужих. Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу, и всецело предаться воле Божией. Когда это свершится, тогда человек избыточествует утешением, не чувствует самых тяжких страданий; полный среди страданий радости внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигали полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевывание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самою Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее иметь надо нам, пастырям. Забыть свои самонадеянность, ум, ученость и силы и дать место благодати Божией...»

Михаил ВОСТРЫШЕВ

ПРОПОВЕДЬ

Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром. Мы часто слышим за богослужением этот дивный гимн, в котором есть и ликующее торжество, и светлая грусть. Такова особенность этого праздника.

Только недавно смолкла в храмах песнь небесных сил: *Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение* (Лк. 2, 14), огласившая небесный мир, когда Слово стало плотию и получило земное имя Иисус. Еще совсем недавно мы праздновали явление в мир Святой Троицы, и призыванием Божественной энергии совершалось великое освящение воды. А впереди — неделя мытаря и фарисея, Великий пост и Голгофский Крест. *Потому что для всякой вещи есть свое время и устав,*— говорит Премудрый Соломон.— *Время рождаться и время умирать... Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать* (Еккл. 8, 6; 3, 2 и 4).

Как неуместен на Рождество Христово и на Пасху Господню плач и сетования о грехах, так и греховны смех и веселие Великим постом, особенно на Страстной неделе. А в Сретенском богослужении есть место и радости, и скорби, душевному восторгу и светлой печали.

Когда исполнились дни очищения Пресвятой Богородицы, принесли Младенца Иисуса в Иерусалимский храм, чтобы представить его пред Господом и посвятить Господу. Этот обычай возник еще в древности, когда Моисей выводил из египетского рабства народ, избранный Богом. Упорствовавший фараон не хотел отпустить рабов на свободу, и тогда Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, *от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице* (Исх. 12, 29). Такой дорогой ценой была оплачена свобода: ценой ужаса, ценой смерти детей египетских, ценой лишения матерей любимых своих младенцев был выведен Израиль из страны плена и рабства. Но как бы в воспоминание об этом, как бы в выкуп за египетских детей и матерей Господь повелел Моисею, чтобы все новорожденные мужского пола в каждой еврейской семье приносились в жертву Господу: *каждого первенца человеческого из сынов твоих выкупай* (Исх. 13, 13). Поэтому Пречистая Дева с Иосифом и пришли в храм, *чтобы принести в жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы и двух птенцов голубиных* (Лк. 2, 24). Но не знала еще Мария, что не двух птенцов голубиных принял в жертву Господь, а Ее Сына и что только эта жертва — единственно искупительная за всю историю мира; что Ее Сын станет кровавой Жертвой Голгофы.

А пока праведный Симеон, ведомый Духом Святым, берет Младенца на свои старческие руки и воспевает Богу вдохновенный гимн: *Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение языком, и славу людей Твоих Израиля* (Лк. 2, 29—32). Кто опишет радость и веселие старческой души, когда глаза праведного Симеона узрели Спасителя Израиля и всего мира: старцу дано было провидеть, что многие народы, поклонявшиеся идолам, примут Христа, ибо Дух Святой, который вещал через пророков, был на Симеоне (ср.: Лк. 2, 35).

Но слышим мы, братья и сестры, и иные слова. Благословив Иосифа и Матерь Иисуса, праведный старец пророк: *Се лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34). И воистину, ни один человек не вызывал столько яростных споров, клеветы и преклонения в Израиле, сколько Иисус Христос. Он стал причиной падения сина-

гоги и восстания первой Церкви в Иерусалиме, падения демонов и восстания святых; падения Иуды и восстания Матфея-мытаря; падения разбойника, находившегося слева от него на Кресте, и восстания разбойника, находившегося справа. Он был причиной падения неверного израильского большинства, враждебного Христу с тех пор и до сего дня, и восстания апостолов.

Обращаясь к Пречистой Матери, Симеон сказал: *И Тебе Самой оружие пройдет душу,— да откроются помышления многих сердец* (Лк. 2, 35). Оружием, проходящим душу, Симеон назвал скорбь и страдания, которые Ей предстояло испытать при виде Христа распинаемого, *оцтом и желчию напаяемаго, в ребра же прободаема.*

Не своею силою, а по откровению Святого Духа говорил Симеон о Господе. Однако, братья и сестры, призадумаемся и о себе. Ведь мы, православные христиане, являемся новым духовным Израилем и ожидаем обители не где-нибудь, а в Небесном Иерусалиме. Может быть, и к нашему народу относятся слова о неверном большинстве и о пренебрегаемом меньшинстве верующих во Христа и поклоняющихся Ему? Если мы не опомнимся, то вдохновенная песнь Симеона *Ныне отпущаеши раба Твоего...* станет для нас таким похоронным гимном, каким стала она для неверного большинства Израиля.

В каждом храме есть изображение священной Голгофы. Всякий раз, входя в храм, будем же с благоговением взирать на это изображение, творя перед ним молитву благодарности и сердечного сокрушения. От Божественной Голгофы, как от начала начал, исходит для нас время рождаться для вечности и время умирать для греха, время плакать о нашем недостоинстве и время веселиться о Господе — Спасителе нашем, припадая с молитвами к нашей общей пред Ним Заступнице — Преблагословенной Деве Марии. *Аминь!*

Епископ Новогрудский и Лидский
КОНСТАНТИН,
ректор Минской Духовной Семинарии

Слово в Неделю сыропустную

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

При вступлении на святое поприще Великого поста и покаяния Святая Церковь напутствует нас воспоминанием о нашем праотце Адаме, с жизни которого начинается история бытия рода человеческого на земле, и указывает на его грехопадение.

Человек был создан Богом безгрешным и святым для блаженной райской жизни. После грехопадения первозданный человек потерял живое общение со своим Творцом, которое имел в раю. Следствием грехопадения явились изгнание человека из рая, скорби и болезни в земной жизни. Грех отворяет врата смерти. Яд греха весь обращается внутрь человека и производит разрушительное действие. Как моль точит одежду, ржа разъедает железо, так и грех действует на человека. Естественные потребности души и тела, не управляемые высшей Божественною силою, превращаются во множество греховных наклонностей и привычек; возникают страсти, разрушающие силы человека, его духовное и физическое здоровье.

Грех разрушил первоначальный союз между Богом и человеком. Восстановить этот союз люди не могли своими собственными силами, потому что не могли совершенно очиститься от грехов.

Для восстановления общения между Богом и людьми необходим был Посредник, который был бы в сродстве и с Богом, и с человеком.

Все судьбы человеческие направлялись Промыслом Божиим к тому, чтобы приготовить род человеческий к важнейшему событию всемирной истории — пришествию в мир Спасителя — Сына Божия.

Согласно Предвечному Совету Святой Троицы, начало и основание великому делу нашего искупления положено Господом Иисусом Христом в самом Его воплощении, благодаря

которому Он стал *единым посредником между Богом и человеками* (1 Тим. 2, 5). К совершению дела искупления направлена была и вся земная жизнь Христа Спасителя, завершившаяся Его крестною смертью, которая составляет сущность, основание и вместе завершение жертвоприношения Христова, очищающего все людские грехи.

Безмерна любовь Божественная к нам, грешным. Иисус Христос принял на Себя грехи всего мира и Самого Себя принес правде Божией в искупительную и очистительную жертву за весь род человеческий. Спасительная сила ее простирается на всех людей и на все времена.

Братия и сестры! Мы всегда должны помнить, что живое общение с Богом составляет источник вечной радости для человека как на земле, так и в загробном мире. Поэтому каждый последователь Христа во время земной жизни должен стремиться к внутреннему, живому богообщению. Но единение с Богом достигается христианином только тогда, когда сердце его очищено от страстей, греховных чувств и пожеланий.

Святая Церковь напоминает нам ныне о падении нашего праотца Адама для того, чтобы на примере его жизни мы познали всю тяжесть греха и пагубные его последствия. Будем же стремиться в своей жизни всегда исполнять заповеди Господни и искоренять из сердца греховные недуги, и тогда с помощью Божией мы выполним свое назначение на земле и достигнем вечной, блаженной жизни в Царстве Небесном. Аминь.

Архимандрит ГЕОРГИЙ,
преподаватель МДС

Человек — храм Божий

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Сегодня Господь сподобил всех нас собраться в этом храме, чтобы прославить Божию Матерь и побыть под ее благодатным Покровом. Многие из нас с детства знают, что святой храм есть место благодатного присутствия Бога, Его жилище, в которое невозможно входить без благоговения и страха, и потому всякое пренебрежительное отношение к храму есть тяжкий грех.

Но есть и другой храм, за пренебрежение к которому каждый из нас несет не менее высокую ответственность перед Богом. Этим храмом является каждый человек как говорит об этом святой апостол Павел: *Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16).

Но ощущаем ли мы присутствие Бога в своей душе? Если бы мы чаще заглядывали внутрь этого храма, то знали бы, что нередко там царствует грех и пустота. По физическим законам мы знаем, что без солнца жизнь на земле должна прекратиться, законами же духа пренебрегаем. А эти законы непреложно утверждают, что с утратой Бога в сердце человек духовно умирает и становится неспособен к совершению добра.

Об ответственности человека за свою душу святой апостол Павел говорит: *Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог* (1 Кор. 3, 17). Вся вина за нашу духовную опустошенность ложится на нас тяжким бременем. Мы не всегда осознаем то, что наши духовные храмы могут подвергаться разорению, так же как и храмы рукотворные. Нужно помнить, что не только чудотворные образа, не только церковная утварь могут расхищаться недобрыми людьми, но и внутренний наш образ, образ Божий — духовная святыня человека также подвержена расхищению.

Сколько теперь можно встретить людей буквально духовно обкраденных, совершенно лишенных всякой веры и благочестия, попирающих не только религиозные, но и человеческие нормы. Души таких людей — настоящие разграбленные и опустошенные храмы. Но самое печальное

Проповедь произнесена в храме Московской Духовной Академии за акафистом Покрову Божией Матери 30 ноября 1988 года. Автор в то время был воспитанником Академии.

то, что начало разрушению храма своей души мы полагаем сами, и это служит плохим примером для наших ближних, особенно для детей. Почему, спрашиваем мы, изгоняется правда, почему исчезает искреннее, доброе отношение людей друг к другу? Почему предаются забвению лучшие качества души человеческой?

Не потому ли, что многие из родителей, не живя церковной жизнью как до́лжно, не могут дать и своим детям той полноты духовного развития, которое формирует полноценную личность? Ведь некоторые родители даже и не подозревают, что своими недостойными поступками каждый день и на каждом шагу разрушают душевную невинность своих родных детей; что своею легкомысленною склонностью перелагать все заботы по воспитанию детей на других людей отнимают у них самое важное и бесценное — родительское попечение об их душах. Этим самым родители еще в самом юном возрасте намеренно или ненамеренно убивают в своих детях веру в добро и чистоту чувств, радостную любовь к жизни и веру в Бога. Горькие плоды этого духовного расхищения еще долго будут свидетельствовать о себе.

Прямым следствием разрушения духовного храма в человеке является удаление его от Бога. И поэтому не Бог повинен в наших несчастьях, но мы сами создаем свои беды. Наше чрезмерное увлечение земными делами почти не оставляет времени для того, чтобы заглянуть в свой внутренний храм. Эта чрезмерная суета — следствие действий диавола. Преподобный Макарий Великий говорит: «Как пшеница, просеваемая в решете, непрестанно бьется и переворачивается, так князь мира сего земными делами занимает всех людей, колеблет и приводит в смятение и тревогу, заставляет приражаться к суетным помыслам, уловляя в этом весь грешный род Адамов».

Единственным средством спасения от диавола является для нас покаяние. Через покаяние мы имеем возможность восстановить духовную красоту и приблизиться к Богу. Божественная благодать в любое время сильна возродить душевные блага в самых опустошенных и обезображенных душах. Для этого человеку необходимо почувствовать глубину своего падения и обратиться к Богу, но наша беда в том, что мы не чувствуем своего духовного падения. Святитель Игнатий (Брянчанинов) говорит, что без осознания своей погибели никто не почувствует необходимость спасения.

Человек, внимательный к своему внутреннему состоянию, не позволит расхищать свои духовные богатства. Нам необходимо быть постоянно внимательными к себе, духовно бодрствовать и чаще прибегать к Таинству покаяния и молитве. Мы знаем, что Божия Матерь с раннего детства воспитывалась в храме, в той благодатной атмосфере, которая граничит с горним миром. Неустанным подвигом Она стяжала чистоту души, которая удивляла не только людей, но и Ангелов. Ее жизнь для нас поучительна не только деятельным стремлением к добру, истине и святости, но и является образцом воспитания себя. Пусть же примером правильной и благочестивой жизни для всех нас послужит жизнь Божией Матери, чистотою не только души, но и тела *вся небеса возвеселившая. Аминь.*

Священник Алексий КРИКУНОВ

1000-ЛЕТИЕ ХРИСТИАНСТВА В БЕЛОРУССИИ

Судьбы Православия в Белоруссии

История Православной Церкви в Белоруссии, насчитывающая тысячу лет трудов и исканий на поприще Христовом, не была безболезненно гладкой, *потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь* (Мф. 7, 14).

Несколько периодов явственно выделяются при ознакомлении с прошлым Православной Церкви в Белоруссии. Условно их можно определить как киевский (конец X—XII век), литовский (XIII—XVI века), польский (XVII—XVIII века), российский (конец XVIII — начало XX века) и, наконец, советский. В основном эти периоды совпадают по времени с возникновением и исчезновением в белорусских землях тех или иных государственных образований, свидетельствуют о существенных исторических перепадах во взаимоотношениях между Церковью и государством.

По некоторым летописным данным, начало распространения христианства в Белоруссии относится к концу X столетия и связано с тем, что около 988 года святой благоверный князь Владимир, крестивший Русь, передал во владение своей бывшей супруге Рогнеде «отчину ея» — Полоцкую землю, построив для этой княжны и ныне существующий город Изяславль (современный Заславль). Еще в Киеве приняв христианство с именем Анастасия (воскресение, греч.), Рогнеда явилась первой исповедницей веры Христовой в землях полоцких кривичей[1]. Ее сын Изяслав также принял христианство, о чем свидетельствует Никоновская летопись, характеризующая Изяслава как князя добродетельной жизни: «Бысть же сей князь тих и кроток, смирен и милостив, и любя зело и почитая священнический чин иноческий, и прилижаше почитанию божественных писаний, и отвращаяся от суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив»[2].

К сожалению, древнерусские летописи не сообщают никаких подробностей о том, как протекало крещение Полоцкой и Туровской земель, какие при этом происходили события. Можно предполагать, что оно не было единовременным актом, но растянулось на несколько десятилетий. В Полоцке и Турове наряду с многими другими городами Руси были учреждены епископские кафедры. В исторической литературе нет особых расхождений по поводу того, когда епископия утвердилась в Полоцке. Польские историки XVIII века Стебельский и Несецкий относили ее утверждение к концу X столетия[3]. Так же считал архиепископ Макарий, отмечавший: «По крайней мере о Новгороде, Ростове и Владимире Волынском... ясно говорится, что в них учредили епископские кафедры. Касательно трех других: Тмуторакани, Полоцка и Турова — можно заключить то же самое с вероятностию...»[4] Знаменитый церковный историк ссылался при этом на рукописное житие святого Леонтия Ростовского (XVI век), в котором говорилось о поставлении в Полоцк епископа еще в бытность Святого Владимира[5]. Аналогичное мнение разделял Е. Е. Голубинский, по общему мнению весьма пристрастный исследователь, часто склонный к гиперкритицизму, тем не менее утверждавший, что Полоцк принадлежал к городам, «в которых открытие епархии есть вся возможность усвоять Святому Владимиру»[6]. Широко известный ныне специалист по истории Православной Церкви времен Киевской Руси Я. Н. Щапов в последней своей монографии заключает: «Что касается возникновения епископской кафедры, то политические условия существовали для этого еще при самом Владимире, когда в Полоцке сидел его сын Изяслав († 1001), или позднее, при его внуке Брячиславе Изяславиче († 1044)...»[7] Несколько иного мнения придерживается московский археолог О. М. Рапов, также склоняющийся к мысли о начальном распространении христианства в землях Белоруссии еще при князе Владимире, но придающий первостепенное значение в этом процессе не Полоцку, а Заславлю. С его точки зрения, именно древний Заславль «стал первым центром распространения христианства в Полоцкой области»[8].

Вместе с тем исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в древнерусских летописях первый Полоцкий епископ святитель Мина упоминается лишь под 1105 годом[9]. Однако, с другой стороны, в «Житии» преподобной Евфросинии Полоцкой содержится известие о более раннем пребывании в городе епископов. Занимавший после святителя Мины местную кафедру епископ Илья, однажды благословив преподобную Евфросинию на жительство при Спасо-Преображенской церкви, говорил о том, что в этом храме «братия наша лежит, прежде нас бывшии епископы», кроме святителя Мины, подразумевая тем самым неизвестных нам Владык[10].

Судя по тому, что полоцкий собор Святой Софии был возведен в середине XI столетия, во время княжения Всеслава Брячиславича (это подтверждает «Слово о полку Игореве»), и по своему статусу предназначался для епископского служения, можно утвер-

ждать, что уже в первой половине XI века в Полоцке существовала епископская кафедра, скорее всего основанная еще при святом Владимире.

Подобный вывод разделяют многие исследователи, как дореволюционные, так и современные. Более сложной является проблема об учреждении епископии в другом белорусском городе — Турове. В рукописном сборнике, принадлежавшем в XVII столетии архимандриту Киево-Печерского монастыря Иосифу (Тризне), сообщается, что епископская кафедра в Турове учреждена в 1005 году[11]. К сожалению, на протяжении последующих ста лет в древнерусских летописях каких-либо упоминаний об этой кафедре нет. В Ипатьевском летописном своде Туровская епархия упоминается только под 1144 годом[12]. Впрочем, в «Слове о Мартине мнихе», памятнике конца XII столетия, содержится известие о епископах Симоне и Игнатии, возглавлявших местную кафедру до 1144 года[13]. В литературе высказывалось предположение, что столетнее молчание летописей о Туровской епархии, возможно, объясняется некоторым перерывом в ее существовании. Учрежденная святым Владимиром в самом начале XI века, она могла быть им же упразднена после столкновения киевского князя со своим сыном Святополком («Окаянным»), замышлявшим заговор против Владимира, в котором, кстати, мог принять участие латинский епископ Рейнберн, прибывший в Туров в качестве духовника супруги Святополка — дочери польского короля Болеслава. Если так в действительности было, то, конечно же, не исключено, что большую часть XI века Туров не имел своей епископии, непосредственно подчиняясь в церковном отношении Киевскому митрополиту[14].

В сравнении с XI столетием, довольно темным и загадочным, куда более богатый материал по истории Православной Церкви в Белоруссии открывается с наступлением XII века.

Несмотря на частые, почти постоянные войны Полоцкого княжества с Киевом, затруднявшие нормальные отношения между ними, в XII веке в землях кривичского (Полотчина) и дреговичского (Туровщина) племен наблюдается удивительный расцвет христианской культуры, запомнившийся потомкам на многие столетия. Поразительно быстро и достаточно широко в Полоцком и Туровском княжествах утверждается культ святых страстотерпцев Бориса и Глеба. В самых отдаленных уголках Белоруссии, казалось бы находящихся на периферии культурной жизни тех времен, в XII веке возникают монастыри и церкви, посвященные святым братьям-мученикам. Их основывают не только в стольных городах Полоцке и Турове, но и в менее значительных поселениях, например в Гродно, Новогрудке и других[15]. Символические изображения святых Бориса и Глеба получают широчайшее распространение в иконографии, предметах мелкого изобразительного искусства, на фресках, мозаиках, актовых печатях. Возможно, в память о киевских святых полоцкий князь Всеслав называет своих сыновей. Один из них, Борис Всеславич, известен тем, что по его указанию ради предотвращения неурожаев на огромных валунах (в прошлом языческих фетишах) высекались надписи христианского содержания, часто звучавшие как: «Господи, помози рабу Твоему Борису». Другой сын Всеслава, князь Глеб, владевший Минском, поддерживал тесные отношения с Киево-Печерским монастырем, жертвовал золотые и серебряные гривны на строительство в нем трапезной и не случайно был поминаем в самом Иерусалиме, во время «хождения» туда русского игумена Даниила все в том же XII веке.

Почитание святых Бориса и Глеба в Древней Руси носило живой, подлинно духовный характер, о чем свидетельствует хотя бы явление этих святых блаженному Мартину Туровскому, молитвами которого и заступничеством святых был спасен от страшного наводнения монастырь, где подвизался Мартин[16].

Общее для многих восточнославянских племен почитание святых Бориса и Глеба говорит о единстве в Русской земле Православной Церкви, выступавшей против непомерно разгоравшихся княжеских междоусобиц, осуждавшей жестоких князей. Единство Церкви на Руси подтверждает факт построения в Полоцке (как и в Киеве с Новгородом) соборного храма Святой Софии, указывающий на особое значение столицы полоцких кривичей в истории восточного славянства, выделяющий ее из ряда древнерусских городов в число поселений первостепенной важности.

В XII веке в Белоруссии появляются первые местночтимые святые, вскоре канонизованные Православной Церковью: в Турове — святитель Кирилл, в Полоцке — преподобная Евфросиния, в близком и родственном Смоленске — святой Авраамий (в XIII веке).

Среди них особое внимание обращает на себя святитель Кирилл, епископ Туровский. Прежде чем занять епископскую кафедру, он долгие годы жил в строгом затворничестве и, только пройдя через долгую череду искушений, духовно окрепнув, был избран Владыкой. Его перу принадлежат восемь торжественных «Слов», написанных в честь двунадесятых праздников и на воскресные дни пасхального цикла, а также 30 молитв и «Притча о душе и теле».

В то время как в Западной Европе в качестве главенствующего направления богомыслия развивалась схоластика, на Руси появились первые, очень яркие ростки вдохновенного созерцательно-аллегорического богословия, достойнейшим представителем которого в древнерусской литературе по праву считается святитель Кирилл Туровский, заслуженно прозванный потомками «Златоустом, паче всех воссиявшим нам на Руси»[17].

Его современницей была одна из первых женщин, причисленных к лику святых в восточнославянских землях,— преподобная Евфросиния Полоцкая, по словам ее «Жития»: «яко луча солнечная просветившая землю Полотскую», прославившаяся самозабвенной деятельностью на ниве христианского просвещения, милосердия и благотворительности[18]. Родом из княжеской семьи, она в раннем девичестве приняла монашеский постриг, многие годы жизни посвятив переписи древних рукописей. С ее именем связано построение в Полоцке знаменитого Спасо-Преображенского храма, сохранившегося доныне, слаженностью своих объемов и неброской красотой напоминающего всемирно известную церковь Покрова на Нерли.

Без сомнения, утверждение христианства в Полоцком и Туровском княжествах в XI—XII веках принесло богатые плоды. На территории Белоруссии были образованы две епархии, построены десятки православных храмов, широкое распространение получили различные искусства, связанные с церковной жизнью; наконец, появились свои первые святые, замечательные по оставленной ими в истории памяти подвижники духа.

К сожалению, уже с XIII столетия Древняя Русь окончательно распадается на мелкие, упорно враждующие между собою удельные княжества, и необыкновенный подъем христианской культуры в Полоцкой и Туровской землях идет на спад. Положение усугубляется нашествием на Северо-Восточную Русь татаро-монголов, а также экспансией в Прибалтике немецких рыцарей. На территории же Белоруссии в XIII веке заметную активность начинают проявлять литовские племена. Совместно с предками белорусов они образуют Великое княжество Литовское, Русское и Жамойтское. В истории нашего народа открывается новый период.

По-разному складывались судьбы Православия в Великом княжестве Литовском. По крайней мере два столетия, XIII и XIV, представляются весьма темными и загадочными. Отметим только одно любопытное обстоятельство. Если XIV век вошел в историю русской культуры как время расцвета удивительной святости, отмеченное именами преподобных Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Андрея Рублева, Кирилла Белозерского и многих других, подвигом жизни своей стяжавших благодать Духа Святого на поприще служения Господу; если в это время в Московской Руси возникают новые монастырские обители, умножающиеся невероятно быстро и обосновывающиеся в освоенных землях прочно и надежно; если в конце XIV столетия в Северо-Восточной Руси, несмотря на татаро-монгольское иго, в обновленных архитектурных традициях Киевского периода возрождается храмовое каменное зодчество; если тогда же на Русь попадают переводы святых отцов — Исаака Сирина, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и других, через посредство которых передается мощное духовное влияние византийского исихазма, то ничего сравнимого по яркости красок и впечатлений не наблюдается в русских землях, вошедших в состав Великого княжества Литовского[19].

Конечно, это не означает, что церковная жизнь здесь замерла. Она продолжалась, но не ознаменовалась высокими достижениями духа. Исключением быть может строительство на берегу Немана в 1226 году Лавришевского монастыря, просуществовавшего затем долгие столетия, преподобным Елисеем Лавришевским, литовским князем, принявшим христианство[20]. Что же касается других правивших литовских князей — Миндовга[21], Витеня, Гедимина, то они, по свидетельству летописей, были язычниками.

При всем этом в жизни Великого княжества Литовского XIII—XIV веков большую роль играл Полоцкий епископ. Литовские князья нередко обращались к нему с почтительным эпитетом «отец»; печатка Владыки часто стояла первой после великокняжеской на важных государственных документах. В этом проявлялось наследие тех порядков, которые крепко держались в Полоцкой земле в предыдущие столетия.

В 1300 году в жизни Православной Церкви на Руси произошло значительное событие: из-за постоянных нападений татар митрополичья кафедра переносится из разоренного Киева сначала во Владимир на Клязьме, а с 1326 года — в Москву. Последним обстоятельством оказались крайне недовольны литовские князья, временами воевавшие с Московской Русью и поэтому опасавшиеся влияния митрополита из враждебного им государства на своих подданных. В отдельные годы XIV — первой половины XV века случалось, что литовские князья добивались в Константинополе назначения особого митрополита. Так было, к примеру, при Гедимине (1316—1341), когда в Новогрудке (городе, ранее бывшем столицей и сохранившем позже свое значение), по-видимому, впервые основывается митрополичья кафедра, которую несколько лет занимал грек Феофил († 1330)[22]. То же повторилось и при князе Ольгерде (1345—1377), настоявшем в Константинополе на поставлении в Новогрудок независимого от Москвы митрополита Романа († 1362)[23].

Несмотря на отдельные порывы литовских князей к обособлению Православной Церкви в Белоруссии от московских митрополитов, они довольно долгое время не могли достичь желанной цели, окончательно добиться для нее права подчиняться не Москве, а непосредственно Константинопольскому Патриарху.

К XIV веку христианство довольно широко распространилось в княжестве, но большинство жителей Литвы оставались язычниками. Об этом недвусмысленно свидетельствует печальный факт мученической смер-

ти в середине XIV века трех литовцев, принявших Православие: Нежилы, Крумца и Круглеца[24]. Их предали казни по настоянию языческих жрецов во времена княжения Ольгерда. Православная Церковь причислила этих безвинных мучеников к лику святых, дав им имена Антоний, Иоанн и Евстафий. На месте же их кончины была заложена и освящена церковь Святой Троицы, рядом с которой несколько позднее возник одноименный монастырь.

В последующие годы княжения Ольгерда подобные случаи не повторялись. Сам Ольгерд был дважды женат на русских княжнах, первый раз — на Марии Витебской, второй — на Юлиании Тверской. Почти все его четырнадцать детей от обоих браков приняли Православие. Более того, многие из них явились основателями и покровителями православных церквей в своем государстве[25]. Среди литовцев потомки Ольгерда решительнее других обращались к Православию. Положение изменилось только со вступлением на польский трон Ягайлы, также сына Ольгерда.

С конца XIV века часть литовской знати, во главе с Ягайло принявшая католичество, начинает проводить политику ущемления в правах православных верующих. По Кревской унии 1385 года[26] запрещались браки между литовцами латинской веры и православными белорусами. По Городельскому привилею 1413 года (Городельская уния) только католикам предоставлялись права занимать в государстве высшие должности и пользоваться имущественными льготами[27]. Эти нововведения вызвали бурю негодования со стороны православных, привели к междоусобной войне и в конце концов были отменены.

После заключения Кревской унии в 1385 году литовские князья все чаще и настойчивее стали вмешиваться в дела Православной Церкви. В 1415 году князь Витовт, деливший власть с Ягайло, созвал в Новогрудке собор епископов и потребовал от них избрания независимого от Москвы митрополита без благословения на то Константинопольского Патриарха. Собранные на «совет» иерархи услышали из его уст прямую угрозу: «Аще не поставите ми митрополита в моей земле,— заявил он,— то зле умрете»[28]. Тогда в сан митрополита был посвящен талантливый богослов Григорий (Цамблак), болгарин. По воле Витовта, желавшего подчинения православных белорусов латинянам, Владыка Григорий (Цамблак) в 1418 году ездил на католический Собор в Констанцу, но Церкви своей не изменил. Вскоре по возвращении он умер, и Литва вновь осталась без особого митрополита.

Приняв сторону католиков, Витовт (1392—1430) и его преемники на великокняжеском троне, внешне соблюдая веротерпимость, оказывали постоянное давление на местных епископов, подталкивая их к церковной унии с Римом. Это делалось ради преодоления в княжестве конфессиональных различий, вносивших разделение в единое государство. Для князей-католиков существовала реальная угроза отделения восточных земель Белоруссии от Литвы к Москве[29]. Чтобы устранить эту опасность, родилась идея церковной унии. Ее осуществлению благоприятствовала политическая ситуация того времени, складывавшаяся на юго-востоке Европы. Византийская империя доживала последние годы своего существования, и, чтобы как-то спасти положение, император Иоанн Палеолог и Патриарх Константинопольский Иосиф в 1439 году пошли на заключение Флорентийской унии, очень скоро отвергнутой всем православным миром[30].

Среди иерархов, подписавших тот позорный документ, был митрополит Исидор, возглавлявший Церковь на Руси, но по возвращении в Москву низложенный и вскоре бежавший в Рим. По пути в Италию он не нашел пристанища и в Великом княжестве Литовском, которое, как и Московская Русь, временно осталось без митрополичьего попечения.

Прошло несколько лет, прежде чем в 1448 году Собором русских епископов на митрополичий престол в Москве был возведен рязанский епископ Иона. Ввиду заключения греками Флорентийской унии епископы не обратились за благословением в Константинополь, проведя Собор самостоятельно, тем самым фактически утвердив автокефалию Православной Церкви в пределах Северо-Восточной Руси.

Мир между обеими державами — московской и литовской — способствовал тому, что специальной грамотой от 1451 года польский король и одновременно литовский князь Казимир Ягеллончик (1440—1492) дозволил Митрополиту Ионе возглавить православные епархии в своих землях, исключая Галицию. В том же году новопоставленный Митрополит отправился в дальнее путешествие, посетив ряд городов Великого княжества Литовского: Киев, Новогрудок, Вильно, по дороге назначив в эти города зависимых от него наместников и обязав их следить за соблюдением церковных постановлений, судить провинившихся, выдавать грамоты достойным посвящения в духовный сан[31]. В продолжение восьми лет Владыка Иона являлся единственным Митрополитом на Руси, общим как для Москвы, так и для Литвы.

Ситуация изменилась, однако, с наступлением 1458 года, когда ввиду ухудшения политических отношений с Москвой литовский князь Казимир лишил Митрополита Иону права духовно окормлять западнорусские епархии и принял на его место униатского митрополита Григория (Болгарина), присланного из Рима. Григорий не нашел поддержки среди православной паствы Белоруссии и Украины. Спустя 10 лет после незаконного занятия митрополичьей кафедры он отрекся от унии и перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриарха.

Земли, подвластные литовским князьям, в церковном отношении на долгие столетия обособились от власти московских Митрополитов. Для Православной Церкви Великого княжества Литовского наступили тяжелые испытания. Будучи оторвана от соседней, более сильной митрополии, с течением времени она лишилась возможности развиваться самостоятельно и попала под весьма пагубное по своим последствиям католическое влияние.

Уже в 1481 году Казимир Ягеллончик издал указ, запрещавший строительство новых и возобновление старых, обветшавших православных храмов в литовских землях, а также смежных с ними владениях белорусских феодалов[32].

На протяжении всего XVI столетия польские короли, внешне и на словах сохраняя терпимость, нередко оказывали грубое, недопустимое давление на Церковь. Оно особенно сильно проявилось в злоупотреблении с их стороны правом патроната (то есть опеки над Церковью), например в раздаче православным магнатам и шляхте церковных должностей за военные или гражданские заслуги, а то и просто за деньги. Это делалось с целью ослабления и разложения Православной Церкви в Белоруссии изнутри. По словам А. В. Карташева, «такое извращенное патронатское право подрывало в корне нормальный церковный строй, унижало и разлагало духовные силы клира и мирян»[33].

В этом отношении был достигнут немалый успех. «Даже монастыри, которые в Древней Руси всегда были центрами просвещения, в Литве, за исключением двух-трех (Супрасльского, Виленских: Свято-Троицкого, Свято-Духова), также... находились в запустении»[34]. Противодействовать проявившемуся упадку нравов духовенства пробовал митрополит Иосиф (Солтан), созвавший в 1509 году Виленский Собор. Принятые на этом Соборе решения немного улучшили положение, но в целом не выправили его.

Утесняя православных, литовские князья (они же польские короли) временами, особенно при изменениях в худшую для них сторону политической ситуации внутри страны и на ее восточных рубежах, даровали своим православным подданным всевозможные привилегии. Так было при Казимире Ягеллончике, его преемнике Александре Казимировиче (1492—1506), Сигизмунде Августе (1548—1572). Тем не менее общий характер отношения литовских князей к Православной Церкви в Белоруссии отличался недоброжелательностью и стремлением к ее ослаблению. Н. И. Костомаров в середине прошлого века писал по этому поводу: «Что значат те привилегии? Для чего они давались всеми королями? Разве не довольно было дать одной и навсегда? — Для того, что их никто не исполнял, для того, что вслед за привилегией по-прежнему теснили и гнали веру...»[35]

Несмотря на то что православные находились в более ущемленном положении сравнительно с католиками, пользовавшимися покровительством властей, в XVI столетии Православие значительно преобладало в княжестве. Официальным языком делопроизводства оставался древнебелорусский. Во многих городах, в том числе Новогрудке, Бресте, Минске, Вильно, православные храмы составляли огромное большинство. Но это был, к сожалению, всего лишь численный перевес.

Самые тяжкие испытания выпали на долю Православия в Великом княжестве Литовском со времени присоединения этого государства к Польше (1569 год) и особенно после принятия Брестской унии 1596 года[36]. Если до этого Православная Церковь не подвергалась открытым массовым гонениям, то с конца XVI столетия отношение к ней властей новообразованной Речи Посполитой резко ужесточается, приобретает воинственный, беспощадный характер.

Усилившаяся экспансия католицизма вызвала защитную реакцию со стороны православных, самым ярким проявлением которой стали братства, организованные в 80-е годы XVI столетия населением белорусских городов. Самое значительное из них было основано в Вильно. Отдельные братства получили право ставропигии, то есть непосредственного подчинения Константинопольскому Патриарху, избавлявшему от корыстной опеки некоторых епископов, втайне готовившихся изменить Православию, приняв унию с католиками.

Идея церковной унии была с особой тщательностью разработана и продумана иезуитами, приглашенными в Литву в 1569 году. Наиболее полное ее изложение находим в труде Петра Скарги под тенденциозным названием «О единстве Костела Божия и о греческом от этого единства отступлении». Воспринятая православными иерархами митрополитом Михаилом (Рогозой), епископами Ипатием (Потеем) и Кириллом (Терлецким), она приобрела на первых порах крайне немногочисленных среди народа «греческой веры» сторонников и после утверждения Папой Римским была вынесена на обсуждение церковного Собора в Бресте. Изменивших Православию епископов и их приверженцев взял под личную опеку польский король Сигизмунд III Ваза (1587—1632). На Брестском Соборе новообращенные униаты пренебрегли каноническими правилами и, не испросив совета ни у Константинопольского Патриарха, ни у своей паствы, объявили о переходе Православной Церкви Речи Посполитой в униатство.

Оставшиеся же верными Православию лица духовного звания, белорусские магнаты и шляхта одновременно с заседавшим в Бресте униатским Собором провели свой православный Собор, на котором отступники от святоотеческой веры были отлучены от Церкви и признаны низложенными.

Так, по вине униатов и тех, кто стоял

за ними, в Белоруссии, не знавшей до этого массовых религиозных конфликтов, запылало пламя взаимной вражды, приведшей к тысячам безвинных жертв, разорвавшей народ на два противоборствующих лагеря. По словам Н. И. Костомарова, «после Брестского Собора, конченного наглостию нескольких крамольников, уния разразилась во всех концах Руси, от чертогов Корибутов и Острожских до хижин их рабов и куреней запорожской вольницы — кровью и пеплом покрывались следы ея»[37].

Предавшие свой народ иерархи готовили унию втайне, не советуясь ни с паствой, ни с видными православными магнатами. Это вызвало естественное возмущение не только в народе, но также в среде некоторых феодалов. Показательно письмо крупнейшего православного магната Константина Константиновича Острожского, отправленное им незадолго до открытого провозглашения унии одному из епископов, изменивших Церкви,— Ипатию (Потею): «... дело единения церквей само по себе дело доброе и желанное... великое и важное. ...Это дело Вселенской Церкви. Нужно наперед снестись с Патриархами и патриаршими церквами... Надо было дело вести чисто и свято, чтобы единение церквей было истинным единением веры и любви, с сохранением православного учения Вселенской Церкви»[38].

После Брестского Собора до 1632 года Православная Церковь в Речи Посполитой официально была поставлена вне закона. Сотни храмов перешли к униатам, отвергавшие унию православные священники изгонялись из своих приходов, невиданному разорению подвергались древние монастыри. На защиту терпящей поругание святоотеческой веры встали князь К. К. Острожский, новогрудский воевода Ф. Скумин-Тышкевич, князь Лев Огинский, другие представители магнатских фамилий. Но силы оказались слишком неравные.

В 1599 году в Вильно состоялся совместный с протестантами (тоже подвергавшимися гонениям) съезд с целью объединения усилий в противостоянии наступлению латинства. На съезде, завершившемся неудачей, говорилось, что в Речи Посполитой воцарились беззаконие и произвол.

Процесс уничтожения Православия в Речи Посполитой после провозглашения унии отражают следующие факты: в Вильно из более чем четырнадцати православных церквей, существовавших на конец XVI века, к 30-м годам XVII столетия осталась всего одна — Свято-Духовская; в Минске из более чем двенадцати уцелела также только одна — Свято-Петропавловская; в Новогрудке из десяти сохранилась одна православная церковь и так далее по многим городам Белоруссии.

Горожане, организованные в братства, могли оказывать сопротивление этому процессу, крестьянство же, закрепощенное и бесправное, не имело такой возможности, и поэтому с принятием их душевладельцами латинства жестокими мерами вынуждалось безропотно переходить в униатство.

Оставшееся без церковных иерархов население Белоруссии оказалось в крайне сложном положении, так как некому было посвящать кандидатов на священнические места. Лишь в 1620 году проезжавший через Киев Иерусалимский Патриарх Феофан по настоянию украинского казачества восстановил православную иерархию в Речи Посполитой, посвятив в сан митрополита Киевского Иова (Борецкого), в епископа Полоцкого — Мелетия (Смотрицкого), изменившего Церкви через 9 лет, на Турово-Пинскую кафедру — грека Авраамия. Из-за преследований православные епископы вынуждены были жить на полулегальном положении, временами скрываясь от властей.

В 1633 году короля Сигизмунда III сменил более терпимый в отличие от своего отца Владислав IV (1633—1648). Сознавая бессмысленность дальнейшего нагнетания ненависти к православным, он попытался уладить непомерно разросшийся конфликт и в том же году принял так называемые «Статьи для успокоения народа русского греческой религии», в которых пообещал обеспечить Православной Церкви свободу от притеснений. Но было уже поздно изменить что-либо существенно. Униаты и католики успели насильственно отторгнуть от православных многие храмы и монастыри. В самой Речи Посполитой нарастала шляхетская анархия, ярчайшим выражением которой стало право «либерум вето»[39]. В результате «Статьи» Владислава IV мало смягчили межконфессиональные противоречия.

Епископы, поставленные в 1620 году в Полоцк и Туров, долго там не продержались. Только в Могилеве сохранилась в последующие столетия епископская кафедра. В XVII—XVIII веках этот город являлся центром Православной Церкви в Белоруссии.

Поражение православных в противоборстве с униатами отчасти объясняется весьма скорым переходом белорусской знати в католичество, дававшим немалые привилегии потомкам тех белорусских магнатов (Острожских, Сеткевичей, Огинских и других), которые ранее поддерживали Православную Церковь.

Упорнее и дольше всех насаждению унии противились православные братства, группировавшиеся в Белоруссии вокруг Виленского Свято-Духова монастыря. Они вели литературную полемику с униатами, при них открывались типографии, школы, печатались книги. Известнейшими деятелями братств были Стефан Зизаний, в своих проповедях талантливо и смело обличавший отступников от Православия; его брат Лаврентий Зизаний, автор «Катихизиса»; Леонтий (Карпович), настоятель Свято-Духова монастыря, также горячий проповедник; Памва (Берында), составивший для лучшего понимания церковнославянского языка «Лексикон славено-российский». К сожалению, деятель-

ность православных братств, подверженная возраставшему ущемлению в правах, прекращается во второй половине XVII века.

XVII век вошел в историю Белоруссии как время жития святых мучеников, пострадавших за веру Христову, за твердое, бесстрашное исповедничество Православия даже перед лицом смерти: преподобный Афанасий (Филипович), игумен Брестский (убит в 1648 году); преподобный Макарий, игумен Пинский (убит в 1678 году), младенец-мученик Гавриил Белостокский (убит в 1690 году). Житиями этих святых отмечен крестный путь Православной Церкви в Белоруссии.

Законы, которые принимались сеймами Речи Посполитой в конце XVII и в течение XVIII века и которые определяли правовое (а точнее сказать, бесправное) положение православных жителей государства, свидетельствуют о том, что гонения на Православную Церковь в белорусских землях продолжались вплоть до их вхождения в состав России. В 1688 году пришедшая к власти в период междуцарствия польская Генеральная конфедерация постановила: за переход из католичества или униатства в другую веру (имелась в виду прежде всего православная) карать виновных изгнанием из края[40].

В 1676 году польский сейм принял закон, категорически запрещавший православным братствам иметь какие-либо отношения с Константинопольским Патриархом, то есть фактически лишил их права ставропигии. Тот же сейм под угрозою смертной казни не дозволял православным выезжать за границу и возвращаться без разрешения[41]. В 1699 году введен закон, предписывавший не допускать православных к занятию каких-либо должностей в органах городского самоуправления[42].

В 1732 году был наложен официальный запрет на публичное оглашение православной веры (из жизни церквей изгонялся колокольный звон, мертвых предписывалось хоронить только ночью). Православные жители Речи Посполитой лишались права быть избранными депутатами в сеймы и трибуналы (областные суды)[43]. Наконец, в 1764 году сейм вынес постановление карать смертью тех, кто перейдет из католичества в Православие и записывать в крепостные сыновей православных священников, если они до пятнадцатилетнего возраста не изберут себе иного занятия, кроме священничества[44].

Законы эти исполнялись на местах с большим рвением. Неудивительно, что к концу XVIII века Православная Церковь в Белоруссии пришла в состояние крайнего упадка и разорения. Даже в восточных областях наших земель на 1772 год из 1 млн 200 тыс. белорусов только 300 тыс. оставались верными Православию. Остальные же перешли в униатство (800 тыс.) и католичество (100 тыс.)[45].

Большая часть белорусов была униатами. Магнаты же и шляхта Речи Посполитой держались католицизма. Паны смотрели на униата-белоруса как на человека низшего сорта. Польский католический клир не устраивало то, что народ в своей массе «застрял» в униатстве, не желая переходить в совершенное латинство. Исключение в этом плане составляли лишь униатские монахи-базилиане, к концу XVIII столетия не многим разнящиеся с католиками. Базилианские монастыри, разбросанные по всей Белоруссии, были главными проводниками политики полонизации местного населения, то есть обращения униатов в латинство. Часто эти монастыри являлись довольно состоятельными. Униатские же приходские церкви влачили жалкое, полунищенское существование. Уровень образования белого духовенства в целом был удручающе низким. Униатский митрополит Лев (Кишка, 1714—1728) в свое время сокрушенно замечал по этому поводу: «С неисчетною болестию сердца и язвою утробы неудобоисцельною, узнал, что едва сотый иерей разумеет славянский язык, не ведяй, что чтет в божественной службе»[46]. Просуществовав два столетия в пределах Речи Посполитой, белорусские униаты так и не обрели церковной интеллигенции[47], которая способствовала бы внесению в их богослужение хотя бы формального единообразия и порядка[48], а при случае представляла и защищала паству в высших слоях общества. И это роковым образом сказалось на судьбе унии...

После разделов Речи Посполитой в конце XVIII столетия и вхождения белорусских земель в Российскую Империю наконец прекратились двухсотлетние гонения православных. Как и следовало ожидать, наметился некоторый отток униатов, в основном проживавших в восточных областях Белоруссии, из навязанного в прошлом вероисповедания в Православие. Он не был массовым: всего лишь около 80 тыс. белорусов возвратилось в лоно Православной Церкви до вступления на престол Павла I (1796—1801)[49]. На Украине эта цифра была выше примерно в 15 раз. Присоединение униатов к Православию проходило довольно спокойно, в значительной степени благодаря усердию и стараниям первого Минского архиепископа Виктора (Садковского; 1793—1796). Присоединившихся в эти годы могло быть больше, если бы этому процессу не препятствовало польское панство, владевшее подавляющим числом крепостных крестьян в Белоруссии.

Процесс воссоединения униатов с православными, наметившийся в 1794 году, был неожиданно сорван с началом царствования Павла I. Стремившийся во всем проводить политику, противоположную екатерининской, он стал оказывать высочайшее покровительство католикам. Его симпатии к ним отчасти объяснялись тем, что он являлся магистром Мальтийского ордена. Павел I разрешил перевести униатов в подчинение латинян, приписав их к ведомству римско-католической коллегии, созданной при Святейшем Синоде. По меткому замечанию А. П. Сапунова,

«такого важного шага (чтобы униатская церковь управлялась латинской иерархией.— *Авт.*) никогда не могла достигнуть Польша»[50]. Этот непродуманный шаг привел к горьким последствиям.

Воспользовавшись благожелательностью императора и оказавшись фактически «управителями» униатов, католики совместно с польской шляхтой в начале XIX века, развернув широкую пропаганду среди населения, сумели перевести в латинство десятки тысяч остававшихся в униатстве белорусов.

Александр I (1801—1825) освободил униатов из под тягостной опеки римско-католической коллегии Святейшего Синода. В среде униатов под водительством архиепископа Ираклия (Лисовского; 1784—1809) наметились тенденции борьбы с латинистами в защиту остатков восточного обряда униатской церкви и славянского языка ее богослужения. Ираклий, как никто другой, понимал истинные цели католиков. «Хорошо знаю,— писал он,— что римляне по отношению к нам имеют дурные замыслы, их постоянные преследования униатов направлены к одной цели — к нашему порабощению»[51].

Только с конца 20-х годов XIX века русское правительство вновь решилось начать процесс возрождения Православия в землях Белоруссии. Он протекал уже сложнее, поскольку народ разуверился в неизменности и последовательности проводимой политики. При этом, уже окончательном, воссоединении униатов с православными каких-либо массовых столкновений на почве религиозной неприязни не было, хотя сближение православных и униатов протекало во многих местах болезненно. Были приходы, воссоединявшиеся без особой охоты. В Белоруссии, однако, эти противоречия не приняли характера братоубийственного соперничества. Единственная мера, к которой прибегало царское правительство в отношении священников, не желавших принимать Православие, состояла в выселении их во внутренние области России.

В 1834 году в Санкт-Петербурге на собрании униатских иерархов было принято решение о постепенном исключении из богослужебной практики униатских церквей латинских наслоений, усиленно внедрявшихся в нее после Замойского Собора[52]. В храмах началось восстановление иконостасов, убирались колокольчики и органы (если последние там были), священникам возвращалось прежнее облачение, в богослужение вводилась православная литература.

Когда униатский клир и миряне в большинстве своем оказались морально подготовлены к принятию Православия, в Полоцке 12 февраля 1839 года открылся последний в истории Белоруссии униатский Собор, на котором епископы и священники, ранее принадлежавшие к униатству, приняли акт, заявив о своем воссоединении с Православной Церковью. Акт подписали 1305 лиц духовного звания[53], в их числе: епископ Литовский Иосиф (Семашко; 1833—1868), епископ Оршанский Василий (Лужинский; 1839—1866), епископ Брестский Антоний (Зубко; 1834—1848), то есть все иерархи бывшей униатской Церкви. Простой народ пошел за своим священством. Если до воссоединения в Минской епархии имелось около 270 православных храмов, то уже через год — в 1840-м — их количество возросло до 600[54]. Подобная же тенденция наблюдалась по всей Белоруссии.

После воссоединения униатов жизнь Православной Церкви стала постепенно налаживаться и выправляться. Православным были возвращены сотни храмов, в прошлом либо отобранных у них, либо возведенных в тех местах, где испокон веков стояли православные святыни. В 60—70-е годы в Белоруссии развернулось интенсивное храмовое строительство. За этот отрезок времени было благоустроено и снабжено необходимой утварью более 4000 церквей[55].

По описанию, составленному архиепископом Афанасием (Мартосом): «государственные власти относились к духовным лицам со вниманием... При каждой приходской церкви существовала должность псаломщика-регента... Назначение на эту должность производилось по указу духовной консистории. В таком же порядке производились назначения настоятелей приходов и вторых священников при приходской церкви. Большие приходы имели по два и три священника и столько же псаломщиков... При приходской церкви была должность пономаря... По такой системе была организована вся церковная жизнь в Белоруссии после присоединения ее к России»[56].

В начале XX века на территории Белоруссии существовало четыре православные епархии: Минская, Гродненская, Полоцкая и Могилевская. Согласно данным архиепископа Афанасия, основывавшегося на статистике дореволюционного времени, перед началом первой мировой войны в Белоруссии действовали 3552 церкви, 470 часовен, 35 монастырей, 3 духовные семинарии[57].

Новые жестокие испытания, сравнимые разве что с пережитым в XVII—XVIII веках, обрушились на Православную Церковь с началом революции 1917 года и гражданской войны. В те страшные годы Церковь понесла невосполнимые человеческие и материальные потери.

По Рижскому договору 1921 года, Белоруссия была разделена между Польшей и Советской Россией. Белорусскую православную митрополию на территории, вошедшей в состав СССР, возглавил епископ (вскоре митрополит) Мелхиседек, к которому весь верующий народ относился с любовью и уважением. Ему выпало управлять Церковью в сложнейший период. Уже в 1923 году Владыку Мелхиседека привлекли к суду за мнимое сокрытие церковных ценностей. Суд оправдал митрополита, и он был освобожден

за недоказанностью обвинений. Через полтора года его вызвали в Москву, там арестовали и отправили ссыльным в Красноярск. В 1927 году, подписав декларацию митрополита Сергия (Страгородского), Мелхиседек занял в Красноярске архиепископскую кафедру. Прослужив на ней четыре года, он скончался от разрыва сердца.

После ареста Владыки Мелхиседека Церковь в Белоруссии осталась обезглавленной. Единственной из уцелевших Минской епархией управляли викарные епископы: Мозырский Иоанн (Пашин), умерший в концлагере в 1927 году, Бобруйский Филарет (Раменский), умерший в тюрьме в 1939 году; Слуцкий Николай (Шеметилло), умерший в тюрьме в 1931 году. В тюрьмах и лагерях погибли почти все православные священники и епископы Советской Белоруссии[58].

В 20-е годы в недрах и без того обессиленной, ограбленной и оболганной Русской Православной Церкви возникло брожение обновленчества и живоцерковничества, вносившее болезненный раскол в ее организм. «Места арестованных епископов и священников заняли обновленцы. Они пользовались свободой, и советские власти их не трогали. На приходах появились священники двоеженцы и троеженцы. Верующий народ смотрел на обновленческое духовенство как на агентов советской власти и никакого уважения к нему не имел. Это были пастыри без паствы. Вскоре они исчезли с церковного горизонта: одни из них были властями арестованы и сосланы, а другие устроились на гражданскую службу, отрекшись от своего сана. Они были последними разрушителями православной церковной жизни в Белоруссии»[59].

Сложным было положение Православия и в Западной Белоруссии. Хотя здесь и сохранялось значительно больше действовавших храмов, но в сравнении с 1914 годом их число сильно сократилось. В трех православных епархиях Западной Белоруссии: Виленской, Гродненской и Полесской — в 30-е годы действовало около 500 храмов — в 2 раза меньше, чем в 1914 году[60].

С началом Великой Отечественной войны и отступлением Красной Армии наметилось восстановление разрушенной в прежние десятилетия церковной жизни. Оккупационные власти поначалу не чинили на этом пути препятствий, надеясь на приобретение симпатий у местного населения. «Находились священники, которые многие годы скрывали свой сан от преследования. Немцы выдавали им удостоверения, уполномочивавшие их беспрепятственно совершать богослужения... Верующие люди принимали этих священников с любовью, отстраивали свои полуразрушенные церкви... украшали их иконами, приносили церковно-богослужебные предметы и книги... Богослужения начали совершаться в переполненных народом храмах. Было весьма мало священников. Нива Божия созрела, но делателей на ней не хватало. Священникам приходилось совершать Таинство Крещения детей и взрослых десятками за один раз. Это было второе крещение Руси, как бы новое возрождение православной веры на всех просторах Восточной Белоруссии»[61].

На церковном Соборе, с 30 августа по 2 сентября 1942 года проходившем в Минске, главой Православной Церкви в Белоруссии был избран архиепископ Филофей (Нарко). Собор был созван под давлением оккупационных властей, требовавших отделения Православной Церкви Белоруссии от Московского Патриархата. Собравшиеся на него делегаты объявили об автокефалии своей Церкви, что являлось антиканоническим деянием. Они сделали это вынужденно, в глубине души не разделяя того, что совершили.

За годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии возобновили деятельность сотни ранее закрытых храмов. После освобождения Белоруссии от немецко-фашистской оккупации, на 1945 год, в республике действовало 1044 православных храма. Из них в Минской области — 136 церквей (для сравнения: на 1938 год — 55); в Гомельской — 78 (на 1938 — 6); в Могилевской — 57 (на 1938 — 0); в Витебской — 30 (на 1938 — 16); в Гродненской — 184; в Молодеченской — 214; в Брестской — 351[62]. Большинство православных храмов Белоруссии размещалось в ее западной части, вошедшей в состав СССР за два года до войны и поэтому менее пострадавшей от атеистического террора.

В послевоенные годы Церковь по-прежнему являлась бесправной, находилась под жесточайшим контролем безбожного государства. С началом так называемой хрущевской оттепели верующие подверглись новым неоправданным гонениям. По всей стране развернулась кампания насильственного закрытия церквей, с особой силой давшая знать о себе в Белоруссии. За 1960—1961 годы Православная Церковь в Белоруссии лишилась 237 храмов, из которых 171 наметили под снос. В итоге разрушительной кампании на 1964 год в Белоруссии сохранилось всего 439 действующих православных церквей[63]. В дальнейшем их количество уменьшилось еще на несколько десятков...

Лишь с недавнего времени отношения между Церковью и государством стали приобретать иной, более доброжелательный характер. Об этом вновь говорят цифры: если в 1988 году в Белоруссии было 369 действующих православных храмов, то в настоящее время их насчитывается более 730. Отрадным является то, что с 31 января 1990 года Православная Церковь Белоруссии пользуется правами Экзархата.

Трудно сказать, к чему приведут сегодняшние изменения в отношениях Церкви и государства. Время, в которое мы живем, неисповедимо и малопредсказуемо. Но за нами — наша история, наши святые. Останемся им верны. Разве не в этом залог нашего возрождения?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О поселении Рогнеды в Изяславле сообщает Лаврентьевский летописный свод (конец XIV века). Факт же ее крещения удостоверяется Тверской и Густынской летописями (XVI — начало XVII века).

[2] Полное собрание русских летописей. СПб., 1862, т. 9, с. 68.

[3] Stebelski. Dwa wielkie swiata na hokironcie Polockim. Niesiecki. Kronika Polska. Metropolia Ruska, t. 1, s. 89, 92.

[4] Архиепископ Макарий. История Русской Церкви. СПб., 1868, т. 1, с. 40.

[5] Там же, с. 41.

[6] Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1901, т. 1, с. 334.

[7] Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси. М., 1989, с. 39.

[8] Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII века. М., 1988, с. 376.

[9] Повесть временных лет. М.; Л., 1950, т. 1, с. 185.

[10] Сапунов А. П. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой. Витебск, 1888.

[11] Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. СПб., 1890, с. 16—17.

[12] ПСРЛ. М., 1962, т. 2, с. 314.

[13] Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916, вып. 2, с. 199.

[14] Батюшков П. Н. Белоруссия..., с. 17.

[15] В XII столетии в Полоцке был основан один из древнейших православных монастырей на территории Белоруссии — Бельчицкий (собственно, Борисоглебский), имевший четыре каменных храма, из которых два разрушили уже в 20-е годы XX века. Одноименный монастырь существовал также в Турове. В Новогрудке с XII века до нашего времени в перестроенном виде сохранилась церковь святых Бориса и Глеба. В Гродно всемирной известностью пользуется храм на Коложе.

[16] Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2.

[17] Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. Л., 1987, с. 234.

[18] Сапунов А. П. Указ. соч.

[19] В этом смысле интересно наблюдение, сделанное в свое время М. Н. Сперанским, отмечавшим, что в XIV—XV веках в Белоруссии в отличие от Северо-Восточной Руси не получил развития агиографический жанр, не было создано ни одного оригинального «Жития», которое свидетельствовало бы о высокой духовной активности местных священнослужителей. См.: Сперанский М. Н. Сербское житие литовских мучеников. М., 1909.

[20] Архимандрит Николай. Историко-статистическое описание Минской епархии. 1864, с. 129—136.

[21] Литовский князь Миндовг из чисто политических соображений принимал то Православие, то католичество, по существу оставаясь язычником, совершая «поганские» требы, покровительствуя отвергавшим христианство соплеменникам.

[22] Голубинский Е. Е. История ..., т. 2, с. 128—129.

[23] Барсов Т. Константинопольский Патриархат и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878, с. 394.

[24] Несколько смущают их имена — не литовские, а чисто славянские. Не исключено, что они и не были этническими литовцами.

[25] Как отмечал П. Батюшков, «сыновья, племянники и внуки Ольгерда... на первых порах немало содействовали укреплению Православия в своих уделах. Андрей Ольгердович, князь Полоцкий, дал жалованную грамоту Полоцкому Троицкому монастырю и основал Никольскую церковь в Полоцком замке, а сын его Михаил Андреевич основал Петровский монастырь в Полоцком замке. Другой сын Ольгерда — Лугвений Симеон, князь Мстиславский, построил близ города Мстислава Онуфриевский монастырь» (Батюшков П. Белоруссия... СПб., 1890, с. 78—79).

[26] Кревская уния 1385 года представляла собой соглашение о политическом союзе, заключенное между Польшей и Великим княжеством Литовским, по которому Ягайло становился польским королем, а оба государства принимали обязательства помогать друг другу в борьбе с усилившейся агрессией крестоносцев.

[27] Городельский привилей 1413 года подтверждал политический союз Польши и Великого княжества. При этом в нем оговаривалась независимость Литвы от своего дружественного соседа.

[28] Архиепископ Афанасий Мартос. Белорусь в исторической, государственной и церковной жизни. Буэнос-Айрес, 1966, с. 103.

[29] В 1482 году в Великом княжестве Литовском возник заговор белорусских феодалов, который возглавил слуцкий князь Михаил Олелькович. Заговорщики замышляли одно из двух: или свергнуть с престола Казимира Ягеллончика, или же отойти со своими землями под власть Москвы. Но заговор был раскрыт и потерпел неудачу.

[30] По условиям Флорентийской унии 1439 года православное население греческого Востока и Руси должно было признать Папу Римского наместником Господа нашего Иисуса Христа, а также принять ряд изменений в догматике Церкви в ущерб Православию, а именно: добавку к Символу веры об исхождении Святаго Духа не только от Бога Отца, но и «от Сына» (Филиокве), учение о чистилище, представление о том, что Таинство Евхаристии равнодейственно как на опресноках, так и на квасном хлебе. Подавляющее большинство православных отвергло Флорентийскую унию.

[31] Толстой М. Рассказы из истории Русской Церкви. М., 1887, кн. 3, с. 223.

[32] Васильевский В. Г. История города Вильны. СПб., 1864, с. 23.

[33] Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959, т. 1, с. 541.

[34] Карский Е. Ф. Белорусы. Вильно, 1904, т. 1, с. 141.

[35] Костомаров Н. И. О причинах и характере унии в Западной России. Харьков, 1842, с. 48.

[36] Брестская церковная уния 1596 года предписывала православным принять католическую догматику, сохраняя православную обрядовую сторону богослужения.

[37] Костомаров Н. И. Указ. соч., с. 67.

[38] Малышевский И. И. Западная Русь в борьбе за веру и народность. СПб., 1897, с. 194.

[39] Согласно праву «либерум вето», любой, даже самый мелкопоместный, шляхтич в случае несогласия с принимаемым на Генеральном сейме решением мог проголосовать против, и оно не проходило. Таким образом были сорваны десятки важнейших государственных постановлений в Речи Посполитой.

[40] Батюшков П. Белоруссия и Литва..., с. 276.

[41] Там же, с. 276.

[42] Там же, с. 276.

[43] Там же, с. 278.

[44] Там же, с. 278—279. Все перечисленные законы опубликованы также в «Сборнике документов, уясняющих отношения латино-польской про-

паганды к русской вере и народности» (Вильно, 1865. Вып. 1).

[45] Унія. Менск, 1990, № 1, с. 13.

[46] Чистович И. Очерк истории западно-русской Церкви. СПб., 1884, ч. 2, с. 378.

[47] Пожалуй, только М. К. Бобровский, замечательный ученый, преподававший в XIX веке в Виленском университете, и его немногочисленное окружение составляли какие-то зачатки униатской церковной интеллигенции. Но они были исключением из общего правила.

[48] Любопытно, как характеризовал униатское богослужение в начале XIX века архиепископ Полоцкий Ираклий Лисовский: «Всякий у нас частный человек по своему произволу прибавляет что-нибудь или переменяет (в богослужении.— *Авт.*). Нет правила, которому бы все подчинялись. Сколько новых изданий служебников, столько видоизмененных обрядов. Это даже вошло в пословицу у народа: что священник, то новый обряд».

[49] Рункевич С. Г. Краткий исторический очерк 100-летия Минской епархии. Минск, 1893, с. 36.

[50] Сапунов А. П. Исторические судьбы Полоцкой епархии... Витебск, 1888, с. 127.

[51] Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование Александра I. СПб., 1890, с. 31.

[52] Со времени Замойского Собора 1720 года униатская церковь подверглась особенно сильной латинизации. В Символ веры было внесено «Филиокве», в богослужении стало повсеместно практиковаться возношение имени Папы Римского, изменено на католический манер одеяние униатских священников, запрещено приобщение детей к Таинству Евхаристии и так далее. См.: Чистович И. Очерк ..., т. 2, с. 380.

[53] Архиепископ Афанасий. Беларусь..., с. 225.

[54] Рункевич С. Г. Краткий исторический очерк..., с. 127.

[55] Батюшков П. Белоруссия и Литва..., с. 367.

[56] Архиепископ Афанасий. Беларусь..., с. 237.

[57] Там же, с. 243.

[58] Там же, с. 262.

[59] Там же, с. 262.

[60] Там же, с. 264.

[61] Там же, с. 271.

[62] ЦГАОР БССР, ф. 951, оп. 3, д. 3, л. 92.

[63] ЦГАОР БССР, ф. 951, оп. 3, ед. хр. 58, д. 2, л. 25.

Ф. П. КРИВОНОС

Празднование 1000-летия христианства в Белоруссии

С 25 по 27 августа в Минске, Заславле и Полоцке проходили официальные торжества по случаю Тысячелетия Полоцкой епархии и Православия в Белоруссии, которые собрали всю Полноту Белорусской Церкви, представителей других Православных Церквей, многочисленных гостей из-за рубежа, стран содружества и иностранных паломников. В ходе празднования состоялась международная научная конференция, проходили молебны, торжественные богослужения и другие мероприятия, посвященные этому знаменательному и поистине великому событию.

«...Владимир раздели Русскую землю на 12 княжений, сыном своим дванадесятим: во-первых, посади на великом княжении Новгородском старейшего сына своего Вышеслава, в Полоцк — Изяслава... Посла же с ними и священники, заповедая сыном своим, да каждо по всей области своей повелевает учити и крестити людей, и церкви ставити; еже и бысть».

(Из Густынской летописи)

В 1992 году исполнилась тысяча лет с того времени, как появился в древнем Полоцке первый епископ. Тысяча лет с тех пор, как тихой и робкой благодатной струйкой потекла в Белорусской земле проповедь Евангелия, как началась здесь жизнь со Христом и во Христе. Дата нынешняя — особенная — не начало войны, не основание нового города, не возникновение новых государственных институтов и форм правления — крещение. Слово это отражает событие глубоко личностное и относится оно прежде всего к человеку и его душе. Крещение Белоруссии, Крещение Руси, празднованное совсем недавно, что это такое? Главное в крещении — это внутренняя, сокровенная благодать, поданная в этом первом в жизни человека таинстве, и не увидеть ее внешним взглядом, беглым и спешным. Тем более не узреть в суете и рассеянии тайну крещения страны, народа, не понять, как в нем, в его мистической глубине, в этой душе народной, рождается глас Божий, рождается новая, христианская жизнь.

Но благодатию Божией тысяча лет назад это свершилось, и наша задача — осмыслить значение этого величайшего события применительно к нынешнему критическому времени в жизни народа нашего.

Когда торжества празднования тысячелетия Крещения Белоруссии уже закончились, на пресс-конференции Митрополита Филарета спросили, кому принадлежала инициатива этого празднования. Владыка ответил, что все было настолько само собою разумеющимся, что он не может даже припомнить, кто сказал об этом первый. По инициативе Минского Экзархата была проведена научная ра-

Президиум торжественного акта в честь 1000-летия Православия в Белоруссии; Государственный академический Большой театр Белоруссии

бота, в ходе которой было установлено, что датой Крещения Белоруссии можно считать 992 год. Остались позади подготовительные мероприятия, и вот вечером 24 августа в кафедральном соборе города Минска Предстоятелем Белорусской Православной Церкви перед чудотворной Минской иконой Пресвятой Богородицы был совершен молебен — перед древним образом были вновь излиты просьбы о покровительстве и заступничестве к Царице Небесной. Слова этих молитв звучат на этой земле уже тысячу лет. На протяжении многих столетий миллионы предков и в радости и в горе молились Пресвятой Богородице — покровительнице Минской земли.

На следующий день проходила научная конференция, посвященная юбилею. Все участники торжеств собрались в здании Академии Наук Белоруссии, в том самом здании, где еще совсем недавно «научно» обосновывались любые высказывания очередных вождей и подводилась почва под разгулявшуюся атеистическую пропаганду. А теперь здесь собрались академики и архиереи, ученые и священники, чтобы подвести итог тысячелетнему церковному и народному пути. Заседание открыл президент Академии Наук академик Л. М. Сущеня. Он тоже отметил перемену, словно подводящую черту под тысячелетием христианства на этой земле: «Это празднование символизирует новый период во взаимоотношениях свободного государства и Православной Церкви». Академик особенно подчеркнул, что в 20-е годы нашего столетия именно благодаря Белорусской Православной Церкви удалось сохранить белорусскую национальную культуру и язык.

Действительно, в церковно-государственных отношениях наступил новый период, открываются новые храмы, монастыри, действуют церковные школы, вроде бы все хорошо. Но свободное, только образовавшееся государство, бесспорно признанное, еще только вышедшее на международную арену, со своим президентом и правительством во главе словно бы опьянело от неожиданно свалившейся на голову свободы, потому что подготовлена она была не внутренним ростом самосознания масс, даже не борьбой за нее кучки интеллигентов, своего рода пророков, а пришла в результате сложившейся политической ситуации, деятельности последнего президента СССР и автоматического развала великой советской империи. Одной из сторон этого процесса являются сильно развивающиеся националистические течения, проявляющиеся очень во многом, в том числе в резком переходе на белорусский язык в официальной печати, во всех средствах массовой информации, в школе и университете.

Второй выступающий на конференции председатель комиссии Верховного Совета Белорусской республики по культуре народный поэт Н. С. Белевец сделал «интереснейшие и новые» экклезиологические выводы. Оказывается, по его словам, «Церковь жила нормально только до тех пор, пока

Выступление Президента Белоруссии С. С. Шушкевича в Государственном академическом Большом театре Белоруссии

опиралась на народные традиции, на родной язык». По его словам, Церковь опирается не на своего основателя Господа Иисуса Христа, а на национальную культуру: «Отражение проповедуемого Христова учения в душах людей должно совпадать с традиционной культурой и языком». Эти слова были сказаны на празднике, который должен был стать экзаменом для всех, проверкой того, чему мы научились у наших предков, какие выводы мы сделали из истории, как мы видим свое будущее и что мы делаем для своего настоящего. Церковь никогда не строилась по национальному признаку, она наднациональна и, строго говоря, надгосударственна. Она временно пребывает в Полоцке или Турове, Минске или еще где-то — житие же ее — на небесах, дом ее — горний Иерусалим. Поэтому Церковь никак не может опираться на народную культуру, она может ее использовать, вбирать ее в себя и освящать.

Национализации Церкви, срочного перехода в богослужении на белорусский язык требуют прежде всего люди, очень далекие от Церкви, а подчас и не имеющие к ней никакого отношения. Для них Церковь — «козырная карта», наряду с другими подобными в политической игре, разыгрываемой правительственными и околоправительственными структурами и властью. Но является ли их правом навязывать свое отношение и свою политику другим людям? Своих же земляков учить, как им жить, в какую Церковь ходить и на каком языке молиться? Ведь свобода — это прежде всего предоставление свободы другому — ближнему, об этом еще Аристотель писал. Но есть и другая Свобода, которая от Истины, не погрешают ли они по отношению к ней?

Перед началом конференции перед собравшимися выступил Первоиерарх Белорусской Православной Церкви Митрополит Филарет. В его словах прозвучало совсем другое отношение к Церкви: «Православная Церковь в Белоруссии начинает второе тысячелетие своего существования, она не может совершить этот путь без усвоения и изучения своего прошлого. И из прожитого мы выясняем, что Церковь имела большое влияние на душу белорусского народа». Для всякого церковного человека очевидна первичность Церкви по отношению к культуре. Ведь и слово «культура» происходит от слова «культ».

К чести всех участников конференции, при столь острых и явных разномыслиях на ней ни разу не возникло спора, не было и намека на раздраженность. Мир явно почивал на всех. Как тут не вспомнишь слова апостола Павла: *ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные* (1 Кор. 11, 19). И как много раз в истории белорусского народа, как и всякого другого, многие вопросы находили свое разрешение в позиции Церкви, способной устами святых или своего соборного разума дать ответ на самые сложные вопросы. Так и на этот раз все проблемы, которые многие хотели слишком заострить, в устах служителей Православной Церкви находили некую удивительную уравновешенность, правильный путь к их разрешению.

Владыка Филарет на конференции отметил, что одной из основных проблем, стоящих перед Церковью в Белоруссии, является переход на белорусский язык, «хотя не должен умаляться при этом и церковнославянский богослужебный язык». Однако сейчас нет переводов литургических текстов, не было даже опыта перевода на белорусский язык вечерни. Для осуществления подобных переводов нужно, чтобы в человеке-переводчике соединились ученый, святой, по меньшей мере хотя бы толковый богослов и поэт. Работа в этом направлении уже ведется. Владыка отметил, что Белорусский Экзархат ведет переводы Евангелия на белорусский язык, уже осуществлен перевод Евангелия от Матфея, заканчивается перевод Евангелия от Марка. Открыты курсы белорусского языка для священнослужителей, в Минской Семинарии преподавание многих дисциплин ведется на белорусском языке, вступительные сочинения писались на выбранном абитуриентами языке — белорусском или русском. В этом направлении ведется и другая работа. Однако все это встре-

чает очень серьезные возражения и опасения.

В Белоруссии в церковные дела серьезно пытаются вмешиваться люди, далекие от Церкви. Ведь то, чего требуют националисты, чуждо литургической практике, вряд ли может войти в церковноприходскую жизнь, введение белорусского языка в богослужение может очень плачевно сказаться на ходе церковной жизни.

Многогранна и сложна история Белоруссии, аспектам которой был посвящен на конференции не один доклад. Особенно активно пути белорусского народа и Православной Церкви на этой земле обсуждались в исторической секции, которая работала наряду с богословской, религиозно-философской и др. Опять много слов было посвящено национальному самосознанию и внутренней политике, и все же отрадно, что во многих выступлениях Церкви отводилась должная роль в историческом процессе. Да и как могло быть иначе в стране, имеющей совершенно неотделимую от Православия историю, стране, прославленной златоустами своего времени святым Кириллом Туровским, Леонтием Карповичем, в стране Епифании Полоцкой.

Г. Я. Галенчанок в своем докладе сказал, что «Православие играло значительную роль в развитии национального самосознания белорусского народа, его этноса». Были расставлены правильные акценты и в других выступлениях, но далеко не во всех.

Много слов, конечно же, было сказано и об унии. Так, например, кандидат философских наук из Минска Л. Е. Крыштапович отметил, что «уния не потушила религиозные распри, а послужила той искрой, от которой разгорелось пламя национально-освободительной войны белорусского и украинского народов под руководством Богдана Хмельницкого». Докладчик также отметил: «Национальные силы в Белоруссии разыгрывали не только политическую, но и религиозную карту, стремясь смотреть на духовную жизнь республики сквозь призму аргументации иезуитов XVI—XVII веков. Современные сциргианцы, выставляющие ярого противника православной веры униата Иосафа Кунцевича национальным героем Белоруссии, на самом деле заботятся не о возрождении белорусской национальной культуры, а ставят своей целью ее латинофикацию и окатоличивание, что неминуемо приведет не только к потере национальной самобытности нашего народа, но и к его бездуховности...» Таким образом, некоторые политические, и именно политические силы навязывают теперь новой, свободной Белоруссии, твердо вставшей на путь самоопределения, путь, предначертанный иезуитами, ведущий к национально-религиозной нетерпимости и ненависти в обществе. И нет здесь речи о национальной самобытности, нет речи и о культуре. Хотя, конечно, вчерашние католики — не сегодняшние. Теперь на центральной улице города рядом с православным кафедральным собо-

Освящение креста, воздвигнутого в честь 1000-летия Православия на Белорусской земле; Заславль, древнее городище

Литургия в Софийском соборе Полоцка; литургию совершает митрополит Швейцарский Дамаскин, 27 августа 1992 года

ром открылся костел, расположенный пока в спортивном зале. На проспекте Маршевского, одной из центральных улиц города, каждый день можно купить чинопоследование Мессы на польском и белорусском языках, католические книги, брошюры, иконы — все мирно вроде бы и спокойно. Политика веротерпимости налицо. Но так ли обстоят дела на местах? По свидетельству ректора Минской Духовной Семинарии епископа Новогрудского и Лидского Константина, например, выходит, что местные власти практически во всех областных центрах Белоруссии протекционируют и поддерживают лишь вновь открывающиеся приходы и учебные заведения только Католической Церкви. По мнению Преосвященного, это обусловлено прежде всего тем, что долгое время в Белоруссии какой-либо административный или управленческий пост могли занимать поляки — или кровные, или «поляки по костелу», то есть белорусы, принявшие католичество.

Один из докладов был посвящен событиям второй мировой войны (С. В. Дзяйкалава). В нем отмечалось, что все члены православного клира Белоруссии, несмотря на репрессивное отношение к ним со стороны советского государства, остались патриотами своей Родины, более сорока человек из духовенства Православной Церкви воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Во время оккупации Белоруссии служителей церкви коснулась и варварская антисемитская кампания гитлеровцев. Так, в Жировичском монастыре были расстреляны шесть монахов-евреев, иеромонах Сергий был депортирован в концентрационный лагерь. Епископ Новогрудский Афанасий и его секретарь К. Кирик помогли бежать старой монахине, еврейке Серафиме из Жировичского монастыря, и тем самым спасли ей жизнь. Примеры подобного рода можно продолжить.

Как ни оценивай политические и религиозные события в Белоруссии, ясно одно, что религиозная рознь и противостояния конфессий возникали в основном из-за того, что правящая государственная партия в соответствии со своей религиозной принадлежностью или политической заинтересованностью насаждала ту или иную конфессию.

Вся история Белоруссии, собственно говоря,— это история все тех же, до боли знакомых взаимоотношений Востока и Запада, переходящих часто в противостояние. Хотя представитель Католической Церкви Монсеньер Альберт Раух в своем слове отметил: «У нас очень много общего, и особенно здесь. У нас общая история, и на этой земле мы, как нигде, можем понять друг друга». За эту «общность» прокатолические круги снова ратуют, как и несколько веков назад, и перед Белорусской Церковью и белорусским народом снова встает вопрос, с кем же все-таки у них больше общего.

Таковы проблемы церковные в Белоруссии, они глубоки и многогранны, во многих слу-

чаях открыты и пока не находят разрешения.

Вечером 25 августа, после окончания и закрытия научной конференции в Академии наук Белоруссии, в Государственном академическом Большом театре оперы и балета Белоруссии состоялся вечер, посвященный 1000-летию Православной Церкви на Белорусской земле. На вечере присутствовал Предстоятель Белорусской Церкви Митрополит Филарет, Президент республики С. Шушкевич, многочисленные иерархи и государственные деятели. Открыл вечер Митрополит Филарет. Он говорил о широко развернувшемся в последние годы церковном возрождении на Белорусской земле. Так, за период с 1989 года возобновлены все существовавшие ранее кафедры в Пинске, Бресте, Гродно, Новогрудке, Полоцке, Витебске, Могилеве, Галиче, Турове, создан Белорусский Экзархат. Вдвое увеличилось количество приходов, их число достигло 760, открытие новых продолжается. В Жировицком монастыре открыта Духовная Семинария, где только на IV курсе обучаются 160 человек. В Минске функционирует Духовное училище. Действуют мужской и четыре женских монастыря. Работают Общество милосердия им. святой Марии Слуцкой, социальный центр «Самарянин». Начал работу Издательский отдел под управлением епископа Димитрия. Издаются «Вестник Белорусского Экзархата» и «Минские епархиальные ведомости». «Все эти начинания,— продолжал Владыка,— находят широкую поддержку в правительстве, но есть и много проблем». Так, нет помещения у Духовного училища, нет места для Белорусской Духовной Академии.

«Этот праздник,— сказал в заключение выступления Митрополит Филарет,— вновь напоминает нам, давая утешение и поддержку, что мы не одиноки в нашем земном странствии, с нами наши святые предки». Затем выступил Председатель Верховного Совета Белоруссии Президент С. Шушкевич, отметивший, что впервые на Белоруссии происходит такой широкомасштабный подъем религиозной жизни. Он подчеркнул, что позиция Предстоятеля Церкви и Синода способствует возрождению культуры, духовности и самобытности белорусского народа. Президент тепло поздравил Белорусскую Церковь со столь значительным юбилеем.

Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II зачитал архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений. Полоцкая епархия в связи с юбилеем Его Святейшеством награждена орденом Святого Равноапостольного Великого князя Владимира I степени.

Приветствия и поздравления Полоцкой епархии и Православной Церкви Белоруссии произнесли: Митрополит Швейцарский Дамаскин, Экзарх Вселенского Патриарха в Европе, который зачитал поздравительное слово Святейшего Патриарха Вселенского Варфоломея; епископ Федор — представитель Блаженнейшего Папы и Патриарха Александрийского Парфения, настоятель подворья в Одессе, который преподнес в дар Белорусскому Экзархату напрестольное Евангелие; представитель Блаженнейшего Патриарха Антиохийского Илии IV епископ Нифон. Далее выступали архиепископ Белостокский и Сальский Савва; архиепископ Николаевский и Вознесенский Варфоломей; председатель Христианского социального

Городская площадь в Полоцке. Закладка камня на месте будущего памятника в честь всех за веру и Отечество убиенных

Молебен перед мощами преподобной Евфросинии Полоцкой в Полоцком Спасо-Крестовоздвиженском монастыре

союза Казимир Моравский (Польша); игумен Григорий — настоятель храма Кирилла Туровского в Нью-Йорке.

На следующий день — 26 августа участники торжеств на автобусах отправились в г. Заславль, где на древнем городище Митрополитом Филаретом был освящен Святой крест. После этого муниципальные власти и горожане встретили участников торжеств на городской площади. Отсюда был совершен крестный ход к древнему Спасо-Преображенскому храму г. Заславля, где состоялся праздничный молебен. После этого продолжилось путешествие по Белорусской земле. На сей раз путь лежал в г. Полоцк. В Полоцке в Свято-Кресто-Воздвиженском соборе Спасо-Ефросиньевского женского монастыря Митрополитом Филаретом было совершено всенощное бдение; ему сослужили: Митрополит Швейцарский Дамаскин, архиепископ Белостокский и Сальский Савва, архиепископ Никольский и Вознесенский Варфоломей, епископ Кирикопольский Нифон, архиепископ Гродненский Валентин, архиепископ Тамбовский и Мичуринский Евгений, епископ Туровский Петр, епископ Новогрудский и Лидский Константин, епископ Херсонский Иларион, епископ Гомельский Аристарх, архиепископ Пинский Стефан, архиепископ Могилевский Стефан.

На следующий день в древнем Софийском соборе города Полоцка была совершена литургия, после которой от Софийского собора был совершен крестный ход в Спасо-Евфимьевский монастырь. По пути следования, на центральной площади города,было благословлено место, где будет установлен памятник пострадавшим за веру и Отечество. В монастыре крестный ход встретили сестры и многочисленное духовенство. По традиции женских православных монастырей монахинями обители была выложена из травы и цветов дорожка от святых врат к храму преподобной Ефросинии, где почивают мощи святой. В обители был совершен вынос мощей святой Ефросинии. Перед мощами святой на соборной площади монастыря был совершен молебен, на котором присутствовал президент республики С. Шушкевич. Предстоятель Церкви Митрополит Филарет в своей речи сказал, что «настал момент выразить глубокую благодарность лично президенту и всем муниципальным властям за прекрасную организацию торжеств». В ответном слове С. Шушкевич от имени Верховного Совета, правительства поздравил Митрополита Филарета, Синод и всех верующих Белоруссии с великим праздником, он сказал, что «христианство отражается в новых гуманистических преобразованиях, совершаемых в Белоруссии».

После окончания молебна в трапезном храме Ефросиньевского монастыря состоялась пресс-конференция, на которой Митрополит Филарет и другие ее участники ответили на многочисленные вопросы представителей прессы. На пресс-конференции Митрополит Филарет подчеркнул: «Важна не та помпезность и широта, с которой празднуется тысячелетие, важно существо дела: мы в последнем десятилетии XX столетия живем той верой, теми духовными, моральными, нравственными началами, которые пришли на эту землю тысячу лет назад с первыми епископами Церкви Христовой. Это наше единство и слияние с истоками, которые питают

нашу Белорусскую Православную Церковь, которыми мы и живем, как это делали наши праотцы и отцы. Это сознание себя членом Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви помогает переносить все жизненные трудности. Ныне праздник благодарения Богу, праздник благодарения всем предшествующим поколениям белорусов, пронесшим веру отцов».

На пресс-конференции был задан вопрос о том, будет ли Православная Церковь Белоруссии автокефальной. Владыка, отвечая на него, сказал: «Мне часто задают подобные вопросы. За неполных три последних года мы выросли из рядовой Белорусской епархии в Экзархат. Мы имеем десять самостоятельных епархий, объединенных единой территорией и исторической судьбой. Мы получили от Матери Церкви очень большую степень самостоятельности. Мы все внутренние вопросы решаем на Синоде Белорусской Православной Церкви. Никаких препятствий развитию нашей внутренней жизни, наших внешних контактов нет. Белорусская Церковь теперь пригласила представителей Поместных Православных Церквей. А за то, что мы на это взяли благословение Патриарха, нам только честь и слава. За то, что мы сознаем себя частью единого исторического Патриархата. Если дальше будет развиваться наша жизнь какими-то особыми путями, автокефалия будет естественным состоянием ряда церковных регионов, но это еще является и общеправославной проблемой. По этой теме существует обширная дискуссия в православном церковном альянсе».

Далее по вопросу автокефалии высказался Экзарх Патриарха Вселенского Митрополит Швейцарский Дамаскин; он, как секретарь Секретариата Великого и Святого Собора Восточной Православной Церкви, сказал, что вопрос об автокефалии очень сложен и он стоит в повестке дня Великого и Святого Собора. Предстоит решить многие вопросы, например: какой орган и как может в нынешних условиях даровать автокефалию. Но чтобы решить эти проблемы, необходимо преодолеть наши внутриправославные разделения. Напряжение создается Русской Зарубежной Церковью, открывающей в России параллельные приходы. Правильным решением было бы воссоединение Зарубежной Церкви с Русской Православной Церковью. Митрополит Дамаскин указал на сложность проблем, связанных с экуменической деятельностью, направленной на достижение заповеданного Христом единства и являющейся камнем преткновения на пути желаемого воссоединения.

После окончания пресс-конференции и приема торжества были закончены. Но продолжается жизнь Белорусской Православной Церкви. Церковь Небесная — торжествующая, в которой прославлен и сонм святых белорусских,— продолжает молиться за Церковь земную. А в храмах Белорусской Православной Церкви каждодневно возносится молитва святым белорусским: «Божии угодницы Белорусския земли ныне со дерзновением предстоят Престолу Святыя Троицы и невидимо за ны молятся Богу о крае нашем, прося нам мир и велию милость».

А. ПИСКУНОВ

Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Белоруссии, и Президент Беларуси С. С. Шушкевич в монастыре преподобной Евфросинии Полоцкой

История Минской Духовной Академии

В начале 1785 года Россия и Польша договорились о восстановлении в пределах Польши православной епископской кафедры. Митрополит Киевский Самуил и архиепископ Могилевский Георгий (Конисский) предложили в качестве достойного кандидата на эту кафедру архимандрита Слуцкого монастыря Виктора (Садковского). 27 марта 1785 года последовал Высочайший указ о бытии в Польше особого епископа, коадьютора Киевской митрополии, и о посвящении в сей сан архимандрита Виктора. Другим Высочайшим указом 15 мая предписано Святейшему Синоду учредить в Польше для просвещения православных семинарию.

В обширной епархии новопосвященного епископа, распространявшейся, по его словам, так широко, как широка была Польша и как далеко отстоят Двина от Днепра и Днепр от границ Силезии, до этого времени вовсе не было школы духовных наук, откуда могли бы выходить наученные истинам веры добрые пастыри Церкви. Отсюда понятна та ревностная забота, с которой Преосвященный Виктор принялся за устройство в Слуцке духовной школы.

При содействии митрополита Самуила из Киевской Духовной Академии были присланы в Слуцк наставники. 15 сентября 1785 года Семинария была открыта, и в горнице монастырской трапезной начались занятия. Вначале было только два «грамматических» класса: низший и высший, где обучались 25 воспитанников — дети духовенства.

По месту своего нахождения Семинария стала называться Слуцкой. Это название она носила до 1793 года, когда была учреждена Минская епархия, и в отличие от польских духовных школ называлась «благочестивой семинарией» и «семинарией Его Преосвященства».

В апреле 1789 года в Варшаве, а затем и в Вильне, Минске и Слуцке вспыхнуло польское восстание. Поляки-католики жестоко преследовали православных. Преосвященный Виктор был схвачен и заточен в Бобруйскую крепость, а затем томился в казематах Ченстоховского монастыря. В июле 1790 года Семинария, в которой обучалось около ста воспитанников, прекратила свое существование.

По освобождении из-под ареста в июле 1792 года Преосвященный Виктор еще до отъезда из Варшавы предписал своей консистории восстановить Семинарию и собрать ее учеников. 8 января 1793 года Семинария была вновь открыта с прежним названием: «Благочестивая Слуцкая, Преосвященного Виктора, семинария». В восстановленных пяти классах обучался 31 человек.

13 апреля 1793 года обширная епархия Преосвященного Виктора стала называться Минской. Соответственно изменила свое название и Семинария, еще долгое время оставшаяся в пределах Слуцкого монастыря.

Преемником Преосвященного Виктора, переведенного в 1796 году на Черниговскую кафедру, стал Преосвященный Иов (Потемкин), архиепископ Минский и Волынский. Он преобразовал Минскую Семинарию «сообразно прочим великороссийским семинариям», как неоднократно высказывался сам в своих указах, строгими мерами укрепляя порядки в жизни Семинарии. Из года в год стало увеличиваться количество воспитанников. Были открыты высшие классы — философский и богословский. Сообразно с этим возрастало и число преподавателей, в значительной степени пополнявшееся лучшими выпускниками Семинарии, направляемыми для дальнейшего совершенствования в Киевскую Духовную Академию.

Продолжив с успехом начатое Преосвященным Виктором дело устроения Семинарии, архиепископ Иов в начале 1812 года был переведен на Екатеринославскую кафедру. Преемником его в Минской епархии стал архиепископ Серафим (Глаголевский), впоследствии митрополит Петербургский и Новгородский. Этот архипастырь с любовью продолжил дальнейшее устроение Семинарии с целью «возвести ее на высшую ступень совершенства». Однако тяжкое бедствие — нашествие французов — прервало труды по благоустройству Семинарии.

Преосвященный Серафим отбыл в Смоленск, а затем пребывал в других епархиях. Разгром, произведенный в городе захватчиками, не миновал и Семинарии. И хотя деревянные здания уцелели, они были серьезно повреждены, а значительная часть книг расхищена и сожжена.

По изгнании неприятеля Семинария возобновила свою деятельность (20 февраля 1813 года), однако ученики собирались крайне медленно. В сентябре указанного года их насчитывалось лишь немногим больше восьмидесяти. Принимая все возможные меры к скорейшему пополнению числа воспитанников, преосвященный Серафим предписал священникам отдавать своих детей в Семинарию с 7—8 лет.

В 1816 году Владыка Серафим был переведен на Петербургскую кафедру, а его преемником стал епископ Анатолий (Максимович). Минская Семинария претерпела преобразования: состоявшая ранее из восьми классов, она разделилась на три учебных заведения: приходское училище объединило два начальных класса; уездное училище включило в себя низший и высший «грамматические» классы; собственно Семинария была разделена на три отделения: низшее, среднее и высшее. Уездное и приходское учили-

ща находились при Семинарии и входили в общую структуру духовной школы.

Открытие Минской Духовной Семинарии с новыми учебными планами последовало 20 сентября 1817 года. Так начался новый период в жизни школы. Став средним учебным заведением уже в ином, более совершенном и современном виде, Семинария после преобразования продолжала жить общей жизнью с двумя вновь образованными низшими училищами, объединяясь с ними как общим управлением, так и средствами для содержания.

Стали сказываться чрезмерная теснота, ветхость и неприспособленность зданий к новым условиям существования духовной школы. Довольно длительное ожидание улучшений, затяжная обширная переписка правления Семинарии с Комиссией духовных училищ по этому вопросу, вероятно, объяснялись тем, что Комиссия с первых дней преобразования Семинарии не оставляла мысли о перемещении учебного заведения в Минск при первом удобном случае. Такая возможность представилась лишь в конце 30-х годов прошлого столетия, когда по поручению Комиссии духовных училищ был образован Комитет по постройке новых зданий для Семинарии. Было приобретено недостроенное здание Минского благотворительного общества, в которое после завершения строительства Семинария была переведена 1 сентября 1840 года, став Минской не только по названию епархии, но и по месту своего пребывания. Открытие ее было совершено спустя две недели с особенной торжественностью. В своей речи инспектор Семинарии Яков Скальский отметил, что выше всякой благодарности стоят попечительское внимание и отеческая заботливость о переводе Семинарии из Слуцка в Минск Преосвященных Никанора и Антония, «из которых одному суждено было начать, а другому привести к окончанию дело ко благу воспитываемого здесь духовного юношества».

В порядке управления Минская Духовная Семинария была приписана к Киевской Духовной Академии. В лице Минского архипастыря Антония (Зубко), известного своими заслугами в духовном просвещении паствы и укреплении Православия в Белоруссии, школа имела мудрого, опытного и заботливого руководителя. Педагогический персонал Семинарии находился на весьма высоком уровне.

Богословие в ту пору преподавал ректор духовной школы архимандрит Геласий. Человек строгого образа жизни, он был твердым администратором и поборником дисциплины в среде воспитанников. Инспектор Яков Скальский, по многочисленным отзывам, человек очень даровитый, преподавал церковную историю. Наставников Семинарии, имевших ученые степени, называли профессорами — это были люди зрелые, но не преклонных лет, достаточно много потрудившиеся на ниве духовного просвещения. Профессор философии Гавриил Кустов пользовался известностью как превосходный знаток своего предмета: руководством Киевской Духовной Академии ему поручалось составление учебников по истории, философии, логике.

В курс обучения вводилось преподавание новых предметов — медицины, естествознания, сельского хозяйства. Агрономические науки преподавались, к примеру, не только в теории, но и на практике. На принадлежащем Семинарии земельном участке испытывались новые сорта зерновых, выращивались образцы луговых трав, культивировались аптечные, огородные и другие растения. Наставниками Минской Семинарии написано немало научных трудов в области сельского хозяйства, опубликованных в специальных периодических изданиях.

Важное место занимало изучение истории родного края. В 1848 году Семинарией было издано «Собрание древних грамот и актов городов, монастырей и церквей Минской губернии», в подготовке которого принимал участие архимандрит Геласий. В 1864 году издано составленное ректором архимандритом Николаем «Историко-статистическое описание Минской епархии».

Славная жизнь и многополезные труды многих воспитанников Минской Духовной Семинарии прославили это учебное заведение.

И. А. Гошкевич по окончании Минской Семинарии и Санкт-Петербургской Духовной Академии трудился в Китайской Духовной миссии, десять лет прожил в Пекине, основательно изучил китайский язык, религии, нравы и обычаи народа этой страны. По возвращении в Россию участвовал во многих научных работах по описанию и изучению Китая. В качестве члена русского посольства в 1852—1853 годах он совершил путешествие в Японию на военном фрегате «Паллада» и был одним из ближайших сотрудников адмирала Путятина на переговорах с японским правительством о заключении торгового договора. Писатель И. Гончаров, описавший это путешествие в своем сочинении «Фрегат «Паллада», многократно упоминает о Гошкевиче как об ученейшем и многосторонне образованном человеке. Родной брат И. А. Гошкевича, преподававший в Киевской Духовной Семинарии, известен как составитель одного из первых учебников логики на русском языке.

И. И. Малышевский стал заслуженным ординарным профессором Киевской Духовной Академии, автором многочисленных исторических исследований. Известен немало потрудившийся на пользу исторической науки доцент Киевской Духовной Академии В. З. Завитневич. Выпускник Семинарии Ф. И. Пастернацкий стал профессором Военно-медицинской академии. Ректором Минской Духовной Семинарии был ее выпускник архимандрит Климент.

Питомцы Минской духовной школы обуча-

лись в Санкт-Петербургской, Московской, Киевской Духовных Академиях, в Варшавском и Томском университетах и других учебных заведениях. Везде они показывали себя людьми труда, плодотворно работавшими на указанном им Богом поприще и взращивавшими семена правды и добра, посеянные в их душах заботливыми и любящими наставниками.

В 1918 году на основании Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви Минская Духовная Семинария была закрыта.

Другая Семинария на территории Белоруссии — Литовская (Жировицкая). Без деятельности этой Семинарии не могло бы совершиться воссоединение униатов с Православной Церковью или же сам процесс воссоединения прошел бы болезненно.

Литовская Семинария была открыта стараниями Преосвященного Иосифа (Семашко) в 1828 году при Свято-Успенской Жировицкой обители. Устроена Семинария была и преподавание в ней велось по образцу Санкт-Петербургской Семинарии.

Лучшие воспитанники Жировицкой Семинарии отправлялись для завершения образования в Санкт-Петербургскую и Московскую Духовные Академии. По планам архиепископа Иосифа (Семашко), униатская, на тот период времени, семинария должна была подготовить новых деятелей, понимающих нецерковную суть унии и стремящихся возвратить белорусов к вере отцов — Православию. Для достижения этой цели Преосвященный Иосиф вверил Семинарию в испытанные и надежные руки: ректором был назначен широко образованный священник Антоний Зубко, впоследствии архиепископ Минский. «Никто не помогал мне столь добросовестно по униатскому делу, как Преосвященный Антоний,— говорил позднее архиепископ Иосиф. «Жировицы были оазисом в так называемых литовских губерниях. У нас вырабатывался и созревал независимый взгляд на жизнь, на Русь и Польшу, на Православие, на Римский католицизм и на нашу унию»,— вспоминал отец Антоний.

Свои взгляды на Православие и унию наставники Жировицкой Семинарии передавали не только учащимся, но и их родителям. «Наши убеждения сообщались духовенству, приезжавшему в Жировицы. В некоторых из них мы вселяли полное убеждение нашими доводами, другие же верили нам безусловно как людям сведущим и притом ничем не нарушившим их доверие к нам»,— пишет отец Антоний.

Архиепископ Иосиф понимал и высоко ценил то благотворное влияние, которое оказывала Литовская Семинария на готовящееся воссоединение. Позже он так говорил об этом: «Премудрый Зиждитель, избравший смиренный вертеп Вифлеемский для рождения от Пречистой Девы Единородного Сына Своего, избрал и для обновления Литовской Церкви не блестящий град, а смиренный уголок, находящийся под особым покровительством Матери Божией, прославленной в чудотворной иконе Жировицкой. Здесь благодатью и предстательством Небесной Владычицы преобразовались мы верою, возвратясь к сообществу с родной нашей Матерью Всероссийской Церковью; преобразились сердцем, обновив чувства радостной любви к великому нашему русскому племени и Русскому Отечеству. И это было делом не более 10 лет».

Возвращение к отеческой Православной Церкви чад ее, отторгнутых насильно в 1596 году, совершилось в 1839.

Православная Духовная Семинария существовала в Жировицах до 1845 года. Ввиду образования Виленской губернии Семинария и епархиальное управление были переведены в Вильно. Вместо Семинарии в Свято-Успенской обители образовано духовное училище.

Ровно через сто лет, после освобождения Белоруссии от фашистской оккупации, архиепископ Минский Василий (Ратмиров) добился от советских властей согласия на открытие в епархии пастырско-богословских курсов. Местом их существования был избран Жировицкий монастырь, руководство было поручено игумену Леонтию (Бондарю), ныне митрополиту Оренбургскому и Бузулукскому.

В 1947 году архиепископа Василия сменил архиепископ Питирим (Свиридов), который почти двенадцать лет управлял Белорусской епархией. При его управлении пастырско-богословские курсы были преобразованы в Семинарию, руководство которой легло на архимандрита Митрофана (Гутовского), возглавившего с 1947 года Семинарию и монастырь. Владыка Питирим позаботился о строительстве нового просторного учебного корпуса, а затем благословил строительство прекрасного трехэтажного здания, в котором с большими удобствами разместилась Минская Духовная Семинария. Строительство здания, замечательно вписавшегося в архитектурный ансамбль монастыря, было субсидировано Московской Патриархией. Труды архимандрита Митрофана по руководству Семинарией разделял секретарь правления протоиерей Виталий Боровой, хозяйственными делами ведал эконом иеродиакон Пимен (Хмелевский), ныне архиепископ Саратовский и Вольский. В 1953 году архимандрит Митрофан был рукоположен в епископа Бобруйского, викария митрополита Минского. Следующим наместником Жировицкого монастыря был назначен архимандрит Леонтий (Бондарь), одновременно исполнявший обязанности инспектора Семинарии. Ректором же был магистр богословия протоиерей Иоанн Сокаль.

В 1956 году наместником монастыря и ректором Семинарии был назначен архимандрит Антоний (Мельников, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский). Он пробыл на этом посту до закрытия Минской Духовной Семинарии в 1963 году.

И вот снова, храня как и древле, незыблемые традиции русского Православия, возобновила свою деятельность Минская Духовная Семинария. Возрождение ее в Белорусском крае войдет в историю нашей Церкви. Много потрудился для восстановления Семинарии Владыка Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Белоруссии.

В заключение вспомним слова митрополита Иосифа (Семашко), сказанные им в 1845 году и молитвенно обращенные к Божией Матери:

О Пресвятая Дево Богородице, сохранившая нам драгоценный залог Своей благости в священной Твоей иконе, уже столько веков присущей сей обители! Буди и навсегда присуща обновленному ныне здесь под Твоим покровом духовному вертограду! Соблюди его цела, невредима, от всякого навета злаго свободна. Призирай, яко Матерь, юношей сих! Озаряй их разум светом истины, храни сердца их в неизменной чистоте и соделай их добрыми пастырями и непоколебимыми столпами Православной Церкви в здешнем крае. Аминь.

Епископ Пинский и Лунинецкий
СТЕФАН

Первое собрание духовенства Новогрудской епархии

6 февраля 1992 года Синод Белорусской Православной Церкви принял решение возродить одну из древнейших православных епархий на белорусской земле — Новогрудскую. Жители белорусской земли были крещены в православную веру в X веке, и в этом году будет отмечаться 1000-летний юбилей Православной Церкви в Белоруссии. Город Новогрудок основал в 1044 году киевский князь Ярослав Мудрый, а во второй половине XII века в Новогрудке построен каменный храм во имя святых страстотерпцев — князей Бориса и Глеба.

В XIII веке жители Новогрудка пригласили литовского князя Миндовга возглавить вооруженную борьбу с крестоносцами - католиками, тогда же Миндовг и его бояре приняли православную веру. Во главе новогрудских ратей Миндовг сумел не только вернуть себе свои литовские вотчины, но и подчинить всю Литву. Сын Миндовга Войшелк объединил отвоеванные земли и создал Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское, в которое входила территория современной Белоруссии. Это сильное, в то время православное, государство имело государственным языком старобелорусский. Князь Вой-

Собрание духовенства Новогрудской епархии

шелк принял монашество и основал Ливришевский монастырь, ставший оплотом православной христианизации литовских племен, пребывавших в язычестве. В 1317 году по ходатайству Великого князя Литовского Гедимина Константинопольский Патриарх Иоанн Гликис учредил Литовскую митрополию с кафедрой в Новогрудке. Первым митрополитом Новогрудским и Литовским был Феофил. В XVI веке после Брестской унии Борисо-Глебский собор и епархия при поддержке королевской власти были захвачены униатами, господство которых продолжалось до XIX века. После гражданской войны и во время Великой Отечественной были попытки возродить Новогрудскую епархию, но они не осуществились.

19 февраля 1992 года Священный Синод Русской Православной Церкви утвердил решение Белорусской Православной Церкви о возрождении епархии. Правящим архиереем с титулом «Новогрудский и Лидский» стал епископ Лидский Константин (Горянов), ректор Минской Духовной Семинарии, викарий Минской епархии.

Первое епархиальное собрание духовенства Новогрудской епархии состоялось 11 мая, в день памяти святителя Кирилла Туровского, одного из самых почитаемых святых белорусской земли. Собрание проходило в актовом зале Минской Духовной Семинарии в Жировичах. Епископ Константин поздравил собравшееся духовенство с возрождением епархии и рассказал о ее богатой истории.

В настоящее время Новогрудская епархия включает девять районов Гродненской области: Островецкий, Ошмянский, Сморгоньский, Ивьевский, Лидский, Новогрудский, Кореличский, Дятловский и Слонимский. На ее территории образованы четыре благочинных округа, действуют 82 православных храма. Управление епархией временно будет размещаться в Жировицах, так как епископ Константин обязан совмещать архипастырское служение и руководство первой высшей духовной школой в Белоруссии.

На собрании было оглашено «Послание Синода Белорусского Экзархата в преддверии 1000-летия Православной Церкви в Белоруссии». Епископ Константин призвал священнослужителей отметить этот юбилей в каждом приходе — в церковных проповедях, на встречах с общественностью, на страницах церковной и светской прессы. В связи с этим особое внимание было уделено проблеме распространения через приходы официального органа Белорусской Церкви — «Вестника Белорусского Экзархата». Священнослужители получили благословение заняться сбором сведений о репрессированном духовенстве Белоруссии.

Большой интерес участников собрания вызвал рассказ Владыки Константина об Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, проходившем с 31 марта по 4 апреля 1992 года, в работе которого Владыка принимал активное участие.

До сведения епархиального собрания доведено постановление Синода Белорусского Экзархата, согласно которому все церковные работники с 1 апреля 1992 года переходят на государственное пенсионное обеспечение и социальное страхование. После обсуждения вопроса о регистрации приходских уставов первое собрание духовенства Новогрудской епархии закончилось.

Протоиерей
Сергий ГОРДУН

Духовное рождение восточнославянских племен в одной купели Святого Крещения сыграло решающую роль в становлении древнерусской народности, явившейся исторической основой образования и развития трех братских славянских народов: русского, украинского и белорусского. «История Киевского государства,— пишет академик Б. Д. Греков,— это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии».

Одним из важнейших факторов объединения древнерусской народности был общий язык. Первый русский летописец подчеркивал, что хотя населявшие Русь племена имели разные названия, «а язык словеньск бысть им един». Одновременно с формированием единого общенародного языка складывалась культурная общность древнерусского народа.

«Помолитеся о грехах моих...»

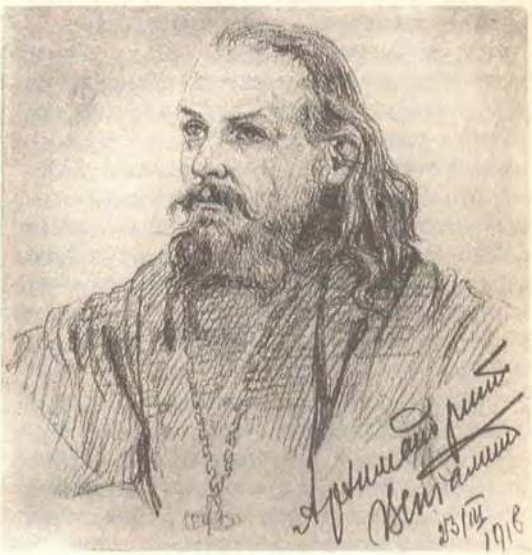
Митрополит Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков) родился 15 (2) сентября 1880 года в Кирсановском уезде Тамбовской губернии. Его отец Афанасий Иванович был дворовым человеком господ Баратынских, давших России знаменитого поэта. В тамбовском имении Баратынских Афанасий Иванович много лет прослужил конторщиком. Мать, Наталия Николаевна (в девичестве Оршевская), была дочерью дьякона.

Дети (в семье их было шестеро) Федченковых учились в буквальном смысле слова на медные деньги. Однако из шестерых детей трое получили высшее образование, а трое, как сказали бы мы сейчас,— среднее специальное.

Иван всегда шел первым учеником. Сначала он получил «домашнее образование» (церковнославянская и гражданская азбука, основы чтения, счета и письма, основные молитвы), потом — земская школа, год учебы в уездном училище и, наконец, курс в духовном училище в губернском Тамбове. Здесь же в 1903 году Иван Федченков окончил Духовную Семинарию. Далее путь его лежал в столицу, в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

Должность инспектора Академии занимал в те годы архимандрит (впоследствии архиепископ) Феофан (Быстров) — человек, имевший большое влияние на студентов Академии. Он стал духовником Ивана Федченкова. Вокруг отца Феофана образовался кружок из студентов, занимавшихся углубленным изучением святоотеческой литературы. Они называли свой кружок златоустовским, так как совместное чтение и изучение святоотеческих творений началось с разбора трудов святого Иоанна Златоуста. Для всего остального академического студенчества они были «феофанитами». На это никто не обижался — архимандрит Феофан действительно был для них наставником, щедро делившимся с учениками своим духовным опытом. Следует упомянуть, что отец Феофан был духовником императорской семьи...

После кончины архиепископа Феофана († 1940) Владыка Вениамин составил его жизнеописание — небольшое по объему, но достаточно глубоко раскрывающее сокрытую от людских глаз жизнь своего почившего наставника. Истинный инок, усердный молитвенник, человек, ищущий прежде всего Царствия Божиего и правды Его,— таким предстает Владыка Феофан перед читателем этого своеобразного жития. Особенно впечатляет описание последних лет жизни архиепископа Феофана, когда он жил почти затворником и ежедневно в своей квартире совершал Божественную литургию. Это жизнеописание, к сожалению, пока не опубликовано и ждет своего часа[1].

Архимандрит Вениамин (Федченков). Карандашный рисунок В. Богдановича сделан на заседании Поместного Собора Православной Российской Церкви, 1918 год

Знаменательно, что в годы обучения будущего митрополита в Духовной Академии ректором ее был архиепископ Сергий (Страгородский) — будущий Патриах Московский и всея Руси. Именно в Академии возникли и укрепились теплые и доверительные отношения между ректором и студентом. Не случайно Владыка Сергий, в бытность свою архи-

епископом Финляндским, пригласил иеромонаха Вениамина на должность своего личного секретаря. Верность «своему Владыке» в будущем не раз будет доказана...

При поступлении в Академию, да и в первые годы учебы будущий Владыка Вениамин не помышлял об иночестве. По его собственным словам, он думал тогда о женатом священстве... Но однажды во время студенческих каникул Иван Федченков вместе с товарищами по Академии побывал на Валааме, где посетил старца Иоанно-Предтеченского скита отца Никиту. Этот насельник Северного Афона, монах-подвижник, «живой святой», долго беседовал с молодым человеком и пророчески назвал его Владыкой. Другой праведник — иеромонах Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры отец Исидор также предсказал ему архипастырское служение.

«Придется быть монахом» — так в простоте верующего сердца решил студент столичной Духовной Академии. Иноческий постриг состоялся 26 ноября 1907 года; 3 декабря монах Вениамин был рукоположен во иеродиакона, а 10 — во иеромонаха.

Ученик Высокопреосвященнейшего Вениамина епископ Феодор (Текучев; † 1985), живший на покое в Псково-Печерском монастыре, вспоминал в 1966 году, в пятую годовщину со дня кончины своего наставника, еще об одном предсказании в жизни Владыки. Молодой иеромонах Вениамин в свое время посетил вместе с одним из своих товарищей болящую благочестивую старицу. При этом состоялся следующий диалог:

— Кем мы будем? — спросил один из посетителей.

— Ну разве я гадалка какая? Будете митрополитами... Да разве в этом дело?..

— Помолитесь о грехах моих,— попросил отец Вениамин.

— Вот это что и нужно,— отвечала старица...

В самом начале своего пастырского служения встречался отец Вениамин с великим праведником земли Русской святым Иоанном Кронштадтским. Святой беседовал с молодыми иноками, укреплял и ободрял их. На всю жизнь сохранил Владыка Вениамин благоговейное отношение к памяти святого старца, часто обращался к его духовному наследию[2].

После окончания Академии, в 1907—1908 годах, иеромонах Вениамин — профессорский стипендиат по кафедре библейской истории, а в 1910—1911 годах, как уже отмечалось,— личный секретарь архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского).

Период с 1911 по 1917 год связан у него с научной и педагогической деятельностью. С декабря 1911 года отец Вениамин, возведенный в сан архимандрита, занимает должность ректора Таврической Семинарии.

Свое послушание с 1913 по 1917 год архимандрит Вениамин проходит в Твери, где трудился на посту ректора Семинарии. В 1914 году его, как бывшего воспитанника Тамбовской Семинарии, приглашают для участия в торжествах прославления святителя Питирима, епископа Тамбовского († 1698 г.). В Твери отца Вениамина застали события «бескровной» февральской революции. Страницы воспоминаний Владыки, посвященные этим дням, производят особенно сильное впечатление.

В 1917 году ректор Тверской Семинарии архимандрит Вениамин (Федченков), избранный от младших клириков епархии, стал членом Поместного Собора Православной Российской Церкви. Он был свидетелем и участником восстановления патриаршества и интронизации (или как говорили в старину «настолования») святителя Тихона.

Дальнейшее служение отца Вениамина проходило на юге, вновь в пределах Таврической епархии. Он был избран ректором Таврической Духовной Семинарии и трудился в этой должности до 1919 года. В это же время архимандрит Вениамин принимает участие в работе Украинского Церковного Собора, где с другими клириками и мирянами отстаивает мир церковный, противостоит попыткам «самостийников» расколоть единство Церкви.

10 февраля 1919 года сбылось предсказание старцев: в кафедральном соборе города Симферополя состоялась архиерейская хиротония архимандрита Вениамина во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. Бремя архиерейства было возложено на Преосвященного Вениамина в грозный час братоубийственной войны, и архипастырское служение свое по большей части проводил он среди многих бурь и скорбей междоусобной брани.

После эвакуации Добровольческой армии из Новороссийска в Крым епископ Вениамин примкнул к белому движению.

О том, что заставило его принять сторону побеждаемых, что привело его под знамена белого движения, волнующе повествует Владыка в своих воспоминаниях.

В областях, занятых Добровольческой армией, в мае 1919 года было образовано Временное высшее церковное управление (ВВЦУ) епархиями Юго-Востока России, а в ноябре того же года в Новочеркасске состоялся Собор епископов. После эвакуации из Новороссийска состав ВВЦУ изменился. В него вошли архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) и протоиерей Сергий Булгаков и ставший представителем ВВЦУ в Совете министров при главнокомандующем Русской армией[3] генерале П. Н. Врангеле. Епископ Вениамин принимает предложение возглавить военное духовенство Русской армии, становится «епископом армии и флота». Как и прежде, Владыка регулярно совершает богослужения, произносит проповеди, однако, кроме того, ему приходится координировать свои действия и действия подведомственного ему духовенства с военной администрацией, устраивать судьбу священников-беженцев и членов их семей, выезжать на фронт и выступать с публикациями в газете «Святая Русь». В сентябре 1920 года епископ Севастопольский Вениамин принимает участие в днях всенародного покаяния, приуроченных к празднику Воздвижения Креста Господня.

В ноябре 1920 года началась эвакуация армии и населения из Крыма, потоком влившихся в лавину общерусского Исхода. Началась трагедия изгнанничества для миллионов русских беженцев. Епископ армии и флота делит судьбу одетой в серые шинели паствы: он посещает войска в лагерях на о. Лемнос и в Галлиполи, обращается к армии с посланиями, участвует в работе Русского Совета, действовавшего при Врангеле.

По инициативе епископа Вениамина оказавшиеся в Турции иерархи Русской Церкви организовали в Константинополе Временное Высшее Русское Церковное Управление за границей. Оно, однако, не было признано Вселенским Патриархатом, который разрешил русским архиереям осуществлять лишь пастырские функции «под высшим управлением Вселенской Патриархии». Позднее, когда значительная часть беженцев нашла приют в братской православной Сербии, управление обосновалось в Сремских Карловцах у Сербского Патриарха Димитрия, предоставившего архиереям-изгнанникам свою летнюю резиденцию.

Епископ Вениамин в этот период принимает деятельное участие в подготовке Всезарубежного Церковного Собора, играя в этом деле едва ли не ведущую роль. Собор начал свою работу в ноябре 1921 года. Впрочем, Собором он стал именоваться лишь с 1 декабря, а первоначально устроители замышляли его как общецерковное заграничное собрание.

Когда заграничное ВВЦУ было упразднено решением Патриарха Тихона, епископ Вениамин отдалился от вновь образованного Карловацкого Синода и поселился в сербском монастыре Петковице (во имя святой Параскевы Пятницы), расположенном неподалеку от города Шабаца. В этой обители вокруг Владыки Вениамина собралось до 30 русских иноков, среди которых были и новопостриженные монахи — из солдат Белой армии.

А в 1922—1923 годах Владыка Вениамин — вновь викарный архиерей, управляющий приходами в Карпатской Руси, входившей тогда в состав Чехословакии. Управление приходами поручил ему архиепископ Пражский и всей Чехословакии Савватий (Брабец), в 1923 году поставленный Экзархом Патриарха Константинопольского для Средней Европы.

Православные «русины» искренне полюбили Владыку Вениамина, совершавшего служение в тяжелых условиях под пристальным и недоброжелательным присмотром чехословацких властей, вскоре прервавших деятельность русского иерарха. Епископ Вениамин вынужден был покинуть пределы Чехословакии. Отсюда он намеревался отправиться не в Сербию, не в Париж, а ... домой, в Россию. Он — «белый архиерей» — собирался вернуться! Можно себе представить, какую «встречу» ему устроил бы ОГПУ!

Владыка возвратился в Петковице и в 1924—1925 годах окормлял свою новую паству — воспитанников двух кадетских корпусов: Русского и Донского им. генерала Каледина; возглавлял пастырско-богословские курсы и был настоятелем русского храма.

Его педагогическая деятельность продолжается в 1925—1927 и 1929—1930 годах в стенах Парижского Православного Богословского института во имя Преподобного Сергия Радонежско-

го, созданного по инициативе управлявшего православными приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского). По свидетельству современников, Владыке Вениамину институт во многом был обязан своим почти монастырским укладом жизни и здоровой духовно-нравственной атмосферой.

В 1930 году, когда произошел разрыв между митрополитом Евлогием и священноначалием Русской Православной Церкви, епископ Вениамин должен был покинуть аудитории института и оставить служение в институтском храме Преподобного Сергия. Вместе с двумя своими бывшими студентами иеромонахами Феодором (Текучевым) и Стефаном (Светозаровым) он основал первый приход Московской Патриархии в Париже — Трехсвятительское подворье и стал его настоятелем. При приходе действовала типография во имя отца Иоанна Кронштадтского, где печатались как труды самого великого подвижника и книги о нем, так и произведения других авторов, в том числе и книги Владыки Вениамина: «Акафист Трем Святителям Христовым Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому», «Всемирный Светильник преподобный Серафим Саровский», «Небо на земле».

С 1933 года Владыка Вениамин, возведенный к тому времени в сан архиепископа, несет послушание в Соединенных Штатах. Он — временный Экзарх Московской Патриархии в Северной Америке, архиепископ Алеутский и Северо-Американский.

Еще до революции, в 1911 году, на торжественном годичном акте в Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Вениамин в своем слове, обращенном к будущим пастырям, сказал: «Братие, путь пастыря именно есть путь *воина Христова*, путь крестный, путь мученический»[4]. И сам он всю жизнь шел этим путем — изгнанничество, вынужденная разлука с Родиной, которую горячо любил; труды по созданию приходов за рубежом, по устройству церковной жизни; тяжкие моральные страдания, понесенные от людской злобы и жесткосердия. По свидетельству епископа Феодора (Текучева), «ему приходилось спать на полу, подметать улицы, терпеть оскорбления»[5]. На одном эмигрантском собрании страсти накалились до такой степени, что хозяева дома предложили Владыке Вениамину воспользоваться «черным ходом». Но он ушел по парадной лестнице, под градом оскорблений и насмешек. Кто-то бросил вслед окурок, кто-то прошипел в спину: «Бегает нечестивый, ни единому же гонящу...». Так было и в Америке, которую Владыка Вениамин, по его собственным словам, «приехал завоевывать один»; Экзарх не имел экзархата, архипастырь не имел паствы.

После четырнадцати лет пребывания в Америке Владыка Вениамин, удостоенный к тому времени сана митрополита, управлял пятидесятью приходами с помощью трех викариев: архиепископа Филадельфийского и Карпаторусского Адама (Филипповского), епископа Эдмонтонского и Канадского Антония (Васильева) и епископа Аргентинского Феодора (Текучева). Первым же воссоединившимся с Московским Патриархатом русским архиереем был епископ Аляскинский Антоний (Покровский), впоследствии Вашингтонский и Сан-Францисский — человек горячей веры и чистой жизни.

Начало второй мировой войны застало Владыку Вениамина в Америке, здесь же встретил он и тревожное сообщение о нападении Германии на Советский Союз. 2 июля 1941 года, выступая на многотысячном митинге в Нью-Йорке в Медисон Сквер Гарден, митрополит Вениамин обратился к соотечественникам, ко всем людям, сочувствовавшим борьбе с фашизмом, и подчеркнул особый, промыслительный характер совершающихся на Востоке Европы событий: «От судьбы России зависят судьбы всего мира!» Как известно, Великая Отечественная война началась в день, когда Русская Православная Церковь отмечала память Всех святых, в земле Российской просиявших. На это Владыка обратил особое внимание: «Это есть знак милости Русских Святых к общей нашей Родине и дает нам великую надежду, что начатая борьба кончится благим для нас концом»[6].

По благословению бывшего епископа Белой армии шла помощь Красной армии, вставшей на пути германских полчищ: оборудование для госпиталей, скромные сбережения эмигрантов, переводимые в фонд Победы, и за каждым богослужением возносились молитвы к Богу о даровании победы русскому оружию. В любое время дня и ночи мог входить с докладом к президенту Соединенных Штатов митрополит Алеутский и Северо-Американский Вениамин — по-

четный председатель русско-американского Комитета помощи России.

Зимой 1945 года, после двадцати пяти лет изгнания, митрополит Вениамин впервые побывал в России. Он прибыл в Москву как член Поместного Собора Русской Православной Церкви. 2 февраля 1945 года под сводами величественного храма Воскресения в Сокольниках Владыка Вениамин от имени епископата, клира и мирян Патриаршей Церкви в Америке назвал кандидата на патриарший престол — «Высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского».

Вскоре после войны Владыка Вениамин окончательно возвратился на родину. В 1947 году ему было вверено управление Рижской и Латвийской епархией. «Радуйтесь, всегда радуйтесь, и в скорбях радуйтесь»,— этими словами приветствовал он свою новую паству.

Митрополит Вениамин был деятельным участником празднования в июле 1948 года 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви и проходившего одновременно Совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, на котором он входил в состав комиссии «Об англиканской иерархии». Владыка выступил с рефератом, содержащим изложение его многолетнего опыта взаимоотношений с деятелями англиканского исповедания.

Потом было служение в Ростове-на-Дону (1951—1955).

Приближался вечер жизни — золотая осень святителя. Ему было уже семьдесят пять, когда в 1955 году он получил назначение на Саратовскую кафедру. Следует по достоинству отметить тот исключительный вклад, который был внесен Владыкой Вениамином в послевоенное восстановление епархиальной и приходской жизни нашей Церкви, порушенной в 20-е — 40-е годы. Силы уходили, Владыка стал часто болеть.

В 1958 году митрополит Саратовский и Вольский Вениамин, согласно его прошению, был уволен на покой и переведен на жительство в Псково-Печерский монастырь. Живя в уединении в стенах древней обители, Владыка много пишет. Иногда, если позволяют силы, совершает богослужения и произносит вдохновенные проповеди.

...Когда Владыка покидал свою последнюю кафедру, он писал одному из своих корреспондентов о том, что отправляется в Печоры и думает провести там оставшиеся два-три года. Больше он и не прожил. Скончался Владыка 4 октября 1961 года — в день святителя Димитрия Ростовского — и был погребен в знаменитых пещерах обители.

Митрополит Вениамин оставил по себе светлую память и огромное письменное наследие: труды по богословию, богослужебные тексты, проповеди, жития и автобиографические записки. Есть переводы из молитв святого Ефрема Сирина, труды, посвященные строю богослужения и объяснению праздников Православной Церкви, объяснение Молитвы Господней «Отче наш» и трактат «О имени Божием». Им собраны выдержки из Творений святых отцов, посвященные догмату об искуплении. Чрезвычайно актуальны сегодня его замечательные книги «О вере, неверии и сомнении» и «Письма профессора о вере».

Особое место занимают «Записки архиерея», в которых митрополит Вениамин размышляет о путях церковного устроения в новых условиях.

Его книга «Божии люди»[7], в которой дана целая галерея портретов русских праведников, вряд ли оставит равнодушным читателя.

Увлекательная и поучительная книга воспоминаний «На рубеже эпох» — живое свидетельство о событиях нашей истории, свидетелем и участником которых довелось быть Владыке Вениамину, о людях, с которыми он встречался на жизненном пути. Даже если мы просто назовем некоторые имена этих людей, то один этот перечень вызовет неподдельный интерес: митрополит (впоследствии Патриарх) Сергий (Страгородский), епископ Феофан (Быстров) — царский духовник, император Николай II и его супруга императрица Александра Федоровна, митрополит Антоний (Храповицкий), Г. Е. Распутин, А. Ф. Керенский, барон П. Н. Врангель и многие другие... Читая книгу «На рубеже эпох», мы то оказываемся в атмосфере патриархальной крестьянской семьи, то переносимся в аудитории Санкт-Петербургской Духовной Академии, взбудораженной революционными событиями 1905 года. На наших глазах совершаются жестокая и бессмысленная расправа над тверским вице-губернатором в февральские дни 1917 года, захват Кремля юнкерами во время октябрьских боев в Москве... Вместе с автором мы присутствуем на заседаниях Поместного Собора, восстановившего в Русской Церкви патриар-

шество и избравшего посредством жребия на престол московских патриархов святителя Тихона. Одна за другой сменяются картины: объятая пламенем гражданской войны Россия; переполненная камера в севастопольской «чрезвычайке»; Крым — последняя надежда Белого движения. Смешанное чувство боли, гордости и жалости пронзает сердце, когда Владыка Вениамин приводит нас к маленькому костерку, разложенному на гребне Перекопского вала: перед самым закатом Белого движения в России, может быть, на пороге собственной гибели, «русские мальчики» — «вечерние жертвы» за грехи отцов — исповедуют свою веру и цель — сражаться «за Бога и Родину»...

Предстает перед нами и жизнь наших соотечественников в изгнании; проходят перед мысленным взором страны и народы, среди которых довелось служить Владыке Вениамину...

Замечательная книга, написанная замечательным человеком!

Сегодня она предлагается вниманию читателей «Журнала Московской Патриархии».

Остается добавить, что для публикации подготовлен машинописный экземпляр записок митрополита Вениамина, хранящийся в библиотеке Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность за предоставленную возможность пользоваться материалами из монастырского книгохранилища.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вошло в книгу воспоминаний митрополита Вениамина «Записки епископа» (в другой редакции «Записки архиерея»). Машинопись. Новочеркасск, 1954.

[2] В 1932 году в Париже в «Православном издательстве» вышла книга епископа Вениамина «Небо на земле. Учение о. Иоанна Кронштадтского о Божественной литургии». Сохранились размышления Владыки Вениамина над дневником отца Иоанна «Моя жизнь во Христе».

[3] Так стали именоваться при Врангеле вооруженные силы Юга России.

[4] О крестном пути пастырства: Слово, произнесенное в храме Санкт-Петербургской Духовной Академии в день годичного акта.— Христианское чтение, 1911, с. 545.

[5] Епископ Феодор (Текучев). Памяти митрополита Вениамина (Федченкова). Машинопись. Печоры, 1966.

[6] Слово митрополита Вениамина, Экзарха Московской Патриархии в Америке.— В кн.: Правда о религии в России. М., 1942, с. 291.

[7] Митрополит Вениамин (Федченков). Божии люди. М., 1991.

Алексей СВЕТОЗАРСКИЙ,
преподаватель МДАиС

Митрополит Вениамин (Федченков)

На рубеже двух эпох

Предисловие

Жизнь моя идет уже к закату, хотя один Бог знает, сколько еще придется утешаться Божьим миром и его красотами.

Кое-что мне пришлось видеть за эти 60 с лишним лет. И иногда самому приходила мысль записать кое-что из пережитого, советовали то же и друзья. Но все как-то откладывалось это решение. А в это лето мне пришлось познакомиться с новым советским консулом в Соединенных Штатах Евгением Дмитриевичем Киселевым. С его позволения я на первый раз поделился несколькими биографическими фактами из моей жизни, попутно освещая и принципиальные вопросы момента. Выслушав меня очень внимательно, он неожиданно для меня сказал следующее:

— Вам все это нужно записать.

— Почему?

— Вы жили на рубеже двух эпох, много видели в обеих — все это само по себе интересно. Но думаю, что это было бы важно и для истории: она будет писаться на основании разных документов, а ваши воспоминания незауряд-

---

Редакция сохранила своеобразие лексики и стиля автора. Пунктуация и орфография приведены в соответствие с современными нормами правописания.

ные, вы приняли новую эпоху не легко и не сразу, потому ваши переживания особенно важны как материал для будущего историка.

Удивившись такому предложению, я стал немного возражать консулу, не зная, однако, что решить. Видя мое смущение и догадываясь отчасти о некоторых мотивах его, Евгений Димитриевич поспешил на выручку:

— Конечно, вас может остановить ваше религиозное убеждение: не будет ли это занятие признаком самолюбия? Но посмотрите с другой точки зрения на нравственный долг перед Родиной...

Заранее оговариваюсь, что я не собираюсь описывать всю жизнь свою сполна, а остановлюсь преимущественно на общественной стороне пережитого. Не буду углубляться здесь в духовную сторону моей личной жизни, хотя, собственно, в ней лежал и лежит центр моей души. И на церковных событиях истории буду останавливаться по преимуществу и больше для того, чтобы уяснить связь их с общественными течениями.

Таким образом, характер этих записей будет собственно политически-социальным, все остальное будет служить материалом для освещения этой общественной стороны на грани двух эпох.

Разумеется, я не придаю своим записям какого-нибудь особого значения, но вот так думал один из архиереев Русской Церкви этого времени.

Никакими другими справками я не намерен подтверждать свои воспоминания: буду писать так, как это представляется мне теперь, в данный момент. Надеюсь писать интересно. А теперь — с Богом в путь! Кажется, он будет не коротким, но запишу то, что почту интересным и для себя, и для читателей.

И еще одно размышление. Может быть, кому-либо покажется не архиерейским делом заниматься политически-социальными записками. Но, как сказано, выполню свой долг перед Родиной. А всякое патриотическое дело нашей Православной Церковью считается нравственным: будет ли это служение на войне или в партизанах, или творчество писателей на пользу Родине, или же послания нашего Первоиерарха, Митрополита Московского Сергия[1], воодушевляющего народы на борьбу с современными врагами человечества — немцами, или сбор денег на танковые колонны[2], или речи в защиту нашей Родины, или вот эти записки в поучение потомству,— все такое, связанное с именем Родины, Церковь, верую, благословляет и благословит.

Несомненно, у архиерея есть более высокие и специальные духовные задачи: религия, внутренняя жизнь души, церковное устройство, наставления о вере, богословские труды. Среди моих рукописей лежит довольно материала и по этим вопросам.

Но всему — особое время: иногда и архиереи могут больше отдаться общественным делам, не забывая, конечно, главного своего дела: «молитвы и служения словом», благовестия — как сказали в свое время апостолы, избирая специальных семь диаконов на общественное обслуживание бедных, сирот и вдов в первые дни христианства, чем сначала занимались сами апостолы. И наша Церковь всегда шла с жизнью своего народа: история преодоления татарского ига, изживание «смутного времени», двенадцатый год, благословение освобождения крепостных крестьян, теперь сотрудничество с Советским Союзом народов,— все это благословляет и меня. Итак, Господи, благослови!

Примечания

[1] Митрополит (с сентября 1943 г.— Патриарх) Сергий — в миру Иван Николаевич Страгородский (1867—1944).

[2] На деньги, собранные верующими Русской Православной Церкви, были построены танковая колонна им. Димитрия Донского и эскадрилья им. Александра Невского.

ДЕРЕВНЯ

Мой отец, Афанасий Иванович Федченков, родился крепостным. Его отец, Иван Ильич, и мать, Наталья, принадлежали помещикам Бельского уезда Смоленской губернии Баратынским. Иван Ильич был плотником и столяром на «дворне». Так назывались крепостные крестьяне, служившие в помещичьем хозяйстве, или, как говорили, «имении», в отличие от крестьян-землевладельцев,

живших в деревне (или в селе, если там был храм). [К «дворне» относились] управляющий барским [поместьем!]; иногда «бурмистр» — чином ниже, конторщик, заведовавший письмоводством; приказчик, исполнявший приказания управляющего по сношению с народом; после, в мое время, называли его «объездчиком», потому что его всегда можно было видеть верхом на лошади с кнутом, или приглашающим крестьян на полевые работы, или наблюдающим за исполнением их. Я помню такого объездчика — Тимофея Ивановича и его жену, всегда розовую женщину. Ее именем никто не интересовался, довольно было, что она «жена Тимофея Ивановича». Не знали и фамилии их. Зачем это знать о «маленьких» людях? От многолетней езды у него и ноги выгнулись колесом, нос был всегда красноватым: вероятно, укромно выпивал, но это никого не касалось. Потом шли: ключник, владевший ключами от амбаров с хлебом; садовник, выращивавший господам (а иногда — еще раньше — и управляющему) ранние огурцы, дыни, ухаживавший за стеклянной «оранжереей» при барском доме, с персиками и разными цветами. Повар на барской кухне. Лакей в барском доме, экономка, горничная, которых мы мало и видали, как и вообще господ; кузнец, плотник, кучера — один или два специально для барской конюшни, он же почтарь, а третий — для управляющего и общей конюшни. Собачник, ухаживающий за целым особняком с гончими собаками для барских охот. При мне был кривой на один глаз Иван Родионыч, старый вдовец. Потом пчеловод: помню иконописного бородатого старца удивительной кротости, его можно было видеть лишь на огороде под горой, где был и чистенький пчельник; там он и жил, как настоящий отшельник, зимой переходил в подвальную комнату под «Тимофеем Ивановичем». Звали его Михаилом Нестеровичем. Он был братом Андрею Нестеровичу Заверячеву, управляющему имением в «нашем имении», а его сын — Михаил Андреевич, мой крестный, управлял уже в мое время, после панщины. Ну, потом были разные подручные помощники: заведующий овчарками, птичница, коровница, пастух и проч. Овчар у нас был Гавриил Андреевич. Фамилиями мы мало интересовались: разве уж кто выделялся особо... Ах, какой это был умный и способный человек! И хитрый, но хитрость — от ума: нужно было ко всем прилаживаться, и у него уже выработалась слащавая улыбочка, когда он говорил с высшими себе. Ну, а на рабочих властно покрикивал, когда нужно было. Если бы ему дано было образование, был бы из него большой дипломат. Голова! Слышал я, что у него семья живет бедно (он имел избу в деревне почему-то); но какое кому дело, что кто-то живет впроголодь? Об этом мало думали тогда... Пастух был последним в ранге всех этих служащих, и когда хотели указать на самое низкое и бедное житье, то говорили: «Смотри, а то пастухом будешь». И всех нас звали «дворней», вероятно, от слова «двор», «придворные». Помещичий же дом был по подобию царского дворца, центром; а мы, окружающие, и составляли его «двор», или, говоря более униженно, «дворню».

Ни мы сами себя, ни даже земледельцы-крестьяне нас не очень высоко почитали, так что слово «дворня» произносилось скорее с неуважением, хотя мы, собственно, составляли уже промежуточный слой между высшим, недосягаемым классом «господ» и крестьян, «мужиков». Управляющий же, бывший фактически господином над всеми нами и «мужиками», занимал уже исключительное положение, близкое к барскому.

Вся эта дворня, включая и управляющего, была безземельной и до и после освобождения крестьян, потому вся ее жизнь зависела исключительно от помещика и управляющего. Лишись мы «места», службы — и тотчас же становился перед нами вопрос: чем и как жить, чем питаться, где найти просто место для избы, для существования под солнцем? Но странно: как-то мало об этом думали не только господа наши, но и мы сами.

У крестьян, тогда большей частью звали их мужиками, так буду звать их дальше и я в записках, был хоть какой-нибудь кусок земли, прежде барской, а потом и собственный клочок. А у нас, безземельных,— ничего: ни избы (так звали наше жилье в отличие от барского дома или дома управляющего), ни земли для постройки, ни огорода даже.

Я описываю все это по своей памяти, хотя и родился через 20 лет после освобождения крестьян, но старый быт дворни еще хранился по традиции почти целиком, и я отлично все помню.

Чтобы кончить с описанием жизни в «имении», нужно рассказать еще особо о самих господах.

Господа жили всегда среди прекрасного сада в замечательном, как мне тогда казалось, дворце. Этот барский дом для нас был недосягаемым: никто из простых смертных туда не допускался. И мне он представлялся (хотя я никогда так и не удостоился видеть ни одного барского дома целиком) волшебным замком, раем на земле, где живут существа необыкновенные, не как мы. Впервые я имел волшебное счастье попасть в дом Баратынских, когда мне было года три-четыре. Господа (я помню лишь единственный этот случай) на святки устраивали своим детям елку и, вероятно, после них приглашали на нее и детей дворни с родителями, заготовив для них «гостинцы» — сласти. Это было зимним вечером. Чтобы довезти нас до барского дома и отвезти обратно домой, нам дали с конюшни «буланку» с санями. Звездное небо, искрящийся снег, скрип санных полозьев, вся эта красота и сейчас стоит перед моим взором как живая. Но когда нас провели в барский зал, то я от восторга не знал, где я, не в раю ли. Невероятно высокие потолки, красивое убранство зала, «необыкновенные существа» — господа, такие все красивые и нарядные, все улыбаются. И среди всей этой волшебно-сказочной прелести еще огромная елка до потолка: с зажженными, мерцающими свечами, серебристыми нитями, со звездами, игрушками, сластями. Нас водили хороводом вокруг нее... Потом раздали подарки, и буланка доставила нас с «неба на землю». Кажется, я и спал еще в очаровании, больше уже никогда не повторившемся в такой яркой силе красоты...

Кругом дома — обычно красивый парк, иногда целая роща, аллеи, клумбы цветов и всегда особый подъезд, в начале которого два белых столба, иногда перекрытые, как арка. Никому эти столбы не нужны были, но они отделяли жизнь простых людей от небожителей. И хорошо помню: эта застава производила на меня в детстве торжественное впечатление: отселе начнется особый мир! А в одном имении в столбах такой арки были клетки для медведей, и я еще сам видел их.

В главном селе был храм. Он обычно строился рядом с парком. Тут же, внутри кирпичной ограды, было барское кладбище, где хоронили семьи усопших помещиков и священников, а диаконов и псаломщиков, если не ошибаюсь, хоронили уже на общем кладбище. Классовое различие распространялось даже и на клир. Например, на праздники Пасхи, Рождества и Крещения, когда духовенство посещало с молебнами дома господ, то священник и диакон приглашались потом к столу в барской столовой, а дьячок должен был кушать в лакейской комнате, как низший по рангу. И никого это не удивляло, такие порядки были искони... Ворочусь к кладбищам. В ограде церковной стояли мраморные красивые памятники с мерцающими, неугасимыми, кое-где разноцветными лампадами в углублениях и с соответствующими надписями из слова Божия. Между ними — чистая дорожка, усыпанная песком. И все это укрывалось под листвой долголетних деревьев. В свободной от могил передней части внутриоградной земли был лужок: здесь летом сидел народ, дожидаясь службы, или в перерыв между утреней и литургией.

За оградой, в десяти-двадцати шагах, было (это, конечно, не везде так) другое маленькое кладбище, окопанное рвом и обсаженное сплошными кустами колючей акации. Здесь вот хоронили из дворни, да и то не всех, а кто повыше, тут ставили на могилах деревянные кресты.

А вдалеке, приблизительно в версте, было уже общее мужицкое кладбище. Тут уже не было ни ограды, ни кустов, а только старая канавка, почти заравненная от времени землей. На могилах кое-где были кресты, а то — лишь уцелевший основной кол. Все заросло травою; и только — будто придумано для цельности картины заброшенного места — росла одинокая небольшая березка. А в углу кладбища также уединенно стояла большая ветряная мельница. Когда-то, в незапамятные времена, сорвало бурей крылья и весь деревянный верх, а кирпичный нижний, очень высокий остов сохранился, и его далеко видно было на месте возвышенном. И такое унылое было это третье кладбище, вдали от людей, жилья, среди голого поля... Но с ним связывается у меня одно умилительное воспоминание.

Был засушливый год. Я, уже будучи тогда студентом Духовной Академии, по обычаю и любви пел на клиросе с дьячком Павлом Андреевичем Космодамианским (фамилии-то какие традиционные!). Он обладал прекрасным нежным тенором и ходил еще с длинной косичкой и в подряснике, по старому обычаю. А история его голоса — тоже не случайная. В стародавние времена помещики, строя храмы, заботились и о хорошем пении в них. Таким любителем был и барин Михаил Сергеевич Баратынский, о котором еще расскажу после. И вот он, как рассказывала мне мать, сам подбирал и в члены клира, и в среду своих дворовых людей с голосами. Таким был и Павел Андреевич, помнивший еще крепостное право. Хор давно распался, а он, оставшийся от вырубленной рощи дуб, украшал богослужение. И он знал красоту свою, но проявлял это очень редко: когда-то по праздникам напивался до потери своей шляпы. Отстав от прочего духовенства через пять-шесть домов для угощения, он все же приходил на клирос в растрепанном виде к пасхальной вечерне. Но я вместе с братом замещал его по службе. Скрестивши на груди руки, он пытался петь, но ничего не выходило у него. Видя же, что «все в порядке» на клиросе, он оглядывал нас с нескрываемым презрением как никудышных певцов и, шатаясь, уходил из церкви на продолжение своего удовольствия. Но в другое время это было безответное скромное существо, терпеливо несущее свой жизненный крест и служение Богу.

И вот однажды после литургии группа мужиков подходит к нашему клиру и просит передать в алтарь батюшке (у нас в то время был очень хороший и культурный священник, обремененный, как и большинство духовенства вообще, большой семьей):

— Просим молебен по полям совершить... о дожде...

Павел Андреевич ушел в алтарь доложить о просьбе, а мужики обратились ко мне:

— Афанасьевич (по отцу называли у нас в знак уважения и приятельства, ты уж тоже походи с нами и помолись...

— Хорошо,— согласился я.

Мужчины и женщины взяли крест, хоругви, иконы и под трезвон колоколов направились... куда же? На общее кладбище свое... И там мы отслужили сначала панихиду по всем усопшим. Оказалось, как мне разъяснил по пути батюшка, исстари велся этот обычай: живые молились по умершим, чтобы те помолились там Богу о нуждах живых своих потомков и близких... Мудрый и умилительный обычай Святой Руси... И вот, когда мы отпели панихиду, Павел Андреевич в своем подряснике, с непокрытой головой, грустно подперев правой рукой подбородок, сказал мне тихо, смотря в землю:

— Я думаю: сколько, чай, здесь лежит святых?

— Каких святых? — с удивлением спросил я его. А кладбище стояло уже другое столетие...

— Да как же? Как терпели-то! Крепостное право легко ли было переносить? А несли без ропота до смерти...

И он замолчал задумчиво, словно вспоминая картины тяжелого прошлого и еще так недавнего. Молчал и я.

В это время наши родные женщины-богомолочки бросились по разным концам кладбища, к родным могилкам, и кое-где послышался жалобный плач... Потом мы пошли с пением молитв по полям. Что это были за горячие молитвы! Я и сейчас не могу удержаться от слез жалости и умиления к этим Божьим детям... И не раз на полях приходили мне такие мысли:

— Господи! Ты не можешь не услышать этих бедных чад Твоих! За эту веру их, за слезы Ты дашь им, что нужно им! Дашь! Дашь! — почти требовало чуда сердце мое.

И было оно... В тот ли день или на другой пошел дождь... И не помню я из своей жизни случая, чтобы такие молебны вообще оставались без исполнения.

Недаром же и Лесков в хронике «Соборяне» отметил про протопопа Туберозова подробность: когда его звали служить молебен о дожде, он неизменно надевал калоши и брал зонтик, потому что верил: дождь будет!

Чтобы кончить уже о храме, вспомню одно предание из истории создания

его, лет 130 тому назад. Строили его Баратынские. Но они пригласили к участию и соседнего помещика Артыганьева. Тот будто бы отказался, не знаю почему. Может быть, был «вольтерьянцем» тогда? Баратынский Абрам Сергеевич (отец поэта Евгения Абрамовича, современника Пушкина), один выстроил храм с колоннами, в стиле ампир, времен Александра I. А на трех фронтонах его, под треугольным навесом, он велел написать (если мне не изменяет память) следующие изречения из Писания: на стороне, обращенной на запад, к селу, такие слова: «Вниду в дом Твой и поклонюся ко храму святому Твоему»[1]. Это относится ко всем вообще. А на правой, южной стороне, обращенной к парку (у нас называли его садом), было написано: «Благословен грядый во имя Господне!»[2] — это благословение относилось к благочестивым храмоздателям. На третьем же фронтоне, обращенном к [поместью] отказавшегося Артыганьева, было изображено: «Да будут очи твои отверзты на храм сей день и нощь!»[3], то есть: смотри и казнись совестью как виноватый. Конечно, эти слова можно истолковать и в хорошем смысле — постоянной памяти о месте Божия присутствия и молитвы. Но вот такое предание почему-то передавалось и дошло до меня, не было ли и в самом деле огня для этого дома?

А по связи вспомню уж и о другом предании. Упомянутый выше Михаил Сергеевич Баратынский выстроил длинный одноэтажный флигель, который назывался «флигель Марьи Григорьевны». Здесь романтическая подкладка. Молодой барин служил офицером где-то на украинской Полтавщине и там встретил крестьянскую девушку Марусеньку. Любил ли он ее, или побуждала его совесть, а может быть, он уж и повенчался с нею в церкви, но только, возвращаясь в родное поместье, Михаил Сергеевич взял с собою и Марью Григорьевну. Однако не посмел сразу явиться с ней в барский дом, а оставил ее сначала у крестьян деревни Осиновки, в четырех верстах от своего дома. И уж потом сообщил своей матери неожиданную новость, что он не один, а с любушкою. Мать, как говорит предание, сняла туфли со своей ножки и отхлестала сына по щекам. Потом приказала ему привезти Марью как законную жену в общий дом. Но не выдержала барской жизни украинская крестьяночка: все непривычно было для нее в чужом классе. Тогда барин и построил для себя с нею этот флигель за заставными столбами, ближе к селу, у дороги. А она обсадила его кругом деревьями. Говорили про нее: любила она ходить к мужикам родным, и ее жалел и любил народ. Но несчастлива была ее жизнь: она начала пить, а потом и скончалась скоро. От нее остался сын Владимир и тоже был бедным алкоголиком, так что и ему пришлось выстроить особый домик возле барского. Я его помню. И он умер раньше времени холостяком... Нелегко уживались вместе люди разных классов, хотя одной родины и веры...

Но и о Михаиле Сергеевиче сохранилась в народе добрая память. Он был потом крестным отцом моей матери. Как можно думать и видеть, он был более простым по душе человеком, чем его предки. Жизнь постепенно начала изменяться и изменять людей.

Однако даже и в мое время помещичий и богатый класс жил совершенно обособленной от народа жизнью. И встречались мы с ними лишь в храме: это было единственное место общения, где перед Богом все равны. Правда, и тут для них были особые отгородочки впереди, но никто из молящихся не дивился этому и не осуждал их. Зато все одинаково каялись в грехах перед общим духовником, причащались из одной Чаши, стояли рядом в одном храме, молились одному Богу.

И, пожалуй, нужно сказать, что у благочестивых помещиков было добросердечное отношение к крестьянам. Но были и другие: жили только для себя и мало думали о народе и «меньших братьях». Это были два чуждых класса.

Пошли новые времена. Соседнее имение после роскошной жизни Башмаковых перешло к либеральному члену Думы Маркову[4], но от этого никому не стало легче. Расскажу пример. У моих родителей как безземельных не было места, где бы поставить домик, а рядом был кусочек земли, принадлежащий этому Маркову. Он находился на взгорье, около оврага, и оставался без употребления. Я уже студентом отправился к нему с просьбой продать этот крошечный участок. Но он даже не стал разговаривать со мною. Другой случай. Прямая дорога из разных деревень в город шла через усадьбу этого Маркова; ни крепостни-

ки Артыганьевы, ни Башмаковы не запрещали мужикам пользоваться ею. А Марков обнес свое поместье забором в две версты и закрыл путь проезжим. Пришлось делать объездной круг на версту больше и притом по неудачной узкой дороге. И опять народ молчал: будто так и нужно. Стали мы ездить и ходить кругом и тоже мирились спокойно. Но все же «разговор пошел» уже на этот раз: уже близились предреволюционные годы... О них после.

Еще я помню ребенком старого барина Андрея Ильича Баратынского. Это был грузный старик со строгим взором, большими седыми усами. Как больного его возил по имению на коляске сильный лакей из бывших фельдфебелей. Мы, особенно дети, не смели даже и подойти близко к нему. Скоро он умер, кажется, от сердечного удара. И это весьма серьезно отразилось на всей нашей семье. Но о том речь еще впереди.

Помню и барина известной семьи Чичериных: суровый и недоступный был старец, с седыми густыми бровями. Не помню случая, чтобы он говорил когда-нибудь с крестьянином. После службы в храме молча уходил он по «средней дорожке» рощи (были еще «верхняя» и «нижняя») домой со своей женой Софьей Сергеевной Баратынской. Люди молча снимали шапки и кланялись ему, он молча откланивался, и пути их опять расходились. Народу разрешалось обходить рощу тоже кругом, по «верхней» дорожке, но по «средней», которая вела к дому, ходили помещики да дворня...

Красивые места были везде... Храм — прекрасный, в стиле Санкт-Петербургского Исаакиевского собора, был построен далеко от дома, ближе к селу и беднякам, чтобы удобнее было народу... Неприветлива и строга была барыня. Она выстроила отличную школу для детей округи, давала ученикам ежедневную пищу на обед из дворовой кухни. На восьмое марта, день прилета жаворонков, нам пекли вкусных птичек, в некоторых из них было вложено по серебряному гривеннику. Но все же память сохранила строгий и холодный облик ее. Не помню, чтобы она когда-нибудь улыбалась, как еще менее — муж ее.

Но зато какие были симпатичные, смиренные, богомольные сестры ее, дожившие в девицах до 80 лет и скончавшиеся перед второй революцией.

— Хорошо, что наши барышни не дожили до этих ужасов! — говорили мои родители.

Посещал наши края один из трех составных частей «Кузьмы Пруткова» — А. Жемчужников, но и его мы видели издалека, прогуливающимся с тросточкой по имению М. А. Баратынского, который был женат вторым браком на его дочери. Эта семья тоже была добрыми и благочестивыми людьми.

Пришлось мне слышать от достоверных людей об одном помещике-народолюбе. Я после знал его лично: замечательной души человек! Во время революционного беженства, после вице-губернаторства, шил отлично сапоги. В пути заразился тифом и умер примерным христианином. Но про него мне говорили, что таких, как он, было мало.

Потом пошел новый тип — либерально-революционных владельцев, земцев. Мне их пришлось встречать лишь на земских собраниях, куда я ходил из любопытства... И странно: хотя вход на эти «съезды» в так называемом дворянском собрании был открытым, никто не интересовался ими и не посещал их, а народ просто даже не знал. Этот тип собственников едва ли не дальше был от народного сердца, чем даже иные крепостные господа. Во всяком случае, при разразившейся революции народ не считал их своими, а многие из них пострадали, как и другие из правого лагеря: между этими двумя слоями была вырыта такая уж пропасть, что перешагнуть ее не сумели ни те, ни другие.

Начался приток владельцев из купеческого класса. Я их видел мало. Пожалуй, эти были проще, ближе к народу, потому что их отцы и деды сами вышли из народа. Но богатство ставило стену между ними и народом.

И грозовая буря погнала и эти новые «листья» вместе со старыми дворянскими куда попало, по заграницам. Чужие, чужие были эти классы. Вот каково мое основное впечатление от прошлого.

Что было раньше, в крепостное время, я могу лишь судить по книгам, устным рассказам да со слов родителей. К этому ворочусь теперь в истории моего отца.

Как он рассказывал мне (вообще-то он был скромен и молчалив и лишь

иногда делились воспоминаниями), «университет» его был очень короткий и несложный. За полмеры пшена, полученной от отца-плотника, дьячиха (даже не сам дьячок!) местной церкви обучила его немудреной грамоте — читать, писать, считать. Но мальчик, оказалось, был не только способным вообще, но еще и очень красиво писал. Это и определило всю дальнейшую судьбу его семьи. Способности свои он потом передал по наследству нам, детям: из шести человек пятеро учились в школах первыми учениками и лишь один шел средним, кажется, по причине длительной болезни в детстве... Я нередко и тогда и теперь думаю: сколько же способнейших людей существовало на нашей земле! Сколько было [бы] талантов выращено, если бы им дано было образование! 〈...〉 И здесь, в Америке, во время моих путешествий я столько встречал одаренных рабочих, что иногда удивлялся им: какие из них есть ораторы, умницы, деловые специалисты!

Вот для примера возьму лишь один хотя бы случай из последних дней. 15-летний юноша, один из кучи детей, добирается из Гродненской губернии в Соединенные Штаты. Здесь он проделывает довольно обычную историю эмигранта: смазчик машин на сахарном заводе, потом рабочий по выемке земли, где он сразу был поставлен работать на электрической подъемной машине. Хотя доселе он не занимался этим делом, но пока заведующий рабочими куда-то выходил, наш приятель попробовал одну, другую рукоятку, повертел туда-сюда. «Фозман» воротился и спрашивает:

— Чем занимался?

— Машинами,— смело ответил смазчик.

— Электричеством управлял?

— Управлял,— сказал двухминутный электрик.

— Ну, подними вот эту тачку с землей наверх!

Гродненский землячок повернул рукоятку направо — тачка поползла.

— Спусти!

— Спустил.

— Ол райт! Оставайся, будешь получать сорок долларов в неделю!

Смазчиком имел лишь двенадцать. Потом — приказчиком в огромном магазине, заведующим отделом... Ему доверяют...

Однажды, рассказывал он мне, ему дали два миллиона долларов отнести в банк. Иду один и вдруг на уме мысль: а что если скрыться с этими деньгами? Свидетелей же нет... Но раздумал: года два нужно скрываться, уезжать из Америки, бояться людей. Нет! И так проживу! Потом этот, прошедший лишь два класса сельской школы, гродничанин пять лет ведет с успехом газету, изучив предварительно в два месяца технику машин, ведение дел и проч. А содержание статей, особенно об Америке, я сам просматривал: как бы чего не написали там. И дело шло: он зарабатывал, кормились хорошо сработники, шла газета. Но тут однажды подслушал он невольно разговор в автомобиле двух соседей о неспособности русских устраивать дела по погребальному делу.

— Русские дураки,— говорил галичанин-погребник американцу.

«И вот это задело меня. Как дураки?! — говорил он мне.— Я отказался от газеты, собрал от знакомых деньги на веру, без расписки и открыл свое погребальное бюро. Сначала было трудно. Иной раз и десяти центов не было в кармене. Как жить дальше? Но не унываю, креплюсь. Как-то мою в рабочем костюме автомобиль. Весь грязный. Подходит человек, увидел погребальную вывеску. Оказался немец. Его мать только что умерла, а он из другого места приехал. Спрашивает:

— Может ли ваше бюро скоро похоронить?

— Пойду доложу,— отвечаю.

А сам переоделся во все чистое, причесался: он даже не узнал меня. Похоронили, получил 1000 долларов. Так и потом пошло».

Кстати, газета после него пропала совсем, и инвентарь продали. Теперь он принимает участие в самых разных делах, и все-то у него идет быстро, гладко и в порядке, без неровности, будто между делом, и везде успевает. Ему бы, с образованием, можно поручить любой завод, любое предприятие! А может быть, и министром стал бы.

Вот тоже и мой отец, только не с такой энергией, а тихий, методичный. На разные дела мастер. Поправлял, бывало, часы. Годами не шли в помещичьем доме круглые часы в стене. Отдали ему. Он по вечерам разбирал, перечищал, собирал. И часы затикали. Ему сказали: спасибо... А его никто никогда не учил этому искусству. Да и инструментов у него было немного: конечно, перочинный нож, отверточки, стамесочки, плоскогубцы да... своя голова. Была у него жестяная высокая коробка, где все это было сложено вместе с молотками, старыми гвоздями, обрывками проволоки, испорченными замками и проч. Мать называла эту коробку «магазин отца»... Бывало, при нужде там всегда можно было найти что-нибудь. И плотничал он, и столярничал. После нам пришлось арендовать десятину земли, так он и косил отлично. И петь мог тенором... И управлял молотилкой... Но особенно поражал меня его интерес к звездному небу: он знал имена многих созвездий и объяснял нам. Бывало, сидит вечером таково — тихонько смотрит на небо, покуривает цигарку с махоркой и молча думает, думает. Уже семинаристом, «ученый», я рассказывал ему о планетной системе Галилея — Коперника. Он знал о ней откуда-то. Может быть, из календаря Гатцука[5], откуда малограмотная Русь тогда получала «всемирное» образование... Помолчав немного, он скептически заявил:

— Нет, это не так! Слишком далеко бегать Земле вокруг Солнца.

— А как же, папа, думаете?

И он начал развивать мне свою собственную систему, очевидно давно им выношенную в минуты вечерних созерцаний. По его мнению, солнце «висит» неподвижно наверху, а земля делает круг свой «внизу» под ним, поворачиваясь, как должно, для перемены дня и ночи и времен года. К моему позору, я не мог опровергнуть его системы. Так он и остался несогласным с Коперником! Кто знает: дай ему тихий ученый кабинет, из него, при его методичности, вышел бы недурный астроном... Интересовался, конечно, он и идеей «вечного движения», как все самоучки... А другой земляк наш, старый мельник, с обвисшими усами и лохматой бородой, с подслеповатыми глазами, в огромных очках, Авксентий Ильич, думал, что он уже открыл это самое при помощи водяных турбин... Никто, конечно, кроме меня да моего отца отчасти, не знал и не интересовался думами этих русских мыслителей-самоучек.

Когда отцу моему было лет 13—14, помещики Баратынские послали его как хорошего писца в другое свое имение, из Смоленской губернии в Тамбовскую.

Крепостное право имело железные свои законы и обычаи, и мало кто из крепостных думал о ненормальности и бесчеловечности этих «прав» человека на человека. Отнимают мальчика от отца, матери (независимо от того, есть ли другие дети в семье), и никто не смеет даже задумываться: хорошо ли это, больно ли родителям, полезно ли безнадзорному «хлопчику».

Такова воля помещика, а может быть лишь бурмистра, и почти еще ребенка отправляют на перекладных за 700 верст в другой край. Но так думаю лишь я, отец же решительно никогда не обменивался жалобой на этот «порядок». Наоборот, ему казалось, что так и следовало. Во всяком случае, как-то, рассказывая один раз об этом длинном путешествии зимой на лошадях, он с тайным удовольствием вспоминал, что в лесу на них напал разбойник и разрезал сзади кибитку, но кучер услышал это и особым кнутом, с чугунным кистенем на конце, ударил вора наотмашь через весь возок и ускакал... Что стало с разбойником — не помню...

Отец вообще любил, как и все деревенские люди (да и одни ли они?), все особенное, страшное, сверхъестественное, сказочное. Бывало, везет нас с братом Михаилом из уездного училища домой на святки. В поле за 7 верст — ни души, ни дерева, лишь лошадь впереди да снегом крутит вьюга. Лощины... По дорогам соломенные пешки стоят, качаясь во тьме, как живые люди. У нас только глаза и носы открыты из шуб и башлыков. А отец рассказывает, как вот в этом самом месте «оборотень» появлялся. Кажется, что были бесы, но только не очень злые, а больше пугающие да путающие добрых людей с пути. И почему-то эти существа любили «оборачиваться» преимущественно в диких свиней. Вероятно, что отголосок из евангельского события о вселении изгнанных Господом бесов в гардаринских свиней[6], бросившихся потом в Генисаретское озеро и утонувших. Но иногда оборотни принимали вид собак, волков, вооб-

ще недобрых животных. Пробежит такая свинья перед мордой лошади поперек дороги и видишь ее... вдруг она исчезает... потом опять явится где-нибудь... Мы слушаем затаенно, и нам страшно... Вешки во тьме нам уже готовы казаться оборотнями. А отцу интересно рассказывать: точно он сейчас вот видит все это...

Кстати, припомню и действительно случай. Мой бывший духовник, ученейший епископ, знавший 11 языков[7], ехал из Москвы в Санкт-Петербург с другим моим знакомым, студентом Академии, а после ученым-монахом, и оба они совершенно ясно видели, как параллельно поезду за окнами несся по воздуху черный пес. По совету духовника молодой испуганный юноша уткнулся в колена ему, пока видение не исчезло... Не все так просто, как кажется иным мудрецам!

А один профессор Московского университета даже написал целую книгу: «Простые речи о мудреных вещах»[8], где собрано много фактов из сверхъестественного мира. Народ наш верил в это. И если мы признаем за ним большой здравый смысл, то не нужно раньше времени смеяться над нашими отцами и дедами. Недаром еще Гейне, поэт из евреев, написал: есть на свете вещи, которые не снились и мудрецам[9]... Но вспомню снова об отце.

Доехал мальчик до нового имения Баратынских в деревне Вяжли (вероятно, по имени речки Вяжля, которая крутилась узлами, пока не впадала в Ворону, Ворона — в Хопер, Хопер — в Дон). Еще это село называлось Ильянкой, по имени старого барина, Ильи Абрамовича. Вообще села и деревни назывались большей частью по именам, а иногда по фамилиям владельцев: Софьинка, Натальевка, Марьинка, а иногда — Артыганьевка, Веденеевка, Рачинка (по фамилии известного педагога С. Рачинского): иногда же как-то неожиданно: Царевка, Ядровка, Дербень, Умет, Чутановка, Кананс. Были деревни Осиновка и Березовка, хотя там я не видел уже ни одной осины и березы...

И дальше я не помнил, чтобы отец рассказывал что-нибудь о своей личной жизни в течение последующих 60 лет. «Маленькие люди», что тут рассказывать? А литература писала о «дворянских гнездах» да еще о горожанах. О народе же лишь изредка говорили что-нибудь в книгах: «Записки охотника» Тургенева, рассказы Толстого, «Мужик Марей» Достоевского, Глеб Успенский, потом Горький, Чехов, немного Бунин, Гусев. Но народ наш совершенно не знал этой литературы. И только теперь, в наше время, стали писать авторы из народа, о народе и для народа. И вдруг мы, интеллигенты, неожиданно увидели целый живой мир там! Оказалось, и у мужиков и баб страсти и нежная любовь, страдания и счастье, борьба и победы, грехи и чистота, грубость и благородство души, вера и сомнение, разбой и жалость к преступникам, искание правды, и терпеливое смирение с бедностью, горем и людским насилием, печаль-тоска и разудалое веселье, бунт и терпение, темнота и стремление к знанию, жалость, а еще более — милосердие, себялюбие, а больше — жертвенность.

Все человеческое и такое подчас глубокое, тонкое, деликатное, что умиляешься. Да, мы знаем и странное в нем (в народе.— *Ред.*) Например, моя нянька Арина, помогавшая нашей многодетной матери выпестывать детей, терпела смертные побои от мужа, пастуха Василия, уходившего чуть не на полгода с чужими овцами в степь. На вид симпатичный блондин, он почему-то всегда хмуро молчал, как я помню его: мы потом жили в его избе. Или Арина была виновата неверностью, или еще что, но у нее рубцы от его побоев перекроили все лицо... Потом началась великая революция, и она в ссоре зарубила его топором. Сослали на каторгу... А нянька она нам была хорошая, и мы ее любили и считали за родную. Дочка ее, Анюта, была смиренная, как ангел. Получала же от нас, кроме пищи, кажется, рубль или полтора в месяц. По три копейки в день... Мой брат, мальчик Александр, загоревшийся желанием иметь собственные деньги, месяцами ходил чистить и выпалывать «среднюю» и «низкую» дорожки — по 7 копеек за 10—11 часов работы, да еще на «своих хлебах». Правда, и цены на все были невысокие... А крепостные работали, разумеется, за землю. Дворовые же получали, кроме бесплатного помещения, еще «месячные». Например, на моей уже памяти наша семья получала 2 пуда муки, полмеры пшена, керосин и соль и, вероятно, солому и сено для коровы. А сверх всего — 22 с половиной рубля (почему такая дробь —

не знаю). Но это было 25 лет спустя после освобождения. Нужно же было одеваться, обуваться. Вероятно, была какая-нибудь скромная плата помимо «месячного».

Какое общее воспоминание осталось у меня от рассказов отца о крепостном праве?

Казалось, нужно было бы ожидать от него грустных историй и трагических событий. Но должен сказать правду: за всю жизнь с ним я буквально не слышал ни одного осудительного слова о господах и всем крепостном строе. Странно это? Да. Но так было. «Слова из сказки не выбросишь»,— как говорили у нас на селе. Даже наоборот, он иногда вспоминал о прошлом времени с одобрением.

«Что же,— бывало, скажет,— тогда народ был лучше, не то, что теперь, самовольники». И, подумавши немного, будто вспоминая картины старого времени, добавит: «Ну, по субботам, понятно, секли кое-кого на конюшне... Да ведь поделом же!»

Отчего у него составилось такое воззрение — затрудняюсь сейчас сказать... Могу лишь предполагать. Может быть, и в самом деле мы теперь слишком сгущаем темные краски далекого прошлого, а в действительности все было проще? И теперь ведь много нужды и горя в мире: и экономическая зависимость одних от других и вообще от всего строя жизни давит людей... Или у этих помещиков добрых жилось лучше, чем у других?.. Или великое смирение крестьян-христиан давало народу такую огромную силу терпеть все? Или глубокая идея о суетности и скоротечности этой временной жизни давала ему мудрость философа, народа-богоносца, по слову Достоевского... Или уж данная многовековая, укрепившаяся привычка — повиноваться, подчиняться, со всем мириться — облегчала ему суровость жизни? Или при довольстве, сытости, своеволии самих господ он видел и у них те же болезни, свои страдания, грехи и беды? Или он чуял, что корни несчастий и скорбей находятся где-то глубже и неустранимы? Или просто при своем хорошем сердце и сносной жизни он удовлетворялся малым своим счастьем, не зная другого, лучшего, а если и видел его у господ, то не завидовал им?..

Затрудняюсь ответить решительно: душа ведь сложная и многогранная. Больше я склонен думать вместе с Достоевским и даже с Толстым, что наш народ есть народ-философ, народ-христианин, «хрестьянин», крестьянин, как он сам прозвал себя. Никакой другой народ в мире не называл себя по вере — лишь русские. И отец мой воспитался в такой же философии.

Но возможно, что у дворовых крепостных в отличие даже от рядовых мужиков-земледельцев постепенно вырабатывалась особая психология повиновения, терпения, примиренчества; они были более зависимыми от начальства: не только от помещика и управляющих, но и от меньшей «власти». Они были ближе к «контрольному оку». Мужики жили дальше, самостоятельнее: отрабатывали свои 2—3 дня в неделю, а потом ты — сам себе господин, хозяин в семье, на скотном дворе, в огороде, в хозяйстве, в поле. Эту сторону психологической независимости даже и при крепостном праве, эту власть в своем маленьком мире особенно отмечал Глеб Успенский: земля давала ему (земледельцу.— *Ред.*) силу и опыт. У дворовых же, безземельных, оставался один путь: держаться «места», зависеть всецело от воли владельцев, уйти было почти некуда.

А кроме всего этого, по моему мнению, в терпеливом отце сохранился еще и белорусско-«хохлацкий» характер, как у нас без обиды называли тогда украинцев. Он происходил из Смоленской губернии, но несомненно, что прадеды его были хохлы. Сама фамилия его — Федченко («в» прибавлено, конечно, после, под влиянием великорусского языка) говорит за украинское происхождение наше по отцу. Я и теперь еще люблю слушать украинскую «мову» и часто говорю, что в моем теле смесь: одна половина от отца — украинская, а другая — по матери — великорусская.

В давние времена половцев и татар наши южные предки (Федченки, Мевченки, Прокопенки) переселились вверх, на север и на восток. А пути эти, как теперь по железным дорогам, шли тогда по рекам. И киевский Днепр донес их по протокам до самого Смоленска.

Украинская же психология по многовековым историческим, политическим,

географическим, экономическим, климатическим причинам постепенно выработала из южан особый тип славян-полян: медлительность, сентиментальность, даже нежность и ласковость.

Но одной из черт этого типа можно считать некоторую леность и беспечную податливость, согласие на все.

Я единственный раз в жизни выехал на сербскую станцию волами. И не вынес этой сонной раскачивающейся развалки их: с полдороги соскочил и пришел пешком много раньше. Тут сказалась во мне больше мать-великороссиянка. А эти самые хохлы могут неделями ехать на своих волах и мечтательно мурлыкать или петь свои чудные песни. Помню, большевики-великоросы зимой 1918 г. осаждали Киев, где тогда пановала Центральная Рада[10] с Грушевским, Винниченко, Макаренко и еще с кем-то во главе. А у нас в это время был Украинский Церковный Собор там. Кроме архиереев и очень немногих священников, члены Собора были подлинные «хохлы»... И вот, бывало, снаряды ложатся возле нашего здания на Липках: один попал уже в конюшню, другой влетел в алтарь храма (прежде там было женское епархиальное училище), третий ударил в мраморный верх выходной двери. А наши украинцы после сытного обеда ложатся по койкам отдыхать и беспечно поют: «Ще не вмэрла Украина» или «Виют витры». Дивился я тогда их этой беспечности! В противоположность им, великорос, прошедший более суровую школу истории, преодолевший холодный климат, дремучие леса, короткое лето, холодную зиму, бедную землю, вырос в закаленного жизнью борца, колонизатора, правителя. И совсем неслучайно это великодержавное племя оказалось во главе России.

Так и в моем отце, думаю, оставалась еще эта хохляцкая беспечность:

«Э-э!» — и промолчит...

Помню из одного рассказа Горького, кажется «Ярмарка в Голте», подробность. Среди других возов с товарами стоит телега с «макитрами» (глиняными блюдами, в которых «мак терли»). Два вола, спрятавши часть своего тела в тень воза, медленно и равнодушно жевали жвачку. Рядом с ними лежал и их хозяин, хохол. Он точно не интересовался продажей своих макитр: кому нужно ведь купят! Подходит барыня-хохлушка. Долго она выбирала себе блюдо, все простукивала, а он лежит, будто и нет никого. Наконец, покупщица остановилась почему-то на одной и говорит невидимому хозяину под воз: «Макитра с дыркой». Оттуда, не сразу, медленно следует спокойный и разумный ответ: «Визли биз дирки».

Конечно, эта черта совсем не означает слабости народа. Наоборот, когда хохол додумает до конца и придет к решению, он будет упрямым, как его волы: упрется, но вывезет!

И мой отец спокойно выносил и крепостное право, и отрыв от дома, и тридцатитрехлетнюю службу господам, а потом и горькую нужду. Моя мать в последний раз моего посещения семьи весною 1918 года, провожая меня из дома, между прочим, сказала со слезами:

— Трудно нам жилось! Но одно лишь скажу: отец у вас был святой!

— Почему — святой?

— Уж очень терпелив был: во всю жизнь свою никогда не роптал.

А разве мало было таких отцов на Руси, Беларуси, Украине? Миллионы... И сейчас выносят и вынесут. «Сдюжим!» — сказал один терпеливый селянин про борьбу с немцами. И украинцы заодно уже уперлись... Не устоять немцу.

Но возвращаясь к вопросу о крепостном праве, я должен сказать, не все так благодушно относились к нему, как отец. И прежде всего не все так думала о нем мать наша, великороска.

Ее родители, из давней духовной семьи Оржевских, по имени села Оржевки, никогда не были крепостными, принадлежа к свободному сословию. Отец и дед ее были диаконами, мать — дочерью дьякона.

Рассказывала она, как женили ее отца. Это вообще характерно для старого века... Как-то зимой мой прадед, дьякон Василий, обращается к молодому сыну Николаю, лежавшему на теплой огромной русской печи, со словами:

— Николай, а Николай!

— Что, батюшка?

— Я решил тебя женить.

— На ком, батюшка? — поинтересовался дед мой.

— Да вот хочу взять у отца Василия (тоже дьякона, но из другого прихода, село было большое — две церкви) Надежду.

— Батюшка, это — рябую-то?

А бабушка моя в детстве болела оспою, и на хорошем личике осталось с десяток малозаметных рябинок.

— Ка-ак? Что ты сказал?

— Я говорю, рябая она.

— Да как ты смел это? Ну-ка слезь сюда с печи!

Сын повиновался. Прадед взял от печи рогач да раза два вытянул им по спине своеумного жениха.

— Вот тебе рябая! Что, я не знаю, что ли, кого тебе выбрать? Надежда — смирная, а что рябая малость, так воду с ее лица, что ли, пить? Жить придется с нею. Душа нужна.

— Прости, батюшка! — смирился мой дед,— хоть на рябой, хоть на кривой, ваша воля!

И поженились. И какая она была чудная жена и мать! Преданная, смиренная, благочестивая, чистая, терпеливая (дедушка последние 13 лет болел: от вина погубил рассудок, впал в тихое «детство»), молчальница. Никто никогда не видел ее сердитой или недовольной. Кротчайшее существо было. Могу сказать, святая! И умерла свято, безболезненно, подобно тому, как Л. Толстой описывал тихую смерть своей нянюшки Натальи Саввишны. Я еще помню ее кончину. Стоит рассказать потомству о таких людях: как они жили и как помирали.

Ничем она не болела. Пришла старость. Было ей лет около семидесяти двух. Сложения она была полненького. Спала она на теплой лежанке — это продолговатая кирпичная прокладка сбоку главной печи, но со своей особой топкой. В эту ночь ей не спалось, видимо. В избе нашей горела керосиновая притушенная лампа. Бабушка заметила, что младший наш брат, Сергей, еще младенец, во сне сбросил с себя одеяльце. В нашей избе, точнее в третьей части длинного флигеля, была лишь одна комната, но только третья часть ее до печи была отгорожена перегородкой под кухню. Там же была и столовая, то есть стол для обеда и скамья. А в главной части, которую мы называли «залою», стояла единственная кровать с периною, стол, три-четыре стула и комод для платья да еще горшки с цветами перед окном. В углу, конечно, много икон с лампадкой; в кухне — для молитвы перед пищей и после — висела одна, без лампадки. На постели обычно спала мать с младенцами, отец — на печке, а мы все прочие — на полу, подостлав шерстяной войлок. Было так тесно, что и пройти мимо трудно. Нас было шестеро детей, тогда еще пятеро, да бабушка, а с родителями — восемь душ. Но мы не замечали этой тесноты, нам казалось, столько и нужно. Никто даже не обращал внимания и не жаловался. Спали безмятежно и сладко, нисколько не хуже любых богачей и господ.

Вдруг я слышу (у меня был очень тонкий слух и способность к пению) тихий голос бабушки к моей матери:

— Наташа, Наташа!

Мама сразу вскочила. Она была очень чуткая, энергичная, горячая, не в пример отцу.

— Что, мама?

— Сережа-то разметался, посмотри-ка!

— Очевидно, бабушка сама уже не в силах была покрыть братика.

Ну, мама покрыла. А я все это слышал, мне было лет шесть тогда. Вдруг бабушка начала тяжело дышать. Мама, она тревожная была при всей своей телесной и душевной силе, испугалась. В таких случаях она всегда обращалась к безмятежному отцу, как она его называла сама.

— Отец, отец, проснись!

— Что? — спросил он.

— Маме худо!

Он неторопливо встал, подошел к лежанке, прислушался к дыханию кончавшейся и ровным тоном сказал:

— Бабушка — он так звал ее с нами — умира-а-ет!

Взял из-под икон свечечку, зажег ее и, складывая в холодевшие уже руки, сказал:

— Бабушка, возьми свечечку!

Она удержала ее. Потом еще несколько раз вздохнула и безболезненно, тихо-мирно скончалась. Раздался раздирающий душу вопль матери. Дети все проснулись, и нас, полусонных, переправили в соседнюю комнату флигеля, где жил ключник-вдовец с красавицей взрослой дочерью, тоже Наташей.

Потом похороны. Я нес до церкви, версты с полторы иконочку перед гробом бабушки. И верую, что она, несомненно, угодница Божия, святая женщина в миру. Постоянно поминаю я ее на службах. А в трудные минуты своей жизни молюсь я ей, прошу небесного заступления ее пред Богом... Через полгода скончался у другой дочери, тоже святой женщины, и дедушка.

Отец женился на моей матери, когда ему было уже тридцать три года, а ей — девятнадцать. Он носил уже усы, после отпустил и небольшую бородку, а она имела тяжелую косу. Он был блондин, она — шатенка.

Так вот, моя мама, захватившая крепостное право лишь трехлетним ребенком, конечно, ничего не помнила о нем сама. Но со слов родителей и только что освобожденных крестьян она, конечно, знала, что это было за время. И у нее на всю жизнь осталось горькое воспоминание о нем. Помню, как мать, кончив все дневные работы, присядет около нас с вязаньем чулка (она не могла сидеть без дела) и грустно-грустно, хорошим дискантом запоет песню о «воле»... и плачет, плачет... Я помню лишь первый куплет:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя!
Воля — сокол поднебесный,
Воля — светлая заря!
И вся песня грустная.

Может быть, мать изливала в этой песне и свое личное горе, но главное, она грустила о горькой жизни других, сама же она не была крепостною. А когда заходила какая-нибудь речь об этом времени, и даже если отец вспоминал о нем спокойно или с похвалою, то мать мгновенно разражалась на это целым потоком слов и слезами... Отец обыкновенно тогда замолкал. К сожалению, я не помню, что именно тогда вспоминала она тяжелое, но одно знаю: не выносила она этой горькой доли народной. Была ли она не такой смиренной, как отец или бабушка (скорее она была — в отца), или, сама свободная от рабства, она потому сильнее возмущалась им за других, или по своей активной, горячей натуре, или от родных своих, как более интеллигентных и вдумчивых свидетелей жизни современного им общества, она наслушалась печальных рассказов, или, как великодержавная великоросска, не могла мириться с прибитостью людей, но только она в этом пункте никогда не соглашалась с отцом моим. И он уже не спорил с ней, и вообще в семье нашей, естественно, главенствовала она, как необычайно сильная духом женщина.

Я иногда говорю: ее энергии хватило бы на трех матерей, и все они были бы все же твердыми творцами жизни. Нет никакого сомнения, что воспитанием всех нас, шестерых детей, из которых трое получили образование в высших учебных заведениях, а трое — в средних, мы обязаны больше всего нашей могучей матери. Отец наш, добрая душа, лишь помогал ей в этом, конечно, тоже с радостью. Царство им Небесное за одно это!

У них даже и походка была разная: отец немного сутулился и ходил не спеша, а она, прямая, немного подняв голову и устремивши грудь вперед, быстро и энергично шла, точно на борьбу, а иногда еще по-мужски складывала руки назад. Иной раз, сидя, наклонит голову вниз и о чем-то думает, думает. Конечно — о жизни да о нас, дорогих ей детях.

Но кончу о крепостном праве свои воспоминания. После мне пришлось читать много книг и рассказов о нем. И, порою, просто не верилось, как могли люди так издеваться над людьми, своими же братьями и сестрами! Да еще и христиане... Конечно, смирение прекрасная вещь для смиряющихся, это — великая, чудная, божественная красота в них! И апостол Павел таких смиренных рабов своего времени называет *украшением Евангелия*[11]. Да!

Но владение людьми совсем не божественное дело. Великий святой подвижник XI века Симеон Новый Богослов объясняет происхождение рабства — и политическое и экономическое — прямо от дьявола, который ожесточает одних против других. Конечно, горе можно терпеть, но оправдывать причиняющих его — нельзя.

И еще можно сказать: конечно, всецелое спасение человечества от горя и страданий не приходило и не придет от политических и экономических свобод. Простое доказательство тому — в самих богатых и свободных: разве они лучше бедных и подчиненных? Не хуже ли душою? Не грешнее ли? Не гордее ли? Не жесточе ли? Недаром же сказано Господом: *Трудно богатому войти в Царство Небесное*[12], то есть быть хорошо здесь нравственно, чтобы удостоиться будущей награды там.

Но и это соображение не оправдывает насилия одних над другими: как бы ни было мало или велико зло, оно остается им всегда. И, конечно, если бы мы все были святыми, высокими, идеальными христианами, тогда мы способны были бы переносить все трудности жизни, как их переносили мученики первых трех веков. Но и опять: и тогда были отступавшие от веры из-за жестокости невыносимых мук огнем, колесами с ножами, зверями. И тогда приходилось апостолам все же убеждать, уговаривать христиан, писать им — не отрекаться от креста страданий, терпеть и невинные муки. Значит, нелегко все это было и для святых! А если мы не святые? Тогда к нам относится иное слово того же апостола Павла: *Отцы! Не раздражайте чад своих!*[13] А еще раньше его политический вождь — царь Давид в псалме говорит: Когда гордится (много о себе думает и позволяет) нечестивый, то возгорается нищий», то есть обижаемый, бедняк, подчиненный. И тогда происходит революция.

Ровоам[14], сын Соломона, стал жестоко обращаться со своими подданными. Они взбунтовались, и отделились 10 колен израильских от Ровоама. Он собрал воинство, чтобы подавить эту революцию, но пришел к нему пророк и сказал от имени Господа: «Не ходи и не воюй, ибо это — от Меня произошло!» Значит — Божье попущение или изволение. Иногда у людей (не святых) уже не хватает сил терпеть.

Мне пришлось читать одну интересную книжку, описание страданий одной крепостной девушки Федосьи — современницы преподобного Серафима Саровского († 1833). Ее красота приглянулась барину, но отказалась она быть во грехе с ним. Боже! что потом он делал с ней! Как ее били, истязали по его приказанию. Потом она убежала, скрывалась летом и зимою в лесу. И какие-то бродячие собаки заходили к ней в логовище и согревали тело ее. А уж чем питалась она, и говорить нечего... Но эти мои слова не дают никакого впечатления читателю, нужно читать в подробностях ее страдания. Описал их, со слов ее самой, духовник, священник Новгородской епархии, умерший незадолго до революции. О, сколько таких трагедий знает история, а отчасти и литература!

И я не тому дивлюсь, что бывали восстания крестьян, нужно дивиться тому, что их было все же очень мало. Поразительно мало, как ни вычерпывай их из архивов. И это оттого, что народ наш был необычайно терпелив и кроток... Крестоносец народ. Но потом начало иссякать и смирение, а с ним — и сила терпения. И началось иное,— о чем речь в свое время будет.

Когда же это иное пришло, когда начали страдать уже «раздражающие нищих», то мне пришлось слышать от одной, прежде бывшей очень богатой и знатной женщины, у которой большевики убили единственного сына, такие слова: «Это Федосьины внуки отплачивают за наших дедов!» Она давно, как понимающий человек и как христианка, простила убийц своего сына и теперь молится о победе советских людей над врагами. И, конечно, уж не мечтает о возвращении «доброго старого времени» и прежних богатств, хотя живет сейчас лишь на милостыню американского народа и правительства его.

И других, подобных ей, и даже лучше, видел я.

Один князь, потомок самых великих имен прошедшей истории, К., делился со мною своими мыслями. И между прочим, сказал, что теперь ему ничего не нужно, хотя прежде он был богатейшим человеком в России.

Кто-то из знакомых посетил его скромную комнатку, заметил недостаток мебели и сказал:

— Я вам пришлю кресло.

— Зачем? — просто ответил он,— оно мне не нужно, без лишнего богатства мне живется и легче, и спокойнее.

Но увы! Жена не выдержала такой бессребренности и примиренности мужа и ушла от него, развелась, вышла замуж за другого. Не легко такое бескорыстие и бесстрастие к земным благам, другие защищали и защищают их всеми способами.

Помню, как единственный раз мне пришлось быть в Государственной Думе на прениях о передаче земель крестьянам. Сам министр Кутлер[15] был за какой-то широкий проект, но его отвергли... И мне припоминается трехчасовая речь южного помещика, князя С. М.-го: каких только доводов не приводил он в защиту крупного землевладения! И что же? Все было отнято потом...

Да, Федосьины внуки заявили свои права. И не нужно винить их одних: не больше ли виноваты деды и прадеды крепостники? Потом я расскажу свои впечатления о деревенской жизни, как уже я застал ее. Я сейчас скажу, смиренен был мой отец, и честь ему, но даже сама жена его, наша мать, в конце концов удивлялась такому его терпению: «никогда не роптал». А не всякий на это способен... С силами человеческими нужно бы считаться больше, чем это бывает... Печальная история случилась и с отцом нашим...

Прослужил отец конторщиком у Баратынских около 33 лет подряд, служил честно, непорочно, как говорят, а в результате — лишение места. По рассказу матери от того времени, случилось это так. Умер старый барин Андрей Ильич. Его трое детей получили все наследство и разделили его. Отцу моему, после такой долголетней службы, естественно было бы получить место управляющего в одном, вновь отделенном имении — в деревне Осиновка, упомянутой выше, в истории Марьи Григорьевны. Но отец был малоспособен к административной власти, как человек мягкой души. Однако, кажется, его прочили на это место. А в разделенном имении он был уже не нужен как конторщик. А тут помешала еще и правда. При разделе имения (не знаю уж кем, не управляющим ли?) брату Илье Андреевичу отведены были худшие места и в полях, и в лесах, и в займищах, то есть в заливных весною лугах. Конечно, отец знал это. И (не по совету ли энергичной матери?) написал обоим братьям Михаилу и Илье (сестра Наталия получила Натальевку) в Москву письмо о том, желая добра своему будущему господину. Но братья на него обиделись — будто отец желает их перессорить. А может быть, была и третья причина: брат нашего управляющего, холостяк Петр Андреевич, тоже метил на это место. И вот однажды утром в зимний месяц я проснулся раньше других детей. Мать уже возилась около весело пылающей печи. Я вертелся около нее тоже радостно, ожидая ухода в школу вместе со старшим братом. А в нашем доме была пословица: «Кто рано встает, тому Бог дает». Но на этот раз, по-видимому (а в сущности, один Он знал, что будет лучше всей семье нашей), случилось иначе.

— Знаешь, сынок,— мне было лет восемь, вероятно,— я ныне видела сон, будто получила я красивое яблоко. Разломила его, а там внутри оно гнилое. Как ты думаешь, к чему это?

Не нужно было иметь большого ума, чтобы ответить ей:

— Не к добру это, мама.

А когда я воротился из школы, родителями было уже получено письмо из Москвы, в котором наши помещики отказывали отцу совершенно от службы.

— Вот, сынок,— в слезах говорила мать,— и яблоко нам: конверт-то белый, а внутри — беда. Что будем делать? Что делать?

Кажется, это было первое горе и в нашей семье, и в моей жизни. Остро оно, почувствовалось и мною. Но протестовать было нельзя. Я часто думал после, как холодны люди к несчастьям других?! Ведь нас тогда уже было восемь человек: родители и шестеро ребятишек! Меньшой Лизочке едва ли был годик или полтора... Куда идти? Чем жить? Кому какое дело? Каждый думает лишь о себе... Да и мы сами такими были, конечно. У нашей соседки, жены лакея барского, было 10—12 детей. Они тоже остались без службы. А ку-

да разбрелись, я не знаю, да, по совести сказать, и не интересовался этим. Не виню и господ теперь я. Такова уж была общая жизнь, общий уклад. Они не были хуже других и даже, вероятно, добрее, но не нужен стал человек, прослуживший им 33 года, и уходи, куда знаешь. А что с ним будет и с шестеркой детей — это на Божью волю. «Бог подаст»,— говорили, бывало, в селе, отказывая через окошко нищему...

Мать моя после очень жалела такого одного полуглупенького Кузьму Ивановича, ходившего без шапки с растрепанными рыжими длинными волосами, с двумя перекрестными мешками за плечами: один — для «кусков» (хлеба), другой — для муки. Бывало, зазовет его, покормит горячими щами или кашей, поговорит с ним дружески и даст еще чего-нибудь в мешок, а то поплачет вместе с ним. Кузьма Иваныч не жаловался: и дождь, и снег, и жар — все терпел равнодушно, точно птица. А где и как он жил, не поинтересовался я тогда и спросить, даже деревни его не знал. Опять — какое равнодушие! Вот господ-то я, пожалуй, готов обвинить за отца и семью, а сам вспоминал об этом нищем лишь тогда, когда наша собачонка неистово лаяла на него: почему-то собаки никогда не любили нищих? А потом тут же забывал: «С глаз долой — из сердца вон...» Нищий, ну, пусть и будет нищим! Другие — богаты, мы — сыты, а ему суждено на роду быть бродягой... Так все мы жили. И кажется, крестьяне больше жалели этих нищих, чем другие. Конечно, в барский дом нищим за куском не полагалось обращаться.. странно! Но ко всему мы привыкаем, будто бы так и нужно...

Впрочем, спасибо господам за одно: они подарили нам ту избу, то есть часть флигеля, где мы жили. Сосед-ключник успел умереть, красавица Наташа не знаю куда делась потом. Общая наша с ними стена отошла в наше владение как часть подаренной избы.

Что было делать? Слезами горю не помочь, или, как у нас говорили, «Москва слезам не верит». Нужно было умудряться жить дальше. Как? Ни клочка земли нет, ни ремесла отец не знает, кроме письмоводства. Видя такое трудное положение, помещики — спасибо им — дозволили нам жить еще год или полтора на том же месте, но без службы.

Отец заарендовал землю и занялся летом бахчей (арбузами, дынями, огурцами). Был приличный доход. На следующий год повторили, но пришла холера, овощей не покупали, и мы остались в убытке. Пора было уезжать из нашей Ильинки.

Нужно было искать своего оседлого места. Те же помещики дали нам для бесплатного пользования клочок земли возле мельницы, откуда брали каждой весной землю для постройки плотины в селе Сергиевка. Туда перевезли мы старую хату, построили сарай для живности (коровы, свиньи, куры). А до перевозки целую зиму прожили у няньки Арины с мужем Василием. Но опять стоял неизбывный вопрос: чем жить, чем питаться, одеваться? И отец то заведовал молотилкой, которую где-то приобрел по случаю; был помощником церковного старосты Чичерина; снимал земли — одну десятину — и сеял рожь, чтобы иметь свой хлеб. И вся наша семья, никогда прежде не работавшая на поле, занималась теперь и этим. Летом мы пасли двух своих коров. Но все же и этого недоставало на прожитие восьми душ.

А тут еще, к общему горю, прибавилось новое: муж сестры моей матери К. В. Богачев лишился тоже и места, и жены (святая была и она, как и бабушка, бывало, по часу — по два вечером молилась) и приехал к нам жить с четырьмя детьми на несколько месяцев. Разумеется, приняли и их.

И вот тут особенно тяжело стало. Тогда родители заарендовали в селе право торговать вином; платили 100 рублей «обществу», а выторговывали 300—400 рублей в год. Выгодное это было дело, но ужасно соблазнительное: постоянно пьяные вокруг, брань, драки и, конечно же, грешное дело. Мне из детей особенно было неприятно, но иначе жить было нечем. Однако через два года у нас явился конкурент, тоже бывший управляющий. Предложил крестьянам на 25 рублей больше, но они готовы были уступить нам за 110 рублей, мать заколебалась. За эти два года отношения между ней и отцом обострились, иногда очень резко... Не хочу и вспоминать здесь об этом подробно. Бывало, сидим все на печи (топили мало, все берегли). Отец что-то читает мол-

ча, мать вяжет, и горькие слезы бегут ручьями из ее глаз. Мы тоже молчим. Ох! Тяжкое время было! Близкое к трагическому ужасу... Да, бедность нелегко переносить, иногда отчаяние подкрадывается к душе обездоленных людей. Хорошо еще, что наша семья была всегда верующей, и это облегчало нам нести страдания...

Когда крестьяне хотели оставить винную торговлю за нами, то мать вошла с улицы, где была шумная «сходка», в комнату, а я был тогда болен, лежал в лихорадке, и спросила меня:

— Как ты, сынок, думаешь?

— Мамочка, бросим это дело. Нехорошее оно! Грех!

— Чем же жить?

— Бог поможет за это как-нибудь.

— Ну, хорошо, пойду, откажусь!

И отказалась, слава Богу.

А летом отец нашел себе старую конторскую работу в том селе, где жила мать девочкою, у Баратынских же, благочестивых старых девственниц, о коих я писал раньше.

Жалованье ему назначили 12 рублей в месяц, и без семьи: опасно было брать такую большую обузу. Так раздельно мы жили опять несколько лет. Потом нам дали все же маленький домик там, и мы переехали к отцу. А свой домик продали в деревню Козловку. Существует ли еще он? Много в нем было пережито и горя, но и радости... Посмотрел бы я на него теперь...

В то время, еще с Сергеевки, началось наше ученье в средних школах. Чтобы существовать и платить за обучение детей, мать пошла в коровницы у тех же господ. Это лишь легко сказать сейчас, а дело было очень трудное: чуть еще начинает светать, мать должна была бежать на «варон» (скотный двор). И там одна, без помощниц, выдаивала с десяток барских коров да свою «буренку». Потом все это убиралось в ледник (погреб). Мать делала для господ масло, простоквашу, сливки, творог и проч. и носила в господский дом. Думаю, что мать иной раз пользовалась и барским молоком для нас, детей. Конечно, грех, но шестеро нас было у нее. Да простит ей Господь это! И отец, бывало, летом нагребет около скирд опавшей ржи и принесет для «курей», как говорилось у нас. Огородик развел он рядом, в 6—8 квадратных саженей. Поставил два улья для пчел, но меда не помню. Так тут мы и жили-перебивались кое-как. Но и за то еще слава Богу и спасибо господам: должно быть, они пожалели мать мою ради кучи детей, потому что имение небольшое, в 500 десятин можно было бы тут обходиться без особого конторщика. Управляющий Чернов, красивый старик, не нажимал ни на отца, ни на мать. Дожили мы здесь до собственного дома и усадебного участка в четверть десятины, но уже в другом селе — Чутановке, купив их у крестьян. Но тогда было уже иное время: мы обучились, стали получать «жалованье» и помогли родителям создать собственный уголок хоть на старости лет.

Спрашиваю я себя: что же? Как прошло детство мое в деревне? Печально или не очень? Конечно, были горькие, иногда даже жуткие моменты в семье. Но дети всегда беззаботны, и, до лишения места и особенно до винной лавки, я весело вспоминаю свое детство. Расскажу несколько светлых воспоминаний.

Первое, что я сам помню (или после рассказывала мать?), это опять о бабушке. Кажется, мне тогда было 2—3 года. В чулане у нас летом была корзина купленных яблок. Бабушка вносила меня туда, и я с трудом перетаскивал свои ноженьки через порог. Она начинала выбирать для меня послаще, скороспелку пресную, а для большей верности сначала надкусывала ее сама и, давая мне, приговаривала:

— Мы с тобой уж пополам.

И когда мне хотелось еще яблок, я ласково просил ее:

— Бабушка, пойдем «пополам».

И мы опять делили, но не пополам, мне много больше.

Как я любил грозы, бурю, дождь! Вот, бывало, собирается туча черная. Все гуще-гуще. Потом видим: впереди нее движутся гигантские, до неба, столбы пыли... А у нас, наоборот, начинает стихать. Куры прячутся невесело... закры-

ваются окна... И вдруг страшный удар грома... И кап... кап-кап... И польет... А гром и молния беспрерывно, беспрерывно; и страшно, и интересно... Так час... другой. И вдруг туча сваливает за взгорье; небо светлеет, облака разрываются, и показывается голубое небо, а потом и яркое солнышко... Растворяются снова окна. Весело вылезают куры! Петух орет победоносно. А мы, дети, засучив штанишки, с непокрытыми головками начинаем бегать по блестящим лужам. Родители всегда поощряли нас на это, почему-то думали, что дождевая вода полезна для здоровья. Мать нарежет хлебца, посыплет солью, и мы, веселые, живые, всем довольные, скачем, смеемся, шалим. И вспоминаются чьи-то стихи, которым научила нас мать или в школе: «Золото, золото падает с неба». Дальше не помню. Возвращаемся забрызганные грязью, но радостные, здоровые... А небо чистое... Солнышко теплое... Трава умыта — зеленая. Хорошо!

Еще. Лето. Созревали яблоки. Отец ведет нас в огромный сад, который обычно сдавался помещиками каким-то купцам из города — этого таинственного еще для меня места в мире, где все иначе, чем в деревне: двухэтажные дома, говорят — богатые лавки, «плитуары» (тротуары). Оттуда мать привозит хорошо пахнущую материю на рубашки и вкусные калачи... Еще далеко до сада, но уже оттуда несется чудный аромат... Входим за ворота. И вижу: зрелые горы яблок разных сортов и цветов. Красота! Сначала мы «пробовали», а потом покупали. Разумеется, мало, чтобы лишь унести с собою. Но и этой радости было довольно.

Пусканье змеев... Отец был особенный мастер, умело клеил их из бумаги на крестообразных деревянных «дранках», с длинными хвостами. Делали и соседи наши. И бывало, пустим мы их на бечевках в поднебесье, и они плавают там, тихо покачиваясь. А мы любуемся, дергая за бечевки. Кажется, я уж никогда после не видел такой высоты их полетов.

Сбор желудей. Это было особое удовольствие вместе с пользой: они нужны были для питания свиней, а нам — новое утешение. Собирались компанией. Кто посильнее, вскарабкивался на дуб и тряс его сучья. Оттуда пулями летели желуди, стуча по нашим головам, а мы со смехом бросались собирать их в ведра, корзины, а после пересыпали в мешки, заготовляя на зиму корм свинушкам... Потом их ранней зимой закалывали. Отец делал это с непонятным мне хладнокровием, а я не выносил их предсмертного визга. Во всю мою жизнь и куренка я не зарезал... Но кушал... Потом свинью опаливали на соломенном костре, красиво пылавшем на первом белом снегу. Разрезали, готовили ветчину, вешали ее на чердак. Но ели ее очень редко, по праздникам, иначе на восемь человек хватило бы ее ненадолго. Вообще мяса мы не покупали и не ели: роскошь эта была не по нашим карманам, хотя баранина тогда развозилась всего лишь по три-четыре копейки за фунт. И лишь на большие праздники — Рождество, Пасху — разговляться — мать варила и жарила то курицу, то утку. Но едва ли индюшку. Это была бы чрезмерная трата, разве что потроха из нее да головки с ножками. Все это потом нужно было продавать, добывать деньги, копить их. А зачем — будет ясно дальше... Попутно скажу, что ели мы скудно. А отец, кажется мне и доселе, едва ли когда наедался досыта. Да и мать все думала о нас — детях. У отца живот всю жизнь был подтянут, как будто у исхудавшего больного. Уже после, когда мы выросли, помню, как Сергей, младший брат, но более крупный, бывало, спросит:

— Мама, я могу отрезать себе ветчины?

— Отрежь!

Он лез на чердак, отрезал и ел один. А мы, другие, молчали. Как-то неловко было ему и нам, но нельзя было всем резать. Маленький это случай и редкий, конечно, но, не правда ли, показательный?

Однако про себя я не могу сказать, чтобы мы голодали. У нас всегда была корова, а когда и две, и они были нашими кормилицами. И доселе у меня осталась любовь к молоку. Правда, мать всегда снимала с горшков сливки на масло: все нужно было продавать, а мы пили «снятое» молоко, но и ему были рады. Зато по воскресеньям, после обедни, вдруг на столе самовар, пышечки и сливочки. Роскошь. А кроме молока всегда уже было довольно хлеба. Какой чудесный наш русский ржаной хлеб — вкусный, твердый (не как американский «ватный»), «серьезный»,— говорил я потом. Мать раз или два в неде-

лю напекала шесть-семь огромных хлебов, фунтов по 10—12, сколько вмещала печь наша. Потом ставила их ребрами на полку в кухне. И мы знали, что самое главное, «хлеб насущный», у нас есть, слава Богу. Бывало, проголодаешься, и к матери:

— Мама, дай хлебца! (не хлеба, а ласково — хлебца).

А как мы почитали его! За обедом, Боже сохрани, уронить крошку на пол. Грех! А иногда за это отец и деревянной ложкой по затылку слегка даст: на память... И доселе я берегу хлеб, не выбрасываю, подъедаю старый, сушу сухари: лишь бы ничто не пропало.

Деревенские ребята еще больше нас тоже жили хлебом... И иногда кажется мне, будто по всей необъятной России чаще всего слышалось:

— Мама, хлебца!

Но, повторяю, мы были довольны и этим. Другой жизни не знали, а хлеба тогда было вдоволь... После узнали и настоящий голод... Это уже во время революции... И тогда я еще больше понял, что такое хлеб!

И тогда, да и теперь еще, накрошим его в глубокое блюдо, порежем лука, посыпем солью, польем постным маслом, дольем хорошей водой ключевой — и какое вкусное кушанье! Это называлось «тюрей».

Вспоминается ежегодная ярмарка около церкви в селе Софьинке. Сколько мечтаний строили мы задолго до этого! Восьмое июля: «Казанская» (икона Божией Матери)... Чудесное время. Жара, но терпим. Мы останавливались у священника, родственника матери. Как мне все казалось красивым и богатым в «поповском» доме! Несколько комнат. Чистая зала с самотканными разноцветными вышитыми «дорожками» на полу, «женская» мебель из Кирсанова, цветы на окошках, большой, покрытый белой скатертью стол для обеда, и каждому своя тарелка (дома мы «хлебали» всегда из общей «чашки»). А уж о пище и говорить нечего! Кухня отдельно. А дальше вниз огород со зрелой малиной.

На ярмарке веселый гомон, зазывание торговцев из палаток с «красным товаром» — сукном, коленкором, сатином; ржанье лошадей; запах оладьев — «с пылу с жару, пятак за пару»; «кислые щи» — род хлебного крепкого кваса; белые булки, калачи, яблоки, огурцы, конфетки, леденцы, сладкая вода. Балаган с фокусами. Все это нас увлекало... Подальше: косы, топоры, «скрябки», грабли, ножи, вилы — это нас не интересовало.

А в церкви — беспрерывные молебны, древний лысый дьякон и еще не успевший искуситься Павел Андреевич так задушевно, по привычке, поют «Пресвятая Богородица, спаси нас!» Горят свечки копеечные и «семиковые» (по 2 копейки). На пять копеек с позолотой винтом ставили лишь господа да управляющие. Выслушав сразу по приезде молебен, мы спешили на людской радостный гомон. Родители давали нам по пятачку, чтобы мы купили себе чего душа захочет... Весело было.

...Часам к четырем начинался разъезд в дальние деревни. К вечеру на месте веселой однодневной жизни оставался лишь сор, вытоптанная трава, дыры из-под кольев палаток. Да собирались с мальчиком-поводырем куда-то в неведомый мне и таинственный путь слепцы, калеки перехожие, сидевшие с самого утра около ворот церковной ограды и гнусавившие какие-то особые заунывные песни, а бабы, поджав руками подбородки, жалостно слушали, бросали грошики и отходили. А те куда?..

С вечерней прохладой при безоблачной заре на «буланке» возвращались счастливые домой... Хорошо!

...И вообще, я почти не помню грязной осени: или солнце, или крутой трескучий мороз, или зимнее облачное тихое небо и мягкий снег, который я любил... Это характерно для общей картины счастливого детства!

А весна! Боже, что за красота! Здесь люди не знают ее. Еще по юлианскому календарю, а по праздникам: с «Егория» до Покрова, по трем «Спасам», по «Казанской» и «Тихвинской, на «Петра и Павла» да на «Ивана Купалу», от «Спиридона-поворота» (зимы на лето, 23 декабря) до «Ильи-Пророка»,— так вот еще на Сретение солнышко начинало сильнее пригревать снег на соломенной крыше; и капельки отрадно, мирно, не спеша падали вниз, а к вечеру замерзали в прозрачные ледяные сосульки. Нам запрещалось сосать их, но мы все это проделывали тайно, как полагалось... А потом снег все рыхлел и осаживался.

Потом ручьи, журча как живые, побегут повсюду: и на виду, и тайно под снегом в лощинах, на припеках появляются проталины, уже высыхающие. Ломается с треском лед на реках, «икры»[16] (льдины), половодье на версты, первая ловля рыбы в мутной бурной воде. Зеленеет травка; в лесу из-под снега очаровательные ландыши (подснежники? — *Ред.*), ранние фиалки... На «Герасима-грачевника» (4/17 марта) грачи должны прилетать откуда-то с юга; на «Сорок мучеников» ожидаем жаворонков (8/21 марта), печем птичек из белой муки[17]. Где-то в стороне — серые дикие гуси, гогоча, деловито несутся высоко. Описывается весна! Мирно и медленно курлыкают в поднебесье журавли...

А пришло раннее лето: земля разодета зеленью рощ и садов, колыхающейся рожью, низким белесоватым овсом, коричневым просом, темно-зелеными кустами картофеля... Синее небо с медленно плывущими белоснежными кучами облаков... Купанье в речке... И я три раза в жизни тонул, но остался жив, слава Богу... А там вкусная новая картошка, особенно вкусный хлеб из «новины», огурцы, арбузы (изредка). И солнышко, солнышко, солнышко! Сколько в мире красоты!

Как сейчас, особенно ярко вспоминаю чудный летний день. Суббота. В этот день у нас спевка для службы. Место сбора — барский дом Чичериных, в двух верстах от нас. Мать надевает на меня все чистенькое — к господам иду! Мне лет восемь-девять. Вбегаю на взгорье: вправо — конюшня, пробегаю имение, миную развалившуюся «кирпичную»... И перед моим взором чудная картина — впереди чичеринская роща. Направо от нее наш кирпично-красный храм с отдельной колокольней, на ней главный колокол в 98 пудов, а кругом меня и без конца — поля, поля, поля с колосящейся рожью «нашего» имения. Небо ясно. Солнце греет. Ветерок обдувает. И я бегу, бегу весело. Счастлив, как жаворонок в небе... Чист, как ангел, ни о чем не думается... Радостно наслаждаешься Божьим миром... По «верхней» дорожке добегаешь до сказочного замка — дома. Входишь с черного лакейского входа, пахнет особенно, не как у нас — кофе и еще чем-то специальным. В окнах прекрасные висящие цветы «фуксии». Главный лакей — милый безмятежный Тихон Егорыч, с светло-коричневыми «баками» на полных щеках, всегда в опрятном сюртуке и мягких туфельках (барин болен туберкулезом и раздражителен), с улыбкой встречает и тихо, «ш-ш» (показывает знак пальцем), ведет по ковру узкого коридора в комнату «парадного подъезда». Учитель — регент — Илья Иванович, о нем после особая речь, ждет с нами, тоже молча, выхода самой барыни, небольшой, но плотной старушки Софьи Сергеевны... Сам учитель поет басом, Тихон Егорыч — прекрасной бархатной октавой, Семен Иванович, садовник, блондин с льняною же красивою широкою бородою, чистенький,— отличный тенор; у барыни — хороший женский альт, как и у одной дочери учителя, Анюты; мы, мальчики, больше дисканты, бредем за старшей дочкой его, милой, нежной и умной Катенькой, способной певицей.

...Через две-три минуты растворяется зал. Мелькает сзади какое-то райское убранство, которое я не успеваю уловить, и важно, спокойно входит барыня. Мы все почтительно кланяемся... Спевка начинается... А потом опять через рощу, поля, под солнышком домой... Где ты, милое блаженное детство?!

Кстати, у Чичериных была приемная узаконенная дочь Машенька, сирота одной крестьянки (у нас называли проще: «бабы») из Натальевки. Своих детей у них не было. Историю этой необыкновенной судьбы я не знаю. Она была полная, высокая, пухло-беленькая. Говорила по-французски, играла на «фортепьянах», каталась амазонкой вместе с другой воспитанницей у Баратынских — Юленькой... Обе потом были выданы замуж... Наши родители верили и говорили: «Что храм создать, что сироту воспитать, одинаково спасение души от Бога получишь». А эти люди и то и другое сделали. Царствие им небесное! А за прочее строго судить их нельзя: такое время было, такой строй существовал. И вспоминаются слова пушкинского монаха Пимена: «А за грехи, за темные деянья Спасителя смиренно умоляют...»

Может быть, это лишь мое мнение и чувство?

А что думал и как жил прочий деревенский люд в то время, в дни детства моего?

Конечно, я мало еще понимал тогда. Но ведь я свои воспоминания

пишу, а не чужие, это не история, а мои лучшие впечатления, поэтому и о народе скажу то и так, что и как отложилось тогда на моем сердце и в памяти.

Скажу сразу и прямо: мирно жил народ.

О революции тогда он не думал, как я помню. Это пришло уже потом. Жили же тихо, просто, смиренно.

Вот набросаю несколько картин с натуры.

Перед нашим флигелем внизу, за рекою, полукругом расстилался большой сельский луг. Весною его заливало водою: трава там была хорошая. Пришел Пётров пост. Однажды утром вижу из окна, как ходят люди по лугу с раздвижным саженным циркулем и что-то размеряют. Собрались косить. И вот на другой день после Петровского разговенья весь луг был усеян, как цветами, мужиками с косами, больше — в белых посконных самотканых рубахах, с кумачными подмышниками. Установились в ряды, кто сильнее — в голове. И завизжали косы. Косили весело, точно на праздник вышли. Любо было смотреть, как размахивались руки, поворачивались сильные плечи. И ряды за рядами ложились, как по нитке. А на другой день бабы в разноцветных платках и сарафанах с песнями пошли ворочать подсохшее сено граблями. Еще раз — и копны выросли. И на высокие воза уложили и свезли, а по отаве скотину пустили кормиться.

Пришла страдная пора. Мужики с ранней зари до темной ночи в полях. Трудное это было время: недосыпать, недоедать, не отдохнуть. Но зато — раз в год, а там легче будет; зимою хоть объешься сеном. Свезли хлеб в скирды и молотить обглаженными цепами стали... Нового хлебушка скоро спекут.

«Покров Божией Матери» пришел 1 октября (ст. ст.). Свадьбы справляют во всей округе. На тройках примчали несколько пар молодых в церковь... Все по чину прошло. И обратно домой, к жениху, гулять два-три дня.

А на полях уже взошли «зеленя»[18], радуя хозяйственный глаз надеждой на будущий урожай.

И так из года в год мирно, а временами весело текла спокойная жизнь.

Часто пишут о каком-то повальном и тупом пьянстве мужиков. Я не видел этого, а ведь два года наблюдал их около винной лавки. Пьяницы были исключением, из всей округи я сейчас буквально не помню ни одного лица, ни одного имени таких алкоголиков. Ну, понятно, все любили выпить при случае, но напивались допьяна лишь на покровских свадьбах у себя или у родных. Так что тут особенного?! Раз или два-три в год? Это не пьянство. Нет, народ в массе был трезвым и скромным. Семейная жизнь была в общем тоже чистая, о разводах и не думал никто. На пятьдесят верст кругом я не слышал ни об одном случае развода. Были, правда, побои жен, но и тоже совсем не как правило. Наоборот, жили нормально, мирно. Помню моего товарища по школе, умного мальчика Козьму Саверина. Когда уже он женился, я встретил его. Высокий, стройный, точно вылитый из бронзы блондин. Улыбчатый. Остроумный. С какой любовью он говорил о своей жене и совместной жизни! После он был на селе старостой.

Или вот вспоминается год коронации бывшего царя Николая Второго[19]. Как все готовились к этому! Многие мечтали попасть в Москву, чтобы получить коронационную чашку с орлом. Несколько дней висели по всей деревне флаги. Наша мать распорола наволочку, а отец повесил на месте. И когда пришла ужасная весть о Ходынской давке, то никто не винил царя, а жалели его и задавленных, но скоро и забыли, как забывается все.

Не было и разбоев, грабежей, воровства. Село жило дружно. Когда мы свезли со своей десятины рожь к избе, а отец сделал ток, то на воскресенье пришли на «помочь», то есть бесплатную помощь, бабы во главе с сильной и бойкой Степанидой и в один день цепами обмолотили все...

Вспоминаю и еще картинку. По зимним вечерам мать иногда зазывала на «посиделки» крестьянских женщин и девушек, они что-то пряли, шили и песни пели.

Даже вот одна наивная подробность в том же духе. Когда у нас была бахча, мы приглашали «девок» на «полку». Конечно, за гроши: 12—15 копеек в день. А из нас, детей, кто-нибудь всегда жил на бахче днем и ночью, для этого был сложен соломенный шалаш. Девушки неторопливо, но и не лениво подсекая тяпками (мотыгами) сорную траву, пели безмятежно какие-нибудь песни или частушки. Из песен запомнилось мне начало про какого-то «несчастного» преступника, в моло-

дости бывшего обыкновенным хорошим парнем: «Когда я был мальчик свободный, не знал горя и нужды. Родные меня любили и баловали, как могли». Частушки были невинные: «Шел я верхом, шел я низом, у милашки дом с карнизом»; или: «Едет барин при цепочке, это значит — без часов, едет парень при калошах, это значит — без сапог». А о нас с братом Михаилом пели так: «Как мы девки все вопче (вообще, вместе) у Мишатки (или у Ванятки — ласковая форма имени) на бахче»... Все это мирно и беззаботно.

Конечно, попадались и отрицательные типы, но они были не часты. Например, «сотский» (вроде начальника сельской полиции, у него был один или два помощника — «десятские») села, где мы жили и держали пивную лавку, бывало, пришлет какого-нибудь соседа со своей, известной всему селу, длинной палкой вместо себя и просит дать ему водки в долг. И давали — все же начальство! А десятский однажды в лавке подвел меня: спросил вина и заговорил со мной, облокотившись на прилавок. Я же пошевелил пальцами бороду его. «Как ты смеешь хвататься за бороду?! Разве не знаешь, что за это по закону — в тюрьму?!» Я и не знал этого закона, мне было 10—11 лет тогда. Может быть, и есть закон? «Хочешь мировую?» Мне ничего не оставалось, как тюрьму заменить даровой бутылкой водки. И десятский ушел удовлетворенный, а я лишь несколько лет спустя рассказал родителям о неудачной ласке своей. Но эти факты совсем не трагичные, а скорее смешные, и притом крайне редкие...

Помню однажды злобную выходку молодого парня на сходке против отца с намерением даже и ударить его. Отец смирился, промолчал, и тем все кончилось. Но зато какие смиренные были соседи наши Губановы: отец и сын, оба Василии Васильевичи, выделывали зимние валенки. Работа не чистая. А изба их небольшая, да еще и «по-черному», то есть без трубы — дым из трубы шел по потолку в открытую дверь. Молодой Василий, красивый тонкий человек, схватил чахотку, болел смиренно и скончался в молодости... В чахотке же скончался и Миша, молодой муж нашей Анюточки, дочки няньки Арины. Тоже был смиренный и бодрый.

Нет! Безропотлив был наш народ... Хороший народ...

Но, конечно, жили бедно, кое-как.

Земли было мало. Вот на это приходилось слышать жалобы с детства. Заработков других не было, а идти на сторону кому охота? И можно сказать, что большинство крестьян жило гораздо беднее нашей семьи. И, конечно, не могли скопить никаких денег на что-нибудь иное, кроме лишь на существование. Да и какое оно было? «Щи да каша — пища наша». И хлеб: «Мама, хлебца»... Ну, капуста соленая с огорода, у немногих огурцы. Мяса, конечно, тоже не знали в обычной жизни. Коровка тощая. Пара-другая овец. Лошаденка небольшая, десяток кур. Вот и все... Бедно, бедно жилось. Но терпели...

Вот какою представляется мне жизнь народа в юные мои годы. Вероятно, я не все видел, так как жил все же в лучших условиях, чем они, бедные...

А хаты их — небольшие, зимой обваливали стены и «окошки» почти до верха навозом и соломой, чтобы теплее было. Но зато в избе стоял такой тяжелый воздух, что и дышать трудно. А тут еще, как известно, то телка нужно взять в избу от отелившейся коровы, то кур на яйцах посадить «под лавку». Да еще и печь нужно закрыть, заглушить пораньше, чтобы не вытянуло всего тепла: от этого угары. И наша семья так привыкла к ним, даже не допускала мысли, что были где дома без угаров. Не верится, а правда. Все, решительно все, приходилось беречь, продавать, откладывать, копить.

И понял я постепенно две русские пословицы. «Сам бы ел, да денег жалко»,— говорили мужики. Все лучшее нужно было продавать: масло, индюшек, свиней, телят, даже и хлеб... А другая пословица говорит более ободряюще: «Нужда заставит калачи есть!» Калач, вообще белый хлеб, это — роскошь в деревне, это — «гостинец» из города. Как же при нужде да такая роскошь? Не от нужды, конечно, калач, а нужда заставляет человека напрягаться, бороться, выковывать силу, ум, бережливость. И если она (борьба.— *Ред.*) кончается удачей, то и до калачей доживет человек. Так случилось и с нашей семьей. Но как это было трудно! Особенно для матери...

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Пс. 5, 8.
[2] Пс. 117, 26; Мф. 21,9; Мк. 11, 9; Лк. 19, 38.
[3] 3 Цар. 8, 29; Втор. 12, 5; 31, 11.
[4] Марков Николай Львович (1841—?) — председатель правления Общества Юго-Восточной железной дороги, член партии октябристов, депутат III и IV Государственных дум.
[5] Гатцук Алексей Алексеевич (1832—1891) — писатель; издавал «Газету Гатцука» и периодическое издание «Крестный календарь».
[6] См.: Мк. 5.
[7] Епископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров) (1872—1940) выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии (окончил в 1896 году со степенью кандидата богословия), в 1898 году принял монашество; в 1901 — архимандрит. За диссертацию «Тетраграмма, или Ветхозаветное Божественное имя Иегова» удостоен степени магистра богословия (1905). С 1901 года отец Феофан исполняет должность инспектора Санкт-Петербургской Духовной Академии, а в 1909 становится ее ректором. Епископская хиротония Владыки Феофана состоялась в 1909 году. Во время гражданской войны, после эвакуации вооруженных сил юга России в Крым, вошел в состав Временного высшего церковного управления. Эмигрант. Жил во Франции. Был молитвенником, аскетом, человеком чистой жизни. Последние годы жил почти в затворе, ежедневно совершая литургию... Его влияние на Владыку Вениамина трудно переоценить.
[8] Книга историка Михаила Петровича Погодина (1800—1875) «Простая речь о мудреных вещах» (2-е изд. М., 1873).
[9] В действительности это цитата из трагедии В. Шекспира «Гамлет».
[10] Центральная Рада — организация, созданная в Киеве в марте 1917 года представителями нескольких партий (социалистического толка) и организаций. Существовала и Малая Рада — исполнительный орган Центральной. В октябре 1917 года с помощью сформированных украинских частей Центральная Рада захватила власть в Киеве и объявила об образовании «Украинской народной республики» (УНР) в составе России, а в январе провозгласила ее независимость. В январе—феврале 1918 года Центральная Рада в связи с захватом Киева красной гвардией перебралась на Волынь. Вернулась в Киев после заключения договора с представителями германского и австрийского командования. В апреле 1918 года Центральную Раду сменило правительство гетмана П. П. Скоропадского.
[11] Тит. 2, 10.
[12] Мк. 10, 25; Лк. 18, 25.
[13] Еф. 6, 4; Кол. 3, 21.
[14] Ровоам — сын царя Соломона и наследник его царства. При нем еврейская монархия распалась на два государства — Израильское и Иудейское (980 г. до Р. Х.). См.: 3 Цар. 12; 2 Пар. 10.
[15] Кутлер Николай Николаевич (1859—1924) — русский государственный и политический деятель, юрист по образованию. В 1905—1906 годах, занимая пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, представил проект отчуждения частновладельческих земель, который не был принят.
[16] В Тамбовской губернии «икрами» называли плавучие льдины, свободно передвигающиеся по реке во время ледохода.
[17] «Герасим Грачевник» (4 марта ст. ст.) — в этот день празднуется память святых Герасима, иже на Иордане, и Герасима Вологодского. Празднование сорока мученикам, в Севастийском озере мучившимся, совершается 9 марта ст. ст.
[18] Зеленя — озимь.
[19] Коронация последнего русского императора Николая II совершалась в Москве в мае 1896 года.

Публикация и примечания
А. СВЕТОЗАРСКОГО

(Продолжение следует)

Житие Преподобного Сергия Радонежского в русской агиографии

(Библиографический очерк)

Ученик преподобного Дионисия, келарь Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин, создал в конце 40-х годов XVII века новую редакцию Жития — «Книгу о новоявленных чудесах Преподобного Сергия». Он написал также Житие своего учителя[36] и Повесть о разорении Московского государства[37].

Почти вся жизнь Симона Азарьина прошла в служении Троице-Сергиевой обители. Будучи до пострижения доверенным лицом княжны Ирины Мстиславской, он пришел в монастырь около 1624 года и несколько лет был келейником архимандрита Дионисия, а затем казначеем келейной казны Патриарха Филарета. В 1631 году он был отправлен в Алатырь на строительство Троицкого монастыря, приписанного к Троице-Сергиевой Лавре. По возвращении в 1633 году в Лавру он последовательно прошел должности казначея и келаря монастыря. Однако в 1654 году Симон сложил с себя обязанности келаря и жил до самой кончины в монастыре, где умер и погребен в 1655 году[38]. В последние дни своей жизни он передал вкладом в Троице-Сергиев монастырь свою библиотеку, в которой сохранилась и его «Книга о новоявленных чудесах»[39].

Записывать новоявленные чудеса Преподобного Симон начал для печатного издания его Жития, которое являло собой стилистическую переработку двух древних редакций. Несмотря на то что Симону не удалось вместить всего записанного в печатную книгу, изданную в Москве в 1646 году по повелению царя Алексея Михайловича[40], он продолжает собирать известия об исцелениях и явлениях святого и записывать их,— всего 76 чудес[41], последние из которых записаны в 1654 году. В Книгу вошло 35 чудес Преподобного, самовидцами которых удостоились быть князь Семен Шаховской («О князе Семене Шеховском, како спасен бысть от моря»), Козьма Минин и князь Димитрий Пожарский («О явлении чудотворца Сергия Козме Минину и о собрании ратных людей на ополчение государству московскому») и другие известные исторические деятели России.

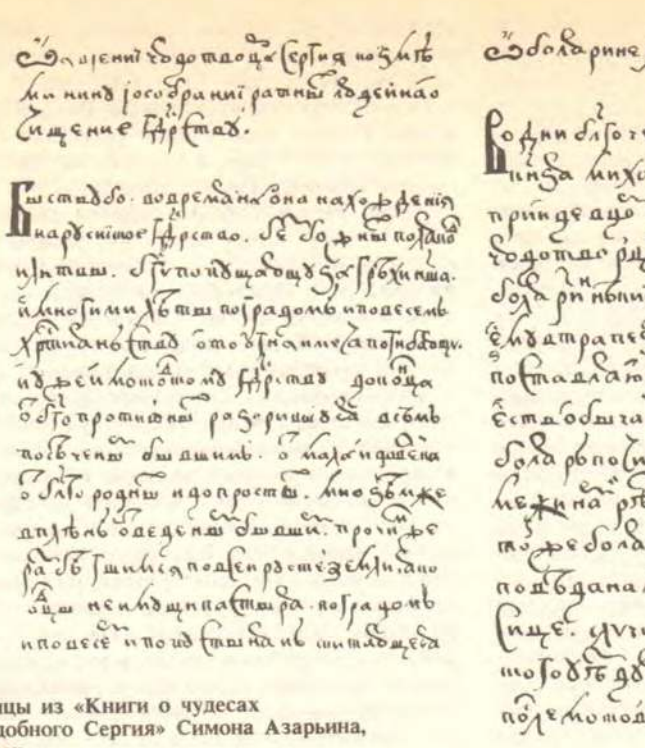
Окончание. Начало см.: ЖМП, 1993, № 1.

А. Н. Попов, опубликовавший в 1881 году во 2-й книге сборника «Чтений в Обществе истории и древностей российских «Повесть о разорении Московского государства и всея Российския земли», первым указал на идейное и стилистическое сходство «Книги о новоявленных чудесах Преподобного Сергия Радонежского» с этим памятником древнерусской литературы, известным исследователям лишь в двух списках (РГБ, собр. МДА, №№ 201 и 203). Эти патриотические сочинения связаны с эпохой Смутного времени, с его героикой и прославлением покровителей русского воинства. Однако по неизвестным причинам Повесть не получила широкого распространения.

На рубеже XVII—XVIII веков святитель Димитрий Ростовский включил жизнеописание Преподобного Сергия под 25 сентября в свою «Книгу житий святых», положив в основу своего сокращенного текста Житие из Великих Четьих Миней. Некоторые чудеса Преподобного святитель Димитрий Ростовский поместил под 25 сентября — днем памяти Радонежского чудотворца[42].

Любопытен и показателен для своего времени источник, дошедший до нас из XVIII века, века «просвещения».

Издавая в 1864 году список Слова о полку Игореве, найденный в бумагах Императрицы Екатерины II в Государственном архиве, академик П. П. Пекарский в предисловии к этому изданию перечислил содержание шести фолиантов собственноручных черновиков ее исторических работ[43]. В их числе была и написанная Императрицей «О Преподобном Сергии историческая выпись», где изложены главнейшие события из жизни святого. В 1888 году П. И. Бартенев, считавший «Выпись» собственным сочинением Екатерины II, доказывающим «внутреннее благочестие, твердость и сознательность православия» воспитанной на книгах Вольтера и Дидро Императрицы, опубликовал этот текст в 69-м выпуске Памятников древней письменности и искусства[44]. Вскоре последовал отклик на эту публикацию: в журнале «Русская старина» была напечатана статья В. С. Иконникова, где он убедительно доказал, что историческая «Выпись» Екатерины II — не что иное, как переделка «Повести о

Страницы из «Книги о чудесах Преподобного Сергия» Симона Азарьина, XVII век

Преподобном Сергии», помещенной под 1391 годом в летописи по Никонову списку[45].

Известно, что в 1760-е годы Екатерина II начала работать над «Записками касательно русской истории», для которых она тщательно собирала как печатные, так и рукописные источники. Записки эти, печатавшиеся в «Собеседнике любителей российского слова» в 1783 и 1784 годах, доведены Императрицей до битвы при Калке. В 1791 году она продолжила свой труд, изучая период княжения благоверного князя Александра Невского, повествование о котором вошло в 6-й, последний том Записок, заканчивающийся рассказом о смерти Василия Ярославича Владимирского († 1276). В это время 7-й том ее «Записок» находился в работе и должен был быть доведен до княжения благоверного князя Димитрия Иоанновича Донского. Занимаясь в 1794 году историей жизни благоверного князя Димитрия, Императрица, естественно, обратилась к жизни его великого современника, Преподобного Сергия, для чего воспользовалась Никоновской летописью, IV часть которой появилась еще в 1788 году[46].

В своей «Выписи» Императрица явно старается удержать обороты церковнославянского языка, однако ей это не всегда удается: она то ведет свой рассказ по-русски, то вставляет церковнославянские конструкции и отдельные слова, тут же в скобках объясняя их значение, например, исперва (сначала), еще живый (то есть живя), поим (то есть взяв). Текст изобилует предложениями характерной для церковнославянского языка синтаксической конструкции «дательный самостоятельный», например, «поздне же, вечеру глубоку сущу, ночию обхожаше келии братии своея», или: «в 1378 году преосвященному Алексию Митрополиту в старости сущу и изнемогшу, привел к себе Преподобнаго Сергия...» Однако иногда там, где эта конструкция была бы уместна, Императрица заменяет ее предложениями с архаизированными «дондеже, егда...»

Редактируя «Повесть о Преподобном Сергии», Императрица допустила некоторые весьма знаменательные изменения, в которых ярко отразился дух XVIII века. Так, выпущены помещенные в летописи (с. 236—238) сказания о видении Пречистой Богородицы игумену Сергию и видение учеником его, Симеоном, сошествия Божественного огня на жертвенник и на молящегося пред ним Преподобного Сергия. Интересно, что сами составители Никоновой летописи не ввели в Житие Преподобного Сергия всех его чудес, сохранив лишь два вышеуказанные, так как они имеют непосредственную связь с кончиной Преподобного. Под влиянием рационалистических идей XVIII века Екатерина пошла далее и выпустила в своей редакции Жития и оба эти видения. Напротив, Екатериной введены в историческую «Выпись» некоторые события из жизни Преподобного и его сородичей, которые находятся не в повести, а в других местах той же IV части Никоновой летописи. Например, рассказ о крещении аввой Сергием сына великого князя Димитрия Иоанновича, князя Юрия (с. 17), заимствован из летописной записи о событиях 1373 года, известие о

поездке Преподобного Сергия, по просьбе великого князя Димитрия Иоанновича к Олегу Рязанскому (с. 19) взято из летописной статьи под 1385 годом (с. 147, 151) и т. д. «Эти замечания приводят к заключению,— писал В. С. Иконников,— что жизнеописание Сергия, составленное Екатериной около 1794 года, не было ее самостоятельным произведением, а предназначалось ею для включения в Записки о Российской истории. Подтверждением этому служит как само заглавие «Историческая выпись», так и то, что в житии Императрица говорит о Сергии лишь как об общественном деятеле, и, если можно так выразиться, политическом, и тщательно устраняет все, что напоминает о его духовных подвигах, проистекавших от свыше ниспосланной ему, благодатию Божией, силы чудодейства, то есть все то, что в житии святых угодников дорого, любезно и понятно только истинно православным русским людям. Составленное ею житие — это отрывки из внешней, формальной истории Русской Церкви, насколько церковная история входит, как часть, в общую историю России»[47]. «Екатерина не вдавалась в отвлеченные тонкости,— заметил и П. И. Бартенев,— она верила в слова Филарета, что «Православная Церковь ограждествовала Россию». «Отсюда,— продолжает современный исследователь и издатель житий Преподобного В. В. Колесов,— устойчивый интерес Императрицы к истокам создания русского общества — в лице Сергия. Рационализм Екатерины вступает в резкий контраст с мистическими откровениями Епифания — основного ее первоисточника; ее интересуют точные даты, исторические события, особенно связанные с жизнью великокняжеского дома... Эклектизм понятий, стиля, языковых форм проходит через всю «Выпись», характеризуя не только саму Императрицу, но и ее время»[48].

XIX век также внес свой вклад в агиографию Преподобного Сергия. Новое Житие было составлено митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым). Оно было предназначено для чтения при богослужении и читано самим Преосвященным Филаретом на всенощном бдении в Лавре 5 июня 1822 года[49]. К жизни и подвигам Преподобного обращались митрополит Московский Платон (Левшин)[50] и известный историк Церкви архиепископ Филарет (Гумилевский)[51]. К 500-летию преставления Преподобного Сергия, 100 лет назад, написал свою книгу «Преподобный Сергий Радонежский и основанная им Лавра» Е. Е. Голубинский. Здесь жизнеописание Сергия, представляющее собой краткое критическое изложение фактов, почерпнутых из разных источников, является как бы введением к «путеводителю» по Лавре, его первой частью. Одним из самых удачных изданий представляется труд иеромонаха Никона (впоследствии епископа Вологодского и Тотемского), бывшего редактором «Троицких листков» и неустанно трудившегося в области поучительно-назидательной литературы. Его труд «Житие и подвиги Преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца» (М., 1885 г.) переиздан в 1989 году, в преддверии 600-летия со дня кончины Преподобного.

Автор, по его словам, задался целью собрать в одну книгу все, что можно было найти в исторической и проповеднической литературе о Преподобном Сергии и соединить в одно целое не только все дошедшие до конца XIX века подробности его жизни, но и те нравственные уроки, которые извлекали из сказания о его жизни проповедники. Побуждением к этому труду служило то же, что побудило и преподобного Епифания в свое время взяться за перо — отсутствие в современной ему духовной литературе полного жития Преподобного Сергия. «Подумать только, что был Преподобный Сергий для нашей Русской Церкви, для русского государства, для русского народа? Он не только был крепким столпом Церкви Христовой, но... уподобил и продолжает уподоблять своей духовной природе и всех близко соприкасающихся к нему людей... Будучи сам важным носителем христианского православного духа, он примером, назиданием, молитвами своими много содействовал и содействует напитанию этим духом всего православного российского народа,— духом, который составляет руководительное начало, крепость и славу народной русской жизни» (с. V). Так характеризует великое духовное значение Преподобного Сергия иеромонах Никон. Обращаясь к Житию Преподобного, он справедливо пишет, что это Житие «переносит нас в новый для нас, хотя и стародавний мир, мир других людей — святых людей,— других воззрений — святых воззрений,— других обычаев — святых обычаев, в мир отречения от мира и себя, в мир святых великих подвигов, в мир вольного неуклонного несения креста Христова... Чувствуешь в душе разнозвучие гармонии этого мира с дисгармонией нашего внутреннего и внешнего мира...» (с. VI) Автор этой книги в предисловии скромно заявил, что его сочинение «не есть ученое исследование». Напротив, его книга — не только прекрасное произведение поучительно-назидательной литературы, но и, действительно, научный труд: об этом красноречиво свидетельствует масса печатных и рукописных источников, которыми он воспользовался, и обширные разносторонние комментарии и примечания к основному тексту Жития. Свою книгу иеромонах Никон украсил рисунками, частью имеющими ближайшее отношение к жизни Преподобного, частью священных предметов, сохранившихся от его времени, «характеризующих художественные вкусы, в каких воспитывались наши предки во времена, близкие к Преподобному Сергию». Рисунки взяты им из рукописной Псалтири XV века.

Среди новейших изданий житий Преподоб-

ного Сергия обращает на себя внимание сборник «Жизнь и житие Сергия Радонежского» (сост., посл. и коммент. В. В. Колесова, 1991). Составленный по «принципу, присущему средневековью», он чрезвычайно удачно сочетает в себе те памятники русской словесности, о которых шла речь в нашем обзоре. Здесь и древнерусские тексты: Житие Преподобного Сергия Радонежского XV века, упоминание о Преподобном в Сказании о Мамаевом побоище, посмертные чудеса святого в сочинениях Авраамия Палицына и Симона Азарьина: и «Выпись историческая» Екатерины II, и научные труды новейших исследователей — Е. Е. Голубинского, Б. К. Зайцева и Г. П. Федотова. Вероятно, желание показать жизнь святого подвижника как можно полнее заставило составителя сборника напечатать первоначальное Житие Сергия в компилированном виде: Житие XV века печатается по составному тексту, изданному архимандритом Леонидом, а отдельные главы — по публикации Н. С. Тихонравова. Это приводит к тому, что текст теряет стилистическую цельность. Думается, что положенный в основу сборника принцип здесь нарушается. Однако чрезвычайно удачно преподнесены примечания к житиям. Литературно-исторические разъяснения можно почерпнуть из работ Е. Е. Голубинского и Б. К. Зайцева, а комментарии автора направлены преимущественно на цитаты и реминисценции из Священного Писания, которые имели важнейшее значение в сочинениях древнерусских книжников и знание которых чрезвычайно важно для правильного понимания текста. Кроме того, В. В. Колесов снабжает древнерусские тексты словарем устаревших форм и выражений, облегчающих читателю ознакомление с древнерусским Житием и помогающим почувствовать язык и стиль произведения.

Вторая часть сборника составлена из работ В. О. Ключевского, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьева, которые постепенно обращают нас от конкретного жизнеописания к проблемам русской государственности и основам Православия. Эта подборка — тоже знак времени — нашего XX века. Работы, представленные в ней, дают читателю возможность ретроспективного взгляда на русскую историю сквозь призму отношения в различные ее моменты к духовному наследию Преподобного Сергия.

Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 14). Так жизнь и подвиги Преподобного Сергия сияют сквозь века его потомкам.

Его молитвами жива и жить будет Русская земля.

ПРИМЕЧАНИЯ

[36] Канон преподобному отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевской Лавры, с присовокуплением жития его. М., 1808.

[37] Повесть о разорении Московского государства и всея Российския земли, како и отчего и откуду начало изыде тех бед и напастей. Изд. А. Н. Попов.— ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 1—51.

[38] Ключевский В. О. Указ. соч., с. 350.

[39] Архимандрит Леонид (Кавелин). Описание книг и рукописей Троицкой духовной семинарии.— ЧОИДР, 1884.

[40] «Службы и жития и о чудесахъ списания преподобныхъ отец нашихъ Сергия Радонежскаго чудотворца и ученика его преподобнаго отца и чудотворца Никона». М., 1646.

[41] Этот текст, составленный в 1646—1654 годах, сохранился в единственном экземпляре в собрании МДА (№ 2031). Опубликован в 1888 году С. Ф. Платоновым: Книга о новоявленных чудесах Преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина. Сообщил С. Ф. Платонов. СПб., 1888 (ПДПИ, т. 70).

[42] [Димитрий Ростовский] Книга житий святых: сентябрь, октябрь, ноябрь. Киев, 1689.

[43] Пекарский П. П. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864 (Приложение к т. 5 «Записок АН»).

[44] Житие Преподобного Сергия Радонежского. Написано Государынею Императрицею Екатериною Второю. Сообщил П. И. Бартенев. СПб., 1887 (ПДПИ, т. 69).

[45] Иконников В. С. Императрица Екатерина II. Житие Преподобного Сергия в ее редакции.— Русская старина, ч. 57, 1888.

[46] Русская летопись по Никонову списку, ч. IV, СПб., 1788.

[47] Иконников В. С. Указ. соч., с. 755.

[48] Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991, с. 313.

[49] Филарет (Дроздов). Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского, всея России чудотворца, почерпнутое из достоверных источников, читанное в Лавре его на всенощном бдении, июня 5 дня 1822 года. М., 1822.

[50] Журнал Московской Патриархии, 1992, № 3.

[51] Там же, 1992, № 5.

В. КИСЕЛЬ

Памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа

Умер великий богослов XX века, пастырь и ученый, известный всему христианскому миру, отец Иоанн Мейендорф. С его смертью, по-видимому, завершилась одна из наиболее блистательных эпох в истории отечественной православной мысли — эпоха русского религиозного ренессанса. Будучи учеником протоиереев Николая Афанасьева и Георгия Флоровского, архимандрита Киприана (Керна) и Владимира Лосского, другом и преемником отца Александра Шмемана, он унаследовал от них глубокую преданность Православию и России, которая никогда не превращалась в консервативный конфессионализм или националистический обскурантизм, но сочеталась с уважением к инославным традициям, самым широким интересом к вопросам культуры и философии, науки и искусства. Тех, кому посчастливилось знать отца Иоанна, он поражал своей феноменальной эрудицией и работоспособностью, простотой и открытостью, своим глубоким умом и большим сердцем. Трудно говорить о нем как об ушедшем. Еще звучит в памяти его голос, еще свежи воспоминания о последних встречах с ним, жизнерадостным и полным энергии.

Протопресвитер Иоанн Феофилович Мейендорф родился 17 февраля 1926 года в Нейли-на-Сене, Франция, в русской аристократической семье. Его предки принадлежали к старинному роду остзейских баронов, переселившихся из Швеции в Эстонию в допетровские времена и получивших российское гражданство при Петре I. Один дед (Мейендорф) был генерал-адъютантом, другой (Н. Шидловский) — членом Государственной думы от партии «октябристов», прадед (А. Куломзин) — председателем Государственного совета и строителем Сибирской железной дороги. Родители отца Иоанна вместе со старшими детьми после революции переселились в Финляндию, оттуда — через Данию во Францию. Отец стал художником-портретистом и содержал семью. В семье говорили только по-русски, и до семи лет Иоанн не знал другого языка. Он поступил во французскую школу, а по четвергам посещал русскую православную приходскую школу. Стал чтецом и иподиаконом при митрополите Евлогии (Георгиевском; † 1946), вокруг которого объединились православные русские эмигранты, сохранившие духовную связь с Матерью-Церковью.

Отец Иоанн рос в «русском Париже». В 30-е годы в Париже издавались две ежедневные газеты на русском языке, были русские школы, консерватория, Богословский институт, гимназия, кадетский корпус, 25 церквей. Русская эмиграция жила надеждой на возвращение в Россию. В Сергиевском Православном институте был сосредоточен цвет русской богословской мысли; профессора института печатались в издаваемом Н. Бердяевым журнале «Путь», впоследствии организовали собственное издание — «Православная мысль». Иоанн еще в юношеские годы заинтересовался классическими языками, изучал историю Византии и патрологию. По окончании школы он поступил в Парижский университет (Сорбонну) и одновременно учился в Сергиевском богословском институте. Постепенно в нем окрепло желание посвятить жизнь служению Церкви и православному богословию. Большую роль в формирова-

нии его личности сыграли, по его собственным словам, участие в Русском студенческом христианском движении, дружба с отцом Александром Шмеманом, общение с профессорами Института, в особенности с архимандритом Киприаном (Керном)[1].

В 1949 году Иоанн Феофилович окончил Сергиевский Православный богословский институт и затем Сорбонну, где ему в 1958 году была присуждена докторская степень за диссертацию о богословии святого Григория Паламы. Он был оставлен при институте профессором церковной истории. В эти годы он регулярно печатает в «Православной мысли» статьи, посвященные экклезиологическим проблемам. Большое влияние оказала на него «евхаристическая экклезиология» отца Николая Афанасьева. С этого же времени начинается его активное участие в экуменическом движении.

К концу 50-х годов жизнь православного Парижа, по словам отца Иоанна, стала «несколько безнадежной»[2]. Представители первой волны эмиграции умирали один за другим, младшие поколения ассимилировались и постепенно утрачивали национальный дух. Приходилось думать о дальнейшей судьбе Православия вне России: можно ли связывать его будущее с умирающей русской эмиграцией или надо искать новые возможности? Русские богословы и пастыри потянулись в Америку. Первым уехал отец Георгий Флоровский, потом отец Александр Шмеман и профессор С. Верховской. Вслед за ними вскоре после своего рукоположения в священный сан в 1958 году (хиротония состоялась в день памяти святого Григория Паламы) отец Иоанн Мейендорф переехал в США, где стал профессором в Свято-Владимирской Семинарии. Одновременно он работал в центре византийских исследований Гарвардского университета «Дамбартон Оакс». С 1967 года он преподавал в Фордхэмском университете, а также выступал с лекциями в Колумбийском университете и Объединенной богословской семинарии. Отец Иоанн был президентом Православного богословского общества Америки, президентом Американской патристической ассоциации, членом Исполнительного комитета США по византийским исследованиям, членом-корреспондентом Британской Академии наук, почетным доктором нескольких крупных учебных заведений.

Уже в годы обучения в Сергиевском Богословском институте ясно обозначился главный интерес отца Иоанна — святоотеческое богословие, в частности учение святого Григория Паламы. Этому великому византийскому святителю, с именем которого связано идейное обоснование богословской доктрины исихастов, посвящено несколько книг отца Иоанна: «Святой Григорий Палама и православная мистика» (1959)[3], «Григорий Палама. Слово о святых исихастах» (текст и французский перевод, 1959)[4], «Введение в изучение Григория Паламы» (1964)[5]. При участии отца Иоанна было подготовлено первое критическое издание греческого текста произведений святителя. Впоследствии отец Иоанн публикует и специальные исследования об исихазме и византийском богословии вообще: «Византийский исихазм: исторические, богословские и социальные проблемы» (1974)[6], «Византийское богословие» (1974)[7]; «Живая традиция» (1978)[8]; «Византийское наследие в Православной Церкви» (1981)[9]. В своих книгах отец Иоанн прослеживает православно-христианскую мистическую традицию, истоки которой он видит в раннем египетском монашестве; основные вехи этой многовековой традиции: *умная молитва* Евагрия Понтийского, *мистицизм сердца* Макария Египетского, учение об обожении святых Григория Нисского и Максима Исповедника, учение о боговидении преподобного Симеона Нового Богослова, византийский исихазм XIII—XIV веков, средневековое русское монашество, преподобный Серафим Саровский и праведный Иоанн Кронштадтский в XIX—XX столетиях. Под *православной мистикой* (в отличие от внехристианского или оккультного мистицизма), отец Иоанн понимает «объективное видение Бога человеком», достигаемое святыми на высших ступенях духовного подвига, всецелое приобщение человека к Богу, при котором «Божественный свет сияет в самом теле обоженного человека»[10]. На примере святого Григория Паламы отец Иоанн показывает, что истинно христианское богословие немыслимо без мистики: «В богословии Паламы тщетно было бы пытаться разделить собственно богословие и мистику: богословский экзистенциализм и мистика иси-

хазма — это два необходимых аспекта одной и той же Истины»[11]. По мнению отца Иоанна, именно мистическая направленность является главным отличием восточной богословской традиции от западной: «В истории восточного христианства мистическое созерцание Бога и богословие всегда находились в тесном соотношении, никогда не упраздняя друг друга. Поэтому и богословие на Востоке не превратилось в сухую науку, в то время как западное богословие постепенно приобрело схоластический характер»[12].

В своих богословских изысканиях отец Иоанн уделял особое внимание христологическим проблемам. Результатом многолетних трудов отца Иоанна в области византийской христологии явилось фундаментальное исследование «Христос в восточно-христианском мышлении» (1969)[13]. В этой книге, так же как и в других работах, посвященных данной теме, он всегда подчеркивает непреходящее значение IV Вселенского Собора (Халкидон, 451 год), сформулировавшего учение о Божественной и человеческой природах Сына Божьего, однако отмечает, что халкидонское вероопределение, хотя и было достаточно сбалансированным, вызвало мощную волну расколов, не изжитых до сего дня. Глубоко изучив историческую и богословскую ситуацию, сложившуюся на Востоке в эпоху Халкидона, отец Иоанн пришел, вслед за профессором В. Болотовым, к выводу о том, что христология сегодняшних «нехалкидонских» Церквей (Армянской, Коптской и др.) является по сути христологией святого Кирилла Александрийского, а потому считал необходимым пересмотреть принятое в православной среде мнение об этих Церквах как о монофизитских и еретических. «В настоящее время,— писал он,— нет сомнения в том, что военное подавление монофизитства в Египте и других местах, навязывание халкидонской иерархии при помощи византийской полиции, частые ссылки действительно популярных вождей египетской Церкви сыграли решающую роль в том, что раскол получил характер национального сопротивления византийскому церковному и политическому владычеству в Египте, Сирии и Армении... Те исторические обстоятельства, которые сделали все эти ошибки возможным в прошлом, уже не существуют... Поэтому для всех нас настало время оглянуться назад, на свои традиции, чтобы ясно увидеть подлинные вопросы... и признать, что Божественная истина может часто выражаться по-разному без нарушения этим разнообразием единства во Христе»[14].

Надо сказать, что проблема христианского единства глубоко волновала отца Иоанна на протяжении всей его жизни. Его экуменическая деятельность началась еще в студенческие годы. Он стал основателем и первым генеральным секретарем «Синдесмоса» — Всемирного Братства православной молодежи; на протяжении многих лет участвовал в работе Всемирного Совета Церквей. Участие отца Иоанна в экуменическом движении было основано, с одной стороны, на строгой защите православных догматов, с другой — на поиске путей к преодолению существующего разделения между христианскими конфессиями. В Париже русская богословская мысль столкнулась с инославием лицом к лицу, и ей предстояло осмыслить исторический путь христианских Церквей, выявить то самое существенное, что между ними оставалось общим. В те годы отец Сергий Булгаков говорил: «Церкви, сохраняющие священство, хотя и разобщены, но не разделены в жизни Таинств. Иными словами, разделение Церкви не проходит до глубины, в своей таинственной жизни Церковь остается едина, по крайней мере, это можно утверждать об отношениях между Православием и Католичеством»[15]. Многие представители русской богословской мысли за рубежом, в том числе отец Георгий Флоровский и профессор А. Карташев, постепенно приходили к мысли о наличии единой Церкви, границы которой выходят за пределы существующих конфессиональных рамок. При этом они подчеркивали, что именно Православие хранит неповрежденным догматическое учение Древней Неразделенной Церкви.

Отец Иоанн Мейендорф ясно сознавал различия между Восточной и Западной Церквами: на эту тему он написал исследование «Православие и Кафоличность» (1965)[16]. Тем не менее ему было глубоко чуждо намеренное противопоставление Православия Католичеству, и он никогда не отрицал благодатности последнего. Несмотря на все, что мы отвергаем в западной тра-

диции, «ясно, что даже после раскола Дух Божий продолжал вдохновлять западных святых, мыслителей и миллионы простых христиан»[17],— писал он. Отец Иоанн говорил о «православно-кафолическом» богословии, подчеркивая его вселенский характер: «Учение о кафоличности подразумевает законную возможность культурного, литургического и богословского разнообразия в единой Христовой Церкви. Это разнообразие не означает разногласия или противоречия. Единство Церкви предполагает полное единство веры, видения и любви, то единство единого тела Христова, которое превосходит всю законную множественность и разнообразие»[18]. Православное богословие не должно быть «восточным» в узко-конфессиональном смысле: «Все христиане стоят перед вызовом единого и в корне расцерковленного мира. Этому вызову нужно смотреть в лицо... как проблеме, нуждающейся в богословском и духовном ответе. Для молодых поколений, где бы они ни были, не существенно, от какой именно духовной генеалогии зависит этот ответ — западной или восточной, византийской или латинской, лишь бы он прозвучал для них истиной и жизнью. Поэтому православное богословие будет либо подлинно «кафолическим», либо не будет богословием вообще»[19]. Тема взаимоотношений Православия с инославием затрагивается также в следующих книгах отца Иоанна: «Православная Церковь: вчера и сегодня» (1963)[20]; «Кафоличность и Церковь» (1983)[21]; «Свидетельство миру» (1987)[22]; «Видение единства» (1987)[23].

В адрес отца Иоанна со стороны людей, которых он в шутку называл «зилотами» (ревнителями)[24], уже при его жизни высказывались упреки в чрезмерной широте суждений, в отсутствии якобы у него истинно православной строгости. По-видимому, на эти упреки следовало бы ответить так, как сам отец Иоанн выразился в своем предисловии к книге протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия»: те кто не согласен с взглядами Флоровского, «должны будут достичь уровня Флоровского в знании источников, иначе их отказ следовать его путем будет неубедительным»[25]. И отец Георгий, и его ученик отец Иоанн Мейендорф основывались в своих богословских умозрениях на творениях святых отцов; оба они изучили святоотеческое наследие столь глубоко и пользовались им с такой виртуозностью, что едва ли кто из современных богословов мог бы сравниться с ними в знании источников. Поэтому не приходится удивляться тому, что далеко не все, даже среди православных читателей, способны понять и оценить поистине вселенский масштаб этих гигантов современного богословия.

Отец Иоанн Мейендорф был блестящим и разносторонним знатоком церковной истории, которую он преподавал сначала в Парижском богословском институте, а затем в Свято-Владимирской Семинарии. Среди его церковноисторических трудов — «Имперское единство и христианские разделения» (1989)[26], «Византия и Московская Русь» (1990)[27]. Отец Иоанн рассматривал в исторической перспективе взаимоотношения Церкви и государства, заостряя внимание на таких трудных и спорных проблемах, как папоцезаризм византийских императоров и цезарепапизм римских епископов, гонения на еретиков со стороны православных в эпоху Юстиниана и гонения на православных со стороны иноверцев и безбожников в мусульманской Турции и советской России. Последняя тема, являвшаяся на протяжении семидесяти лет наиболее болезненной для всего русского зарубежья, нашла выражение в многочисленных устных и письменных выступлениях отца Иоанна в защиту прав человека в Советском Союзе. За эти выступления он в числе прочих религиозных деятелей Запада был включен в «черный список» врагов советского народа, его имя на долгие годы стало запретным и крамольным.

В 1984 году после смерти ректора (декана) Свято-Владимирской Семинарии протопресвитера Александра Шмемана отец Иоанн становится его преемником на этом посту и руководит Семинарией почти до самой кончины. Свято-Владимирская Семинария, расположенная в живописном предместье Нью-Йорка Крествуде, является духовным и богословским центром Американской Православной Церкви. Главной заботой отца Иоанна на посту ректора было повышение уровня научной подготовки студентов: он делился с учениками своими знаниями, с вниманием и отеческим участием отно-

сился к каждому студенту. Особое значение он придавал богослужению и храму. Будучи глубоким знатоком и ценителем византийской иконописи, он позаботился о том, чтобы расписать семинарский храм в византийском стиле. Его любимой фреской была «Небесная Евхаристия», где изображен Христос, причащающий апостолов: перед этим образом он совершал литургию и подолгу молился.

Духовная связь с Россией не прерывалась у отца Иоанна никогда. Однако лишь в последние несколько лет, уже будучи ректором Свято-Владимирской Семинарии, он получил возможность регулярно бывать в России, встречаться со священниками и богословами, с учеными и представителями культурной интеллигенции. Он читал лекции в Духовных Академиях, университетах, проповедовал в храмах, выступал по телевидению. В ноябре 1991 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II наградил протопресвитера Иоанна Мейендорфа орденом Святого равноапостольного князя Владимира.

Как помню, отца Иоанна особенно радовали встречи с верующей молодежью, на которую он возлагал главные надежды в «чаемом всеми нами Православном Возрождении»[28]. В одну из наших последних встреч на Всемирном конгрессе византинистов в августе 1991 года он с искренней радостью говорил о своей предстоящей поездке в Дубну, где он должен был выступать перед учеными-физиками, о широких возможностях, открывающихся перед православным пастырем в сегодняшней России, о важности изучения святоотеческого наследия, о необходимости расширения межхристианских контактов. Он напоминал о том, что в секуляризованном мире христиане, а особенно богословы и пастыри, должны стремиться к единомыслию и поддерживать друг друга: «Здесь, в России,— сказал он,— я встречаю очень много прекрасных молодых людей, которые горят желанием посвятить свою жизнь богословию, переводам святых отцов, духовной работе для пользы Церкви. Но все они действуют разрозненно, каждый сам по себе. Научитесь работать вместе, помогайте друг другу, иначе вам не удастся поднять этот титанический труд, необходимый для возрождения России».

...Смерть никогда не приходит вовремя. Отец Иоанн умер 22 июля 1992 года в расцвете сил, полный планов на будущее; он только что вернулся из России и поехал на отдых в Канаду. Он угас в течение нескольких дней после того, как в результате резкого ухудшения самочувствия ему пришлось вызвать врача, констатировавшего рак поджелудочной железы. В последние дни своей жизни отец Иоанн ежедневно причащался, незадолго до смерти над ним было совершено Таинство Елеосвящения. Накануне кончины отца Иоанна посетили в монреальской больнице Девы Марии его ближайшие сотрудники — преподаватели и священнослужители Свято-Владимирской Семинарии.

Был ясный летний день, голубое небо, солнечный луч падал на лицо умирающего. Его глаза были устремлены вдаль. Он как будто хотел что-то сказать посетившим его друзьям, но лишь промолвил: «Eucharistic icon» («икона Евхаристии»). Это были его последние слова. Может быть, он еще раз хотел сказать о своей любви к Евхаристии, которая для него была центром всего — и богословия, и духовной жизни. Или он представлял себе свою любимую икону из алтаря семинарского храма, перед которой столько молился. А может быть, он уже созерцал духовным взором Небесную Евхаристию, вечную Литургию, совершающуюся непрестанно в Царстве Божием, где верные Христу, послужившие Ему всей жизнью, становятся *причастниками Божеского естества* (2 Пет. 1, 4).

Отпевал почившего в храме Свято-Владимирской Семинарии Блаженнейший Митрополит всей Америки и Канады Феодосий с собором сослужащих и при большом стечении молящихся. По просьбе самого отца Иоанна он был похоронен на ближайшем к Свято-Владимирской Семинарии кладбище «Оуклэнд» в Йонкерсе.

Отец Иоанн перешел в Вечную жизнь и предстал перед Престолом Божиим. Для нас же он навсегда останется голосом истинного Православия, богословом в самом высоком смысле, мудрым учителем и добрым пастырем. Его книги, большинство из которых написано на французском и английском языках, несомненно, будут переведены на русский, и многие поколения

людей узнают через них Православие и откроют свои сердца навстречу Христу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Время осмысления. Интервью с протоиереем Иоанном Мейендорфом.— Московский комсомолец, 9 августа 1991.

[2] Там же.

[3] J. Meyendorff. St. Grégoire Palamas et la mystique Orthodoxe. Paris, 1959. Англ. перевод: St. Gregory Palamas and Orthodox Spirituality. N. Y., 1974.

[4] Grégoire Palamas. Defense des saints hesychastes. Louvain, 1959.

[5] J. Meyendorff, Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959. Англ. перевод: A Study of Gregory Palamas. N. Y., 1964.

[6] J. Meyendorff. Byzantine Hesichasm: Historical, Theological and Social Problems. N. Y., 1974.

[7] J. Meyendorff. Byzantine Theology: Historical Trends and Doctrinal Themes. N. Y., 1974.

[8] J. Meyendorff. The Living Tradition. N. Y., 1978.

[9] J. Meyendorff. The Byzantine Legacy in the Orthodox Church. N. Y., 1983.

[10] St. Gregory Palamas and Orthodox Spirituality, p. 173.

[11] Ibid., p. 174.

[12] Протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1985, с. 324.

[13] J. Meyendorff. Christ in the Eastern Christian Thought. N. Y., 1969.

[14] Протоиерей Иоанн Мейендорф. Халкидониты и монофизиты после Халкидона.— Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, 1965, № 52, с. 223.

[15] Протоиерей Сергий Булгаков. У кладезя Иаковля.— В сб.: Христианское воссоединение. Париж.

[16] J. Meyendorff. Orthodoxie et Catholicité. Paris, 1965.

[17] Протоиерей Иоанн Мейендорф. Кафоличность Церкви.— Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, 1972, № 80, с. 240.

[18] Там же, с. 239.

[19] Протоиерей Иоанн Мейендорф. Православное богословие в современном мире.— Вестник Русского Западноевропейского Патриаршего Экзархата, 1969, № 67б, с. 175.

[20] J. Meyendorff. The Orthodox Church: Yesterday and Today, N. Y., 1963.

[21] J. Meyendorff. Catholicity and the Chruch. N. Y., 1983.

[22] J. Meyendorff. Witness to the World. N. Y., 1987.

[23] J. Meyendorff. Vision of Unity. N. Y., 1987.

[24] J. Meyendorff. Witness to the World, p. 23.

[25] Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Предисловие протоиерея Иоанна Мейендорфа. Изд. 2-е, Париж, 1980, с. IX.

[26] J. Meyendorff. Imperial Unity and Christian Divisions. N. Y., 1989.

[27] J. Meyendorff. Byzantium and the Rise of Russia. Cambrige, 1981. Русский перевод: Византия и Московская Русь. Париж, 1990.

[28] Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Предисловие. С. X.

Иеромонах ИЛАРИОН (Алфеев),
преподаватель Московской Духовной Семинарии и Московского Православного богословского института

7501 — Хронограф — 1993

● 15 ноября 1992 года подписано соглашение между Московской Патриархией и Министерством культуры Российской Федерации о совместном использовании храмов Московского Кремля и храма Покрова на Рву (собор Василия Блаженного) на Красной площади в Москве.

● 30 ноября 1992 года из Нью-Йорка в Москву возвратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси, находившийся в США с неофициальным визитом по приглашению Предстоятеля Православной Церкви в Америке Митрополита Феодосия. Патриарх Алексий вместе с Митрополитом Феодосием принял участие в торжествах, посвященных 90-летию со дня освящения Свято-Никольского Патриаршего собора в Нью-Йорке. В 1902 году этот собор был освящен епископом Алеутским и Северо-Американским Тихоном, избранным Поместным Собором 1917—1918 годов Патриархом Всероссийским и канонизованным Русской Православной Церковью 9 октября 1989 года.

● С призывом всемерно содействовать облегчению страданий жертв Чернобыля к ООН обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Текст его обращения к участникам 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН оглашен на заседании Второго комитета сессии.

● В Москве в ведении Московской Патриархии 197 храмов. Богослужения совершаются в 132 из них. К 197 приходским храмам следует прибавить семь кремлевских соборов, семь храмов Патриаршего подворья в Китай-городе, семь домовых храмов при учреждениях Московской Патриархии, десять храмов при больницах и тюрьмах; четыре строящихся храма, две колокольни, одну часовню, а также 23 храма в четырех мужских монастырях. На приходах Москвы служат 334 священника, 96 диаконов (не считая духовенства монастырей).

С 1988 года количество действующих храмов увеличилось более чем в пять раз, а духовенства — только в два раза.

● 19—20 декабря 1992 года в Бухаресте Его Блаженством Патриархом Румынским Феоктистом были приняты в общение находящийся под запрещением от Священного Синода Русской Православной Церкви епископ Белецкий Петр с несколькими клириками Православной Церкви в Молдове. При этом Румынской Православной Церковью был издан Патриарший и Синодальный акт о восстановлении на территории Республики Молдова Бессарабской митрополии, временное управление которой до выборов митрополита Бессарабского из числа епископов Румынской Церкви, поручается епископу Петру.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II направил решительный протест Блаженнейшему Патриарху Румынскому Феоктисту в связи с принятием им в общение запрещенного в служении епископа другой Автокефальной Церкви, а также в связи с вмешательством во внутренние дела Православной Церкви в Молдове, вопреки воле ее Священноначалия, клира и прихожан.

● По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II с 11 по 16 января в Москве в здании МГУ им. Ломоносова на Воробьевых горах прошли Рождественские педагогические чтения.

● Президент России подписал распоряжение «О Троице-Сергиевой Лавре и мерах по сохранению национального историко-культурного наследия на территории Сергиево-Посадского района Московской области». Согласно этому документу, в полное ведение Русской Православной Церкви передаются здания историко-художественного музея.

● Исполнилось 250 лет со времени учреждения Санкт-Петербургской епархии — одной из самых значительных в истории Русской Православной Церкви.

● Священный Синод Русской Православной Церкви благословил создание молодежной православной скаутской организации, поручив председателю ВПМД (Всецерковного Православного Молодежного Движения) епископу Костромскому и Галичскому Александру подготовить устав молодежной скаутской организации с учетом необходимости развития работы с подростками и молодежью на приходском, епархиальном и общецерковном уровнях.

● Священный Синод Русской Православной Церкви благословил открытие Троице-Степанова Пахомиево - Нерехтского женского монастыря в с. Троица Нерехтского района Костромской епархии; Казанского мужского и Вознесенского женского монастырей в г. Тамбове.

● Решением мэра столицы зарезервирован под строительство храма Христа Спасителя земельный участок в районе Волхонки.

Группа архитекторов из «Моспроекта-2» (руководитель мастерской — И. А. Покровский, главный архитектор проекта Б. М. Могильников) представила на градостроительный совет Москвы проект храма-часовни Державной Божией Матери, со строительства которого начнется возрождение российской святыни. Проект принят. Была рассмотрена возможность начать строительство храма-часовни нынешней весной и завершить его к концу года.

Патриарх благословил проект храма-часовни Державной Божией Матери. Это произошло после литургии, которую Патриарх Алексий II отслужил в Покровском женском монастыре в Хотькове, куда приехали архитекторы, строители, руководители Фонда восстановления храма Христа Спасителя и церковной общины. Патриарх заявил, что скорейшее завершение строительства храма-часовни рядом с местом, где стоял храм Христа Спасителя, великое дело.

● 1993 год — поистине год преподобного Серафима Саровского: 160 лет со дня его блаженной кончины; 90 лет прославления преподобного. В январе минуло два года с тех пор, как чудесным образом были вторично обретены мощи святого.

● Правительство России поддержало предложение научно - исследовательского медицинского Центра при Иосифо-Волоколамском монастыре по возрождению церковной медицины в России, осуществляющей бесплатное высококвалифицированное лечение населения. Органам исполнительной власти всех уровней рекомендовано оказывать Центру всестороннее содействие.

● Писателю В. И. Белову вручен орден святого благоверного князя Даниила Московского, III степени.

Это награда Патриарха Московского и всея Руси Алексия II за вклад, который вносит писатель в возрождение Земли Русской. И не только как писатель. На собственные средства в д. Тимонихе (Вологодская обл.) В. И. Беловым восстановлена церковь Покрова на Козлене. В храме открыт приход. В. И. Белов — первый мирянин, удостоенный этой награды.

● 15—17 января в Москве прошли VI Серафимо-Дивеевские чтения, организованные «Братством во имя преподобного Серафима Саровского» и творческой интеллигенцией России. С докладами выступили А. Н. Стрижов, Н. Н. Лисовой, В. А. Гусев, А. Н. Анисимов, А. А. Широпаев (г. Москва), А. В. Федоров (г. Саров) и др.

Седьмые чтения, как сообщил председатель Братства А. Н. Стрижов планируются на июль 1993 года.

● В память о трагедии в Чернобыле будет построен храм в Киеве. Он поднимется на холме в центре украинской столицы. Автор проекта — архитектор Николай Жариков. Строительные работы будут финансироваться из недавно созданного на Украине церковного Фонда благотворительности.

● Союз православных братств провел молебен о мире в Сербии. Службу совершил в храме во имя святого Сергия Радонежского на Рогожской председатель Союза иеромонах Кирилл (Сахаров).

● В подмосковном городе Щербинка создана православная община. Здесь будет построен первый в России храм новопрославленной святой преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны Романовой, родной сестры царицы-мученицы.

● Распоряжением главы администрации Тверской области Русской Православной Церкви передан комплекс Оршин-Воскресенского монастыря. Верховный Совет России выделил на его реставрацию пять миллионов рублей. Сегодня в Тверской области 130 православных храмов и монастырей.

● Курганский архитектор Константин Ефремов стал победителем международного конкурса на лучший проект храма в Екатеринбурге на месте расстрела царской семьи.

● По данным Центра социальной демографии Российской Академии наук, ежегодно число россиян уменьшается более чем на миллион человек.

● Число родившихся за девять месяцев 1992 года в России сократилось по сравнению с тем же периодом 1991 года на 148 тысяч человек.

Если массовому детоубийству посредством абортов в стране не будет положен предел, через 25—30 лет на русской земле не будет слышно детского смеха.

● По результатам опроса общественного мнения, 60 процентов населения Белоруси считают себя православными. Треть населения республики — атеисты. Приверженцами униатской (греко-католической) Церкви назвал себя только 1 процент опрошенных.

● По сообщению митрополита Филадельфийского Мелитона, Генерального секретаря Синода Константинопольского Патриархата, 7 декабря 1992 года в Стамбуле находился называющий себя митрополитом Антоний Масендич из так называемой «Украинской автокефальной православной церкви — Киевский патриархат» (УАПЦ — КП). Патриархом они не были приняты и во всем просимом им было отказано. Митрополит Мелитон подтвердил, что Константинопольский Патриархат остается на канонической позиции непризнания раскола УАПЦ — КП.

● Глава Сербской Православной Церкви Патриарх Павел призвал граждан своей страны «уважать и щадить собственные храмы, а также храмы других народов». В связи с закладкой камня в основании первой новой православной церкви в окрестностях Белграда (в Земун Поле) Святейший Патриарх выразил горесть по поводу опустошающих повреждений, причиненных храмам различных конфессий во время боевых действий.

● Сербская Православная Церковь примирилась с православными общинами сербов Северной Америки, которые разорвали свои канонические отношения с Сербской Патриархией в 1963 году.

● В новейшей истории Албании христиане оказались в меньшинстве. По последним статистическим данным (1980 г.) 10 % христиан — католики (в основном на Севере), 20 % — православные (особенно на Юге), 700 верующих — мусульмане.

● Религиозные лидеры Сербии, Хорватии и Боснии-Герцеговины призвали к проведению общей молитвы о прекращении кровопролития.

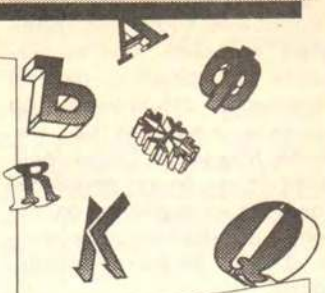
23 декабря, вознеся молитвы к Господу о прекращении кровопролития и установлении мира на территории бывшей Югославии, Священный Синод призвал архипастырей, клир и паству Русской Православной Церкви присоединиться к этой молитве, дабы мир и справедливость восторжествовали среди измученных войной братских славянских народов.

● После многих лет кропотливого напряженного и поистине подвижнического труда группы сотрудников Издательского отдела Московского Патриархата под началом архимандрита Иннокентия (Просвирнина) в декабре 1992 года увидел свет первый выпуск (т. 7, Новый Завет) десятитомного иллюстрированного издания Русской Библии. Основу издания составляет знаменитая Геннадиевская Библия, созданная в 1499 году в Новгороде ученой дружиной под руководством святителя Геннадия, Архиепископа Новгородского († 4 декабря 1505 г.). Древний текст сопровождается синодальным русским переводом; основой иллюстративного материала послужила древняя библейская миниатюра. Аналогов настоящему изданию в России не было и нет.

INCOR-E Ltd.

Шрифтовые кэртриджи для лазерных принтеров

* *Для всех моделей принтеров Hewlett–Packard LaserJet*
* *Для принтеров, эмулирующих работу HP LaserJet*
* *Возможности работы:*
  - *с текстовыми редакторами MS WORD 5.0, 5.5; Word Perfect 5.0, 5.1*
  - *с издательскими системами Ventura Publiser 2.0, Aldus Page Maker 3.0*
* *Поддержка русского, английского и других алфавитов*
* *Печать документов любого уровня сложности*
* *Печать портретной и альбомной ориентации*
* *Множество гарнитур и типоразмеров шрифтов*

Набор предлагаемых нами шрифтов включает в себя гарнитуру Кириллица (вязь) с размерами 10, 15 и 20 пунктов. Мы надеемся, что использование этих шрифтов поможет быстро и качественно переиздавать и издавать богословскую литературу.

* Новейшая разработка: шкалируемые шрифты (Scalable) позволят Вам использовать различные гарнитуры, по качеству превосходящие PostScript, в диапазоне размеров от1 до 127 пунктов!
* В 10 раз быстрее PostScript'a со всеми его эффектами!

Наш адрес: 129223, Москва, проспект Мира, ВВЦ (бывш. ВДНХ), ГДИВЦ, СП "ИНКОР–Е"
Тел. (095) 181–36–68, 181–02–04; факс (095) 181–36–68

Сдано в набор 14.12.92. Подписано в печать 08.02.93. Заказ 1591. Индекс 71157

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

Икона начала XVI века

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ